Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УПРАВЛЕНИЯ»

На правах рукописи

Евлоев Акроман Муссаевич

ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специальность: 5.5.3 - Государственное управление и отраслевые политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
Судоргин Олег Анатольевич,
доктор политических наук, доцент

Москва
2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 24

1.1. Цифровые медиа как институциональный компонент государственного управления: содержание и функции 24

1.2. Государственное управление в условиях цифровой трансформации: институциональные рамки и место цифровых медиа 51

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ 73

2.1. Практики интеграции и коммуникации цифровых медиа в деятельности федеральных органов исполнительной власти 73

2.2. Цифровые медиа в отраслевой государственой политике (на примере Министерства просвещения Российской Федерации) 101

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 126

3.1. Оптимизации механизмов взаимодействия цифровых медиа и государственного управления 126

3.2. Практическая модель развития цифровых медиа в системе государственного управления в современной России. 145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 166

Список источников и литературы 170

ВВЕДЕНИЕ

Социально-политическую реальность XXI века невозможно представить без массовой коммуникации, которая стала ключевым механизмом взаимодействия между государством и обществом. В условиях стремительной цифровизации эффективность государственного управления напрямую зависит от качества и содержания информации, циркулирующей в медиапространстве и поступающей в систему власти.

Цифровые медиа открыли новую главу в истории общественных коммуникаций, превратившись из инструмента передачи данных в институциональный элемент, формирующий общественное мнение и влияющий на механизмы принятия управленческих решений. Традиционный медиаландшафт под воздействием технологий претерпел радикальные изменения и уступил место динамичному цифровому пространству, в котором пересекаются интересы различных социальных групп, а насыщенность контента и многообразие форматов создают площадку для общественного контроля и обратной связи.

На стыке технологий и политики общество выдвигает новые ожидания к органам власти. Цифровизация формирует имидж государственных структур, влияет на уровень гражданской вовлечённости и укрепляет запрос на прозрачность и подотчётность власти. Таким образом, цифровые медиа становятся важным институциональным компонентом системы государственного управления, выступая каналом диалога и инструментом регулирования политической повестки.

Несмотря на растущую с 2010-х годов интеграцию цифровых медиа в управленческие процессы, механизмы их институционализации остаются недостаточно изученными. Теоретические модели, описывающие взаимодействие медиа и власти, требуют пересмотра в условиях перехода от концепции «электронного правительства» к модели «государства как платформы». На практике органы власти зачастую не используют весь потенциал цифровых

коммуникаций, что усугубляется отсутствием адаптированных научных моделей их применения в российской системе управления. В итоге формируется разрыв между теоретическими представлениями о потенциале цифровых медиа и практикой их применения. Это приводит к снижению результативности коммуникации государства с обществом.

Проблема исследования заключается в том, что институциональные механизмы включения цифровых медиа в структуру государственного управления современной России концептуально не оформлены, отсутствуют адаптированные практики их применения в условиях гибридного медиапространства.

Актуальность исследования проявляется в двух аспектах. Во-первых, в научном: динамичная медиатизация социально-политических процессов требует уточнения теоретических моделей, способных объяснить роль цифровых медиа в условиях цифрового соуправления. Особенно значимо изучение российской специфики, где цифровизация сочетается с высокой степенью централизации власти.

Во-вторых, в практическом: переход Российской Федерации к модели цифрового государства подразумевает активное использование цифровых медиа в предоставлении госуслуг, организации общественного контроля и формировании новых каналов взаимодействия с гражданами. Это создаёт как возможности, так и риски, требующие научного анализа и разработки рекомендаций.

Таким образом, исследование актуально как для развития теории государственного управления в условиях цифровой трансформации, так и для совершенствования практики, обеспечивающей прозрачность, эффективность и результативность работы органов власти.

Степень разработанности темы

Теоретическая основа государственного управления и его взаимодействие с масс-медиа имеет глубокую проработку, охватывающую классические (М. Вебер, В. Вильсон, Ф. Тейлор[1]) и современные подходы. К ним относятся:

[1] Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа (под ред. Дж. Шафритц, А. Хайд; пер. с англ. Т. И. Борисенко и др.). – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 24–43.; Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор. Пер. с англ. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с.

теория нового государственного менеджмента (Т. Гэблер, Д. Осборн К. Худ),[2] сетевого управления (Я. Куиман, Р. Роудс, Д. Петерс)[3], цифровое управление (П. Данлэви, Х. Маргеттс)[4], Good Governance[5]. Источники демонстрируют эволюцию взглядов — от бюрократических моделей до цифровой трансформации, что свидетельствует о высокой степени изученности базовых аспектов[6].

Проблема взаимосвязи масс-медиа и государственного управления анализируется через призму политологии, социологии, экономики и коммуникативистики. В работах П. Бурдье[7], М. Кастельса[8], Н. Луманна[9] подчёркивается комплексность темы, но также указывается её фрагментарность в отдельных областях, например, в вопросах цифрового неравенства или кибербезопасности.

Отечественные исследования (И. Б. Орлов, Л. В. Сморгунов, В. Е. Чиркин) адаптируют зарубежные теории к местной специфике[10]. Современные авторы (А.

---

[2] Hood, C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. – 1991. – 69(1). – P. 3–19; Осборн Д. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик. – М., 2001. Osborne D. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / D. Osborne, T. Gaebler. Addison-Wesley: Reading, MA. 1992.

[3]Rhodes, R.A.W. The Hollowing Out of the State: The Changing Nature of the Public Service in Britain // Political Quarterly. – 1994. – 65(2). – P. 138–151; Kooiman, J. Social-Political Governance: Overview, Reflections and Design // Public Management Review. – 1999. – 1(1). – P. 67–92; Peters, B.G., & Pierre, J. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration Research and Theory. – 1998. – 8(2). – P. 223–243

[4] Patrick Dunleavy, Helen Margetts, Simon Bastow, Jane Tinkler. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. – Oxford University Press, 2006. – 289 p.

[5] Долгих У.О. «Good governance» – альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль. – 2017. – №6. – С. 23–28**.**

[6] Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 4. – С. 70–93.

[7] Бурдье П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдье; [Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой]. – М.: Прагматика культуры, Ин-т эксперимент. социологии, 2002. – 159 с.

[8] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

[9]Луман Н. Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

[10] Орлов И.Б. Современные теоретические и методологические доктрины (модели) государственной политики и управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – № 4. – С. 95–103; Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 32–40; Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от публичного государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 100–121.

Ю. Демидов, А. И. Лукашов) акцентируют внимание на новых вызовах цифровой среды[11]. В докладах НИУ ВШЭ критикуются мифы цифровизации, подчёркивая необходимость более глубокого анализа[12].

В концепциях У. Липпмана, Г. Маклюэна и С. Холла раскрывается роль медиа в формировании общественного мнения, однако динамика взаимодействия с государственными структурами в условиях социальных сетей требует дополнения[13].

В работах Г. Дженкинса, Р. Ноймана, М. Кастельса содержится трактовка цифровых масс-медиа как нового явления современного мира[14]. Особенностям, отличающим цифровые масс-медиа от традиционных СМИ, посвящены работы А. Г. Дугина, А. А. Митиной, Т. И. Никитина, К. Г. Фрумкина[15]. Понимание социальных феноменов в виртуальном пространстве изложено Ж. Бодрийяром[16]. Изучение алгоритмов цифровых платформ, нивелирующее экспертный контент, проведено А. Брунсом и Р. Нильсеном[17]. Влияние масс-медиа

---

[11] Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровойтрансформации государственного управления // Государственная служба. – 2021. – Т.23, №1. – С. 28–34.

[12] Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. [Электронный ресурс] / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

[13] Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.; Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.; Холл С. Культурные исследования: двепарадигмы // Логос. – 2012. – №1 (85). – С. 157–183.

[14] Рассел Н.У. Будущее массовой аудитории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/309043/The_Future_of_the_Mass_Audience (дата обращения: 14.02.2024).

[14] Дженкинс Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа: [16+] / Генри Дженкинс; [пер. с англ. А. Гасилина]. – М., СПб.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. – 381 с.

[14] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.

[15] Митина А.А. Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 14(3). – С. 37–43; Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. – 2010. – Т. 1. – С. 26–36; Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с.

[16] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции = Simulacres et simulation / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 238 с.

[17] Bruns A. Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. – Peter Lang, 2018. – 394 p; Nielsen R. The Power of Platforms: Shaping Media and

на публичную сферу исследовал Ю. Хабермас, идеи которого актуальны для анализа воздействия социальных сетей в формировании общественного мнения[18]. Его идеи на современном этапе развивают С. Саймон, Э. Стюарт, Д. Хартманн[19]. Алгоритмическое управление контентов проанализировали М. М. Назаров, К. Джеймисон и Д. Каппелли[20].

Научное осмысление состояния влияния цифровых масс-медиа на государственное управление представлено в ряде современных публикаций. Взаимодействия правительства и социальных сетей изучали Б. Новак, С. Голдсмит и У. Д. Эггерс[21]. И. Мергель предложила концепцию для анализа взаимодействия государственных организаций с гражданами через цифровые медиа[22]. Н. Е. Дмитриева проанализировала российский опыт использования социальных сетей ФОИВами[23]. Присутствие органов государственного управления в онлайн-пространстве является важной составляющей современного научно-исследовательского дискурса[24]. Возможности внедрения технологии Big Data

---

Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357860906_The_power_of_platforms_shaping_media_and_society (дата обращения: 14.02.2024).

[18] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

[19] Стюарт, Э., Хартманн, Д. Новая структурная трансформация публичной сферы // Социологическая теория. – 2020. – №2. – С. 170–191; Саймон С. Новая структурная трансформация публичной сферы? С Хабермасом, против Хабермаса и за пределами Хабермаса // Society. – 2023. – №6. – С. 842–867.

[20] Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. – 2020. – Том 8, №2. – С. 108–124; Jamieson K. H., Cappella J. N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 320 p.

[21] Бет. Н. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. – М.: Альбина Паблишер, 2012. – 292 с.; Голдсмит С., Эггерс У. Сетевое управление: новая форма государственного сектора [Электронныйресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com.co/books/about/Governing_by_Network.html?id=NXodqVX9R0C (дата обращения: 15.01.2024)

[22] Mergel, I. Agile: A New Way of Governing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/Agile-innovation-management-in-government%3A-A-agenda-Mergel/34794ea6aa1e6635837908f48bcf2ff606014aa3 (дата обращения: 15.01.2024).

[23] Дмитриева Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 123–146.

[24] Гнедаш А.А., Малышева О.П., Рябченко Н.А., Тимофеева Л.Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой

в систему государственного и муниципального управления анализируют Д. Ю. Знаменский, А. С. Сибиряев, Т. М. Токмурзин[25]. Проблему медиавлияния государственного управления в контексте становления журналистики данных поднимают В. В. Барабаш, С. И. Симакова и др. [26] Медиатизации сопутствует проблема развития дезинформации, которая также попала в объектив исследовательского интереса[27].

Изучение направление совершенствования влияния цифровых медиа на государственное управление связано с преодолением ряда ограничений (К. В. Демидова, С. П. Земцов, Д. Ю. Кичаев)[28], с развитием концепции «электронной демократии» [29], а также с задачами повышения прозрачности власти и эффективности механизмов обратной связи (А. С. Богданов, Х. А. Гаджиев, А. В. Тихонов)[30].

медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51; Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30; Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 686–710.

[25] Znamenski D.Y. Sibiryaev A.S., Tokmurzin T.M. «Big Data» as a Mechanism for Assisting State and Municipal Authorities // Lecture Notes in Networks and Systems. — 2022. — Т. 397. — P. 170–178.

[26] Симакова С.И. Журналистика данных как современное направление журналистики // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2013. – №1 (11). – С. 52–56.

[27] Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 262–273; Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3 (43). – Политология. – С. 98–101; Качкаева А.Г., Шомова С.А., Душакова И.С. Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2021. – Том 6, №2. – С. 5–32; Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2019. – № 2. – С. 37–45.

[28] Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 57–78; Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. – 2021. – № 4. – С. 18–26.

[29] Лолаева А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2025. – Т. 52, № 1. – С. 19–29; Coleman, S., Blumler, J. G. The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy. – Cambridge University Press, 2009. – 232 p.

[30] Гаджиев Х.А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. - 2021. Том 27, № 1. – С.8-20. С. 17; Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного

Начало изучения интеграции данных и медиааналитики в государственном управлении положено в зарубежной научной литературе (Дж. Бертот, П. Джегер и И. Мергель Д. Хансен,)[31]. Оптимизация развития цифровой инфраструктуры через платформенные решения в российском научном поле исследуется О. В. Ватолиной, Т. В. Хышовой, Д. К. Лигай и др. «Цифровой этатизм» как тренд развития российской медиаполитики анализируется А. П. Кочетковым и А. Ю. Мамычевым[32] Данному тренду соответствует «управляемая цифровая открытость», изучение которой было положено А. Чадвиком[33]. К. Анселл и А. Гэш определили концептуальные рамки «соуправления»[34], изучение которых стало прологом к «гибридному управлению» (И. Мергель)[35]. В данных концепциях обосновалась необходимость модернизации традиционных иерархических структур в условиях цифровизации.

Наиболее значимыми в контексте изучаемой темы оказались диссертационные исследования И. В. Мирошниченко, С. Н. Федорченко, О. Г. Филатовой и Э. В. Самородовой. В докторской диссертации И. В. Мирошниченко социальные сети впервые системно проанализированы как институциональный элемент публичной политики[36]. С. Н. Федорченко

регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 74–81.

[31] Mergel I. Social Media in the Public Sector: A Guide to Participation, Collaboration and Transparency in the Networked World. – John Wiley & Sons, 2012. – 320 p; Bertot, J. C., Jaeger, P. T., & Hansen, D. The impact of polices on government social media usage: Issues, challenges, and recommendations // Government Information Quarterly. – 2012. – 29(1). – P. 30–40.

[32] Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–113.

[33] Чадвик Э. Гибридная медиасистема: политика и власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://figshare.com/articles/journal_contribution/All_political_communication_is_hybrid_A_conversation_with_Andrew_Chadwick_about_his_latest_book_The_Hybrid_Media_System_Politics_and_Power_/9474719?file=17099222 (дата обращения: 15.01.2024)

[34] Анселл К., Гэш А. Совместное управление в теории и на практике // Журнал исследования и теории государственного управления. – 2008. – № 18(4). – С. 543–571.

[35] Mergel, I. The Role of Social Media in Public Sector Innovation: A Hybrid Governance Perspective // Government Information Quarterly. – 2019. – 36(3). – P. 345–356.

[36] Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2013. – 40 с.

проанализировал, как процессы цифровизации используются для укрепления политических режимов, а цифровые медиа становятся инструментом контроля информационного пространства[37]. О. Г. Филатова обосновала медиаэкосистемный подход, при котором власть и общество рассматриваются как сложная экосистема, а цифровые медиа играют ключевую роль[38]. Тенденции регулирования цифрового пространства изучила Э. В. Самородова[39].

Изучение цифровых коммуникаций и сетевых процессов в публичной политике представлено в ряде современных диссертационных исследований, близких к предметной области работы, но не раскрывающих институциональную роль цифровых медиа в системе государственного управления. Так, в работе Д. А. Тезадовой «Сетевые ресурсы развития социальной политики в современной России» исследуются возможности цифровых и сетевых технологий в сфере социальной политики[40]. Автор анализирует трансформацию социальных практик, влияние цифрового неравенства, механизмы межсекторного партнёрства и сетевые ресурсы, определяющие модернизацию социальной сферы. Диссертация А. А. Шестаковой «Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества» посвящена динамике субъектности в публичной политике, включая цифровых лидеров, блогеров, сетевые движения, гражданских журналистов[41]. Исследование раскрывает влияние интернет-коммуникаций на политические процессы. Работа Е. В. Колокольцевой «Роль средств массовой информации в формировании имиджа Российской Федерации в системе международных отношений»

---

[37] Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: диссертация на соискание степени доктора политических наук. – М., 2021. – 564 с.

[38] Филатова О.Г. Электронное взаимодействие власти и общества: медиаэкосистемный подход: автореферат на соискание ученой степени д.п.н. – М., 2024. – 50 с.

[39] Самородова Э.В. Тенденции развития отечественной медиаполитики в условиях цифровизации: 2010-2021: диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – М., 2022. – 173 с.

[40] Тезадова Д.А. Сетевые ресурсы развития социальной политики в современной России: диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. – Краснодар, 2023. – 212 с.

[41] Шестакова А.А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. – Краснодар, 2023. – 198 с.

анализирует медиавлияние в международной политике, рассматривая СМИ как инструмент формирования имиджа государства[42].

Анализ научной литературы демонстрирует устойчивый исследовательский интерес к проблемам медиатизации государственного управления. Вместе с тем, вопрос институциональной роли цифровых медиа в системе государственного управления современной России остаётся недостаточно проработанным. Недостаёт комплексных исследований институциональной роли цифровых медиа. В контексте данного исследования институциональная роль цифровых медиа понимается как закреплённые в практике государственного управления функции и механизмы цифровых коммуникаций, посредством которых социальные сети, мессенджеры, платформы и другие цифровые каналы становятся устойчивым элементом взаимодействия власти и общества.

Тема обладает солидной теоретической базой, однако динамика технологических изменений и ограниченность системных эмпирических исследований указывают на необходимость её дальнейшей разработки.

Объектом исследования выступает система государственного управления в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации.

Предметом исследования являются институциональные механизмы функционирования цифровых медиа в системе государственного управления современной России.

Цель исследования — выявить институциональную роль цифровых медиа в системе государственного управления и разработать научно обоснованные рекомендации по оптимизации их интеграции в управленческую практику.

Основные задачи исследования:

- раскрыть содержание, функции цифровых медиа и их роль в системе государственного управления;

---

[42] Колокольцева Е.В. Роль средств массовой информации в формировании имиджа Российской Федерации в системе международных отношений: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2023. – 31 с.

- описать эволюцию теоретических представлений о государственном управлении в условиях цифровой трансформации;
- охарактеризовать практику интеграции цифровых медиа в деятельность федеральных органов исполнительной власти;
- на основе результатов эмпирического исследования дать оценку использования цифровых медиа в отраслевой государственной политике (на примере Министерства просвещения РФ);
- разработать механизмы оптимизации взаимодействия цифровых медиа и институциональных структур государственного управления;
- определить направления и разработать пути совершенствования цифровых медиа в системе государственного управления.

Гипотеза исследования заключается в том, что цифровые медиа в современной России выполняют институциональную роль в системе государственного управления, формируя гибридную модель взаимодействия, в которой технологические возможности цифровизации сталкиваются с институциональными барьерами и социальными ограничениями. Позитивный эффект (повышение прозрачности, открытости, обратной связи) сосуществует с рисками (дезинформация, цифровое неравенство). Эффективность функционирования цифровых медиа в системе государственного управления определяется сочетанием трёх факторов: качества цифровой инфраструктуры, уровня медиаграмотности населения и адаптивности государственных институтов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Уточнено содержание понятия цифровых медиа в системе государственного управления; выявлены ключевые институциональные признаки цифровых медиа как интегрированного элемента публично-властных коммуникаций, выполняющим функции медиапосредничества, контроля, адаптации и вовлечения граждан в процессы управления.

2. На основе анализа теоретических разработок в современной политико-управленческой науке дана теоретическая интерпретация государственного управления как многоуровневой системы, в которой медиакоммуникации

осуществляются на стратегическом, организационно-исполнительном и гражданском уровнях, а цифровые медиа выполняют системообразующую роль, обеспечивая связь между уровнями, поддерживая публичную легитимность, управленческую координацию и вовлечённость граждан.

3. Выявлены институциональные практики интеграции цифровых медиа в деятельность федеральных органов исполнительной власти, определены их медиастратегии, дифференцирующиеся по степени открытости, диалогичности и функциональному назначению, и доминирующие модели взаимодействия (информационно-имиджевая, сервисно-коммуникационная и партисипативная).

4. По результатам самостоятельного эмпирического исследования выявлена специфика использования цифровых медиа как специализированной коммуникационной экосистемы в реализации отраслевой государственной политики (на примере Министерства просвещения РФ) и их инструментально-технологический потенциал в интеграции образовательной политики, формирования отраслевых ценностей и вовлечения граждан в реализацию национального проекта.

5. Предложены практические рекомендации по оптимизации механизмов взаимодействия цифровых медиа и государственного управления на основе учёта комплекса факторов: социальных, технологических и институциональных, позволяющих обеспечить переход от режима управляемой открытости к устойчивым моделям цифрового соуправления.

6. Обоснована трёхуровневая модель развития цифровых медиа в системе государственного управления на основе принципов симметричности коммуникаций, цифровой делиберации, открытых данных и подотчётности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории медиатизации государственного управления, адаптируя её к условиям цифровой трансформации российской административной системы. Разработана теоретическая модель «цифрового соуправления», которая расширяет представления об электронной демократии и позволяет рассматривать цифровые медиа как институциональный элемент системы государственного управления.

В исследовании предложена классификация функций и механизмов цифровых медиа (коммуникативных, контролирующих, адаптационных, соуправленческих), описаны новые формы цифровых коммуникационных практик и институциональные адаптации, формирующие специфическую среду взаимодействия власти и общества. Сформирована теоретическая рамка для анализа ограничений институционализации цифровых медиа и обоснованы модели их оптимизации. Таким образом, автор работы вносит вклад в развитие теоретических представлений о трансформации государственного управления под воздействием цифровой среды, предлагая новые концептуальные подходы и методологические решения, актуальные для современной политической науки и исследований цифрового общества.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения его результатов для совершенствования механизмов цифровой коммуникации органов государственной власти, повышения прозрачности и качества обратной связи с гражданами.

Полученные выводы могут быть использованы:

– при разработке стратегий цифровой политики государства, ориентированных на развитие медиакоммуникаций между властью и обществом; для повышения эффективности медиастратегий федеральных органов исполнительной власти, в том числе через внедрение стандартов ведения официальных аккаунтов в социальных сетях и анализ показателей вовлечённости, цитируемости и общественного доверия;

– при совершенствовании практик ведомственной медиаполитики, обеспечивающих баланс между открытостью и цифровым суверенитетом государства;

– в процессе повышения цифровой грамотности и медиакомпетенций граждан, включая развитие волонтёрских инициатив в рамках национальных проектов;

– для оптимизации коммуникационной инфраструктуры государственного управления, включая интеграцию систем мониторинга общественных

настроений и механизмов партисипативного взаимодействия в социальных сетях;

– при подготовке и переподготовке кадров государственной службы по направлениям цифрового управления, стратегических коммуникаций и медиаполитики.

Анализ медиапрактик федеральных ведомств может быть использован как модель выстраивания отраслевой медиаполитики. Результаты исследования также представляют ценность для органов исполнительной власти, научных и образовательных учреждений при разработке методических рекомендаций и стандартов цифрового взаимодействия, обеспечивающих повышение прозрачности и доверия к системе государственного управления.

Теоретико-методологические основания диссертации. Основу исследования составляет совокупность современных подходов политической науки, раскрывающих трансформацию государственного управления под воздействием цифровых коммуникаций.

Для анализа распределённой структуры власти и механизмов координации, основанных не на иерархии, а на взаимодействии и доверии используется сетевой подход (Р. Роудс, Я. Куиман, Б. Питерс, Дж. Пьер). В рамках теории сетевого управления государство выступает не только регулятором, но и узлом в системе горизонтальных коммуникаций. Это особенно значимо в цифровую эпоху, когда социальные сети, мессенджеры и платформы формируют плотную сеть информационных связей между государством, бизнесом и гражданами. В данном контексте цифровые медиа рассматриваются как медиаторы в сетевой архитектуре государственного управления, обеспечивающие каналы обратной связи, соучастия и мобилизации граждан.

Неоинституциональный подход (П. Димаджио, В. Скотт, Дж. Марч, Й. Олсен) позволяет выявить институциональные формы и механизмы, посредством которых цифровые медиа интегрируются в систему государственного управления. Он акцентирует внимание на нормах, правилах и организационных практиках, определяющих взаимодействие государства и медиасреды. Цифровые медиа

трактуются как институционализированный элемент коммуникационной подсистемы государственного управления, закреплённый в нормативных актах, стратегиях цифровой трансформации и управленческих практиках федеральных органов власти.

Концепция публичной ценности (М. Мур) задаёт нормативную рамку исследования, позволяя рассматривать цифровые медиа как инструмент формирования общественной значимости управленческих решений. Эффективность государственного управления в цифровой среде определяется способностью государства создавать и поддерживать общественное доверие через прозрачные коммуникации, вовлечение и подотчётность.

Теория гибридного управления (И. Мергель, К. Анселл, А. Гэш) раскрывает процессы сочетания иерархических, сетевых и рыночных механизмов в условиях цифровой трансформации. Она релевантна в современных реалиях, поскольку описывает переход от модели «электронного правительства» к модели «государства как платформы», где цифровые медиа становятся посредником между различными уровнями власти и общественными акторами.

Концепция цифрового государственного управления («Digital Era Governance» Х. Маргеттс, П. Данлэви) обеспечивает методологическую основу для анализа влияния технологий на институциональную структуру государства. Она позволяет рассматривать цифровые медиа как элемент экосистемы цифрового управления, обеспечивающий интеграцию данных, персонализацию коммуникации и повышение прозрачности.

Особое значение для данной работы имеет концепция трёхуровневой модели государственного управления, разработанная А. И. Соловьёвым. Исследователь выделяет три взаимосвязанных уровня принятия решений:

– макроуровень, где формируются стратегические ориентиры, идеологические приоритеты и легитимность политического курса;

– мезоуровень, включающий институты исполнительной власти, административные механизмы и ведомственные системы реализации политики;

– микроуровень, отражающий повседневные формы гражданского участия, социальные взаимодействия и медиаповедение акторов.

В рамках данной работы эта модель адаптируется к анализу цифровых коммуникаций. На макроуровне цифровые медиа рассматриваются как инструмент стратегического лидерства и формирования публичной повестки государства, на мезоуровне — как элемент ведомственных медиастратегий и инструмент реализации государственных функций в цифровой среде, на микроуровне — как часть цифровой повседневности граждан, влияющая на доверие, вовлечённость и восприятие управленческих решений. Теоретические основания модели, предложенной А. И. Соловьёвым, позволили интегрировать иерархические и сетевые аспекты управления с анализом коммуникационных процессов, обеспечивая целостное понимание того, как цифровые медиа становятся посредником между уровнями власти, институтами и обществом.

В работе применялись: системный метод, традиционный анализ документов, вторичный анализ данных социологических исследований, социально-сетевой анализ (изучение структуры аудитории VK, Telegram, RuTube), сравнительный анализ (динамика медиапотребления) и дискурс-анализ (нарративы в публикациях СМИ и соцсетях).

Эмпирическая база исследования составляют обширные данные, отражающие текущее состояние цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации, в том числе:

- Нормативно-правовые акты и стратегические документы. Для системного анализа использованы: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национальный проект «Цифровая экономика», федеральные проекты «Цифровое государственное управление» и «Молодёжь и дети», а также Концепция взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества в цифровой среде. Проанализирован ряд документов, определяющих правовое регулирование медиа.

- Официальные медиаканалы Правительства Российской Федерации. Включают Telegram-канал «Правительство России» и официальное сообщество VK. Проведён анализ типов коммуникаций, риторики сообщений и тематических блоков (экономика, образование, цифровизация, международное сотрудничество). Отдельное внимание уделено репрезентации лидерской роли председателя Правительства и механизмам формирования публичного имиджа института исполнительной власти через цифровые медиа.

- Официальные цифровые каналы федеральных органов исполнительной власти. Проведён комплексный анализ 21 Telegram-канала министерств РФ по состоянию на I-III кварталы 2025 года. Исследование включало сбор и обработку данных об аудитории, уровне читаемости, вовлечённости пользователей, частоте публикаций, тематической направленности и типах взаимодействия с гражданами. Кроме количественных метрик, проведён качественный контент-анализ сообщений. Проведён сквозной анализ публикаций Telegram- и VK-каналов ФОИВ, направленный на определение стратегических тем, медиариторики, моделей взаимодействия с гражданами и степени открытости коммуникации. Выявлены ключевые тенденции цифровой медиаполитики — от формального информирования до элементов цифрового соуправления и делиберации.

-Медиаканалы отраслевых ведомств. Особое место занимает анализ цифровых коммуникаций Министерства просвещения РФ — официального сайта, сообщества VK и Telegram-канала. Проведён сравнительный анализ динамики медиаприсутствия и цифровых показателей (охваты, вовлечённость, индекс цитирования), а также выполнен контент-анализ тематических блоков: просвещение, патриотическое воспитание, цифровизация образования, участие в национальном проекте «Молодёжь и дети». Для сравнения использованы медиаканалы Минцифры, Минобороны и Минкультуры, что позволило выявить институциональные различия в медиастратегиях ведомств.

- Статистические и социологические данные. Использованы результаты исследований ВЦИОМ, ФОМ, НАФИ и Минцифры России за 2019–2025 годы, отражающие динамику медиапотребления, уровень доверия к государственным

источникам информации, цифровую грамотность населения и особенности взаимодействия граждан с официальными каналами коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цифровые медиа в условиях цифровой трансформации выступают не только как технологический канал передачи информации, но как институциональный компонент современной системы государственного управления, обеспечивающий многоуровневую и интерактивную модель коммуникации власти и общества. Происходит функциональная трансформация медиа от традиционной модели одностороннего вещания к интерактивным форматам, что расширяет каналы влияния граждан на государственные решения. Цифровые медиа включаются в нормативное регулирование, управленческие стратегии и деятельность федеральных органов власти как элементы инфраструктуры публичного управления. Их воздействие на государственное управление – многоуровневое и полифункциональное. Цифровые медиа становятся не только инструментом информационной деятельности, но и выступают в качестве механизма соуправления, обеспечивая поэтапное вхождение общества в процессы подготовки и реализации управленческих решений.

2. В условиях цифровой трансформации государственное управление утрачивает черты исключительно иерархической и бюрократической системы, превращаясь в многослойную структуру, внутри которой цифровые медиа выполняют институционализированную функцию коммуникативного управления. Цифровых медиа эволюционировали от внешнего или вспомогательным коммуникавтиыного инструмента системы государственного управления до внутреннего элемента механизма принятия государственных решений. Цифровые медиа функционируют как связующий узел между макро-, мезо- и микроуровнями государственного управления. Они легитимируют политическое лидерство на стратегическом уровне, структурируют реализацию управленческих решений на организационно-административном уровне и обеспечивают активную обратную связь и оценку качества управления на уровне гражданского участия. Будучи системообразующим компонентом системы государственного управления, цифр вые медиа влияют на ее новые стандарты открытости, подотчетности, сервисности.

3. Цифровые медиа институционализированы в системе государственного управления России как структуры стратегической, ведомственной и гражданской коммуникации. Проведённый анализ медиапрактик федеральных органов исполнительной власти выявил наличие трёх взаимосвязанных уровней коммуникации: 1) стратегический (макроуровень) — формирование управленческой повестки и образа системного лидерства правительства через официальные цифровые каналы; 2) ведомственный (мезоуровень) — реализация дифференцированных медиамоделей (массово-идеологической, сервисно-информационной, экспертно-технологической и социально-коммуникативной), обусловленных профилем министерства, формата контента и целевой аудитории; 3) гражданский (микроуровень) — формирование каналов обратной связи, пользовательской репликации и общественного контроля посредством комментариев, репостов, онлайн-консультаций и цифровых обращений. Эффективность интеграции цифровых медиа в госуправление определяется не только нормативной базой и численностью подписчиков, но и способностью ведомств адаптировать контент к логике цифровой среды — через форматизацию управленческих решений, риторическую персонализацию и включение граждан в медиадискуссию. Данное положение уточняет границы концепции «электронного правительства» и дополняет её характеристикой цифровых медиа как автономной подсистемы управления и публичного влияния, обладающей собственными регулятивными, символическими и коммуникационными функциями.

4. Исследовательский кейс оценки институциональной роли цифровых медиа в реализации отраслевой государственной политики на примереМинистерства просвещения РФ демонстрирует, что цифровые медиа становятся неотъемлемым элементом государственного управления в сфере образования, обеспечивая сочетание институциональной стабильности и инновационных форм гражданского участия. Цифровые медиа как структурный компонент отраслевого государственного управления способствуют реализации федеральных проектов, входящих в национальный проект «Молодёжь и дети»; формированию отраслевой цифровой экосистемы, включающей образовательные платформы («Моя школа», «Сферум»), интегрированной с цифровыми сервисами государства и профессиональными

сетевыми сообществами; переходу от вертикальной трансляции управленческих решений к модели цифрового соуправления, выраженному в появлении цифровых механизмов обратной связи, опросов, продвижения ценностно-воспитательных и медиапросветительских инициатив; смысловой и стратегической интеграции медиа (информационной, идеологической и просветительской функций) для формирования общественной поддержки образовательной политики.

5. На основе эмпирического анализа и теоретического обобщения предложены практические рекомендации по оптимизации механизмов взаимодействия цифровых медиа и государственного управления, позволяющая преодолеть выявленные социальные и институциональные барьеры. Эффективная интеграция цифровых медиа в систему государственного управления возможна при одновременном воздействии на три группы факторов: социальные факторы — устранение цифрового неравенства и повышение медиаграмотности граждан через институционализацию цифрового волонтёрства, развитие образовательных программ и вовлечение региональных сообществ практики цифрового участия; технологические факторы — создание условий для внедрения единой цифровой инфраструктуры (типовые ИТ-решения, API для межплатформенного обмена, аналитика больших данных), обеспечивающей доступность и интерактивность медиакоммуникаций органов власти; институциональные факторы — преодоление бюрократических барьеров, развитие стандартов обратной связи и прозрачных алгоритмов модерации в официальных цифровых каналах, создание площадок для публичного экспертно-медийного диалога.

6. Оптимизация механизмов взаимодействия цифровых медиа и государственного управления возможна только в условиях перехода от «управляемой цифровой открытости» к модели «цифрового соуправления», обеспечивающей баланс технологической эффективности, публичной подотчётности и гражданского участия. Разработанная автором трёхуровневая модель развития цифровых медиа в системе государственного управления основана на интеграции принципов цифрового соуправления (симметричность коммуникаций, цифровая делиберация и подотчётность на основе данных) и адаптирована к институциональным особенностям

современной России. Модель включает: макроуровень — стратегическую медиаполитику, обеспечивающую формирование ценностных рамок, общественных ожиданий и медиа-суверенитета государства; мезо-уровень — стандартизированные и аналитически обоснованные медиастратегии федеральных органов исполнительной власти, интегрированные в реализацию отраслевых политик; микроуровень — расширение цифрового участия граждан, основанное на увеличении медиаграмотности и доступности цифровых каналов обратной связи. Переход от модели «управляемой цифровой открытости» к «цифровому со-управлению» возможен при сочетании институциональных реформ, технологической модернизации и социальных программ, что формирует условия для устойчивой электронной демократии и повышения эффективности государственного управления.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность исследования основывается на обширной источниковой базе, представленной нормативными документами, опубликованными исследованиями, интернет-ресурсами, для анализа которых применялся научный инструментарий.

Результаты диссертационного исследования были апробированы на научных всероссийского и международного уровней (Международная научная конференция молодых исследователей «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2024)», г. Москва, 16-20 декабря 2024 г., IV Международная научная конференция «Государственное управление и политика в цифровую эпоху», г. Москва, 28 февраля 2025, Международная научно-практическая конференция XIV Столыпинские чтения «Евразийское пространство: актуальные аспекты международной, национальной, региональной и локальной политики», г. Краснодар, 17 октября 2025 г., Международная научно-практическая конференция: «Большой Каспий в контексте евразийской геополитики: реальность и перспективы XXI века», г. Астрахань, 24 октября 2025 г. Результаты диссертационного исследования отражены в 9 научных работах, написанных автором лично и в соавторстве, общим объемом 4,9 п.л., в том числе: 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства

науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций.

Диссертация подготовлена и обсуждена на заседании кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления. Профиль диссертации соответствует п. 6 «Политика цифровизации и цифровое государственное управление» и 7 «Информационно-коммуникативная среда государственного и муниципального управления, роль масс-медиа, связи с общественностью и государственными органами в государственном и муниципальном управлении» Паспорта специальности 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики.

Структура работы состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

1.1. Цифровые медиа как институциональный компонент государственного управления: содержание и функции

Под воздействием технологий во второй половине 20 в. начался рост исследований коммуникативной сферы, развития массовой культуры и изменений в гуманитарном знании. Появляются исследования процессов медиапространства, которые заложили основы коммуникативистики как научной сферы, изучающей вопросы развития видов коммуникаций человека в социуме. Среди них – М. Маклюэн, Ф. Киттлер, М. Кастельс, Э. Тоффлер и др.[43] Теория медиа изначально формировалась как междисциплинарная сфера, наибольшее влияние на нее оказали политология, социология, философия. Методологические основы понимания медиа были заложены в работах В. Беньямина, Й. Хёйзинга, К. Леви-Стросса, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра и др[44].

К концу XX века теория медиа вышла на новый виток развития: распространение интернета повлекло за собой трансформацию общественных отношений, во многом предсказанную М. Маклюэном ещё в 1960-е гг. Это потребовало новых концептуальных и методологических подходов для анализа влияния медиа на общество. Эти подходы начали формироваться в 80-х гг. XX в. с развитием компьютерных технологий, кибернетики и структурного анализа. Теория электронных

[43] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с; Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с; Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
[44] Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю. А. Здорового. – М.: Медиум, 1996. – 240 с; Хейзинга Й. Homo Ludens. «Человек играющий»: Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

медиа Ф. Киттлера[45] стала дополняться множеством концептуально альтернативных подходов к исследованию медиа. М. Кастельс разработал теорию информациональной экономики и проследил влияние технологических революций на макроэкономические показатели национальных государств[46].

Интерес к ним неизменно растёт с ростом уровня проникновения медиатехнологий в нашу повседневную жизнь. Особенностью является постоянная динамика, которая опережает скорость накопления научных знаний. Поэтому научными методами сложно анализировать происходящие изменения. Ценными становятся наблюдения исследователей, работающих в синхронии с развитием технологий, тогда как актуальность исследований возрастом более 5 лет существенно снижается.

Ученые в середине прошлого века начали говорить о необходимости власти использовать современные коммуникативные каналы. Например, К. Дойч уже в 1963 г. писал о значимости коммуникации как особого политического инструмента и выводил зависимость между развитием политической системы и повышением эффективности каналов коммуникации[47]. Важнейшей для исследования теорией является концепция публичной сферы Юргена Хабермаса, рассматривающей масс-медиа как регулятор общественной жизни и важную площадку для формирования общественного мнения. В книге «Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества» Хабермас описывает зарождение, подъем и упадок публичной сферы, подчеркивая, что качество общества зависит от способности людей открыто обсуждать и дискутировать[48].

В начале XXI в. М. Кастельс сформулировал концепцию «сетевого общества». Он отмечал, что функционирование информации присуще человеческому

---

[45] Киттлер Ф. Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г. / Пер. с нем. О. Никифорова и Б. Скуратова. – М.: Логос; Гнозис, 2009. – 272 с.

[46] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

[47] Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. – New York: The Free Press of Glencoe, 1963. – 316 p.

[48] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

обществу на всем протяжении истории цивилизации, что же касается постиндустриального общества, то в нем генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. Постиндустриальное общество он назвал «информациональным» и сетевым, в котором функции и процессы реализуются по принципу сетей. Поэтому для государства в таком обществе требуется использование новых медиа, не имеющих вертикальную структуру.

На современном этапе появляются исследования использования цифровых технологий в политическом процессе, политической коммуникации и государственном управлении. О. С. Осипова, Р. А. Багдасарова, В. А. Лукушин рассматривают, как на современном этапе масс-медиа используются для развития диалога между государством и гражданским обществом на всех уровнях власти.[49] Д.Ю. Знаменский констатирует двойственность влияния: «в процессе формирования политики цифровизация становится частью политической повестки дня, напрямую влияя на приоритеты политики, но вместе с тем все больше возрастает роль цифровых технологий как средства реализации политики»[50].

Термин «масс-медиа» в научном дискурсе является весьма дискуссионным, в первую очередь из-за терминологической близости с понятием СМИ. В БСЭ он дается просто как английский перевод: «Средства массовой информации (англ. mass media), каналы оперативного и общедоступного распространения информации среди широких масс населения»[51].

Определения СМИ и масс-медиа, как правило, используются в научной литературе в контексте их функций и влияния на общество, однако их не следует отождествлять. Согласно общепринятому пониманию, средства массовой информации

---

[49] Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – 11(1). – С. 20–28.

[50] Знаменский Д.Ю. Тренд цифровизации и государственная политика Российской Федерации в сфере науки и технологий // PolitBook. — 2022. — № 1. — С. 146–157.

[51] БСЭ. Публичная сфера [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4161662?ysclid=m7cqomkvc1742372725 (дата обращения: 10.12.2023).

(СМИ) представляют собой организации, которые производят, распространяют и обеспечивают доступ к информации с целью информирования общества (телевидение, радио, печатные издания и т.д.). Главной их функцией является передача определенного контента (новостного, аналитического, культурного). Понятие «масс-медиа» охватывает более широкий спектр, подразумевая не только производящие контент организации, но и технологические платформы, через которые передаётся информация.

Масс-медиа включают в себя все формы коммуникации, которые могут достигать массовой аудитории, от традиционных (телевидение, радио, газеты) до цифровых (социальные сети, блоги, подкасты). Определение цифровых масс-медиа предусмотрено во втором параграфе данной работы. Масс-медиа охватывают содержание контента, способы его распространения, а также взаимодействие с аудиторией.

Итак, можно отметить несколько ключевых различий между двумя понятиями. Во-первых, СМИ акцентируют внимание на институциональном аспекте – на самих организациях и их роли в информационном процессе, тогда как масс-медиа рассматривают процесс коммуникации в более широком контексте, включая технологии и аудиторию. Во-вторых, масс-медиа предполагают более динамичные отношения между производителями контента и потребителями, включая возможность обратной связи и взаимодействия (например, через социальные сети).

Современные научные теории определяют масс-медиа как сложный и многогранный феномен, включающий технологии, институты, контент и аудиторию. Ряд исследователей рассматривает масс-медиа как социальный институт, формирующий общественное мнение и влияющий, таким образом, на принятие политических решений. У. Липпман более столетия назад показал, как медиа формируют влияющие на восприятие политики «картины мира» в сознании людей[52].

---

[52] Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.

Для раскрытия влияния масс-медиа на формирование общественного мнения необходимо обратиться к теории фрейминга. Масс-медиа предоставляют множество фреймов (от англ. – кадр, рамка) для представления политической информации, и аудитория формирует свои взгляды под их влиянием[53]. Исследователи обращают внимание на масс-медиа как технологическую систему. Цифровые масс-медиа будут проанализированы во втором параграфе. Здесь отметим, что оценка роли технологической стороны как фактора изменения будущего мира коммуникациями была заложена уже в размышлениях М. Маклюэна о «глобальной деревне»: «Наша специалистская и фрагментированная цивилизация, структурированная на основе принципа «центр-периферия», внезапно для себя переживает быструю перекомпоновку всех своих механизированных частей в единое органическое целое. Это новый мир глобальной деревни»[54]. Н. Луман рассматривает медиа как систему, конструирующую социальную реальность[55]. Стюарт и Джеймс Кэри акцентируют внимание на роли масс-медиа как культурного конструктора, подчеркивая их участие в создании и распространении культурных символов[56]. Кроме того, масс-медиа рассматриваются как часть экономической системы[57], креативной отрасли рыночной экономики[58].

Не менее важно оценивать масс-медиа как инструмент власти и идеологии. Уже в 1930-е гг., согласно воззрениям немецкого философа К. Шмитта, масс-медиа развивались не только как инструменты передачи информации,

---

[53] Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. – 160 с.

[54] Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с

[55] Луман Н. Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с

[56] Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. – 2012. – №1 (85). – С. 157–183; Carey James W. Communication as culture: Essays on media and society / James W. Carey. — Boston etc.: Unwin Hyman, 1989. — XIII, 241 p.

[57] Фомина А.Н. Концептуализация понятия «медиаиндустрия» // Креативная экономика. – 2023. – Т.17, № 1. – С. 71–90.

[58] Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во МГУ, 2019. – 224 с.

но и как формы власти[59]. Несмотря на то, что философ не разрабатывал отдельной теории медиа, его идеи о власти и политике могут быть применены для анализа роли масс-медиа в современном обществе. Он называл их «неотъемлемой частью современного государственного аппарата», поскольку они формируют «общественное мнение как часть политического процесса»[60]. Поскольку общественное мнение создается через организованное воздействие на массы, масс-медиа являются «продолжением власти»[61]. Более того, превратив население в аудиторию, они изменили «саму природу политического господства»[62].

Первоначально масс-медиа относились к категории косвенной власти, однако с течением времени они стали активно участвовать в формировании политических реалий и зачастую выступают как независимая политическая сила. Пьер Бурдье критикует телевидение за его роль в формировании общественного мнения и поддержании символической власти[63]. А. А. Дмитриев видит в них инструмент укрепления престижа государства на международной арене[64]. Понятие «четвертая ветвь власти» [65], закрепившееся первоначально за СМИ в журналистике, сейчас распространяют на все масс-медиа за их способность контролировать действия государственных органов, что способствует повышению прозрачности и подотчетности власти[66].

---

[59] Шмитт К. Понятие политического / Карл Шмитт; пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Наука, 2016. – 567 с.

[60] Шмитт К. Легальность и легитимность. – М.: Юридический колледж МГУ, 2008. – 288 с

[61] Шмитт К. Диктатура. – М.: Издательство: Высшая школа экономики, 2019. – 296 с.

[62] Шмитт К. Государство и политическое многообразие. – М.: Владимир Даль, 2019. – 416 с.

[63] Бурдье П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдье; [Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой]. – М.: Прагматика культуры, Ин-т эксперимент. социологии, 2002. – 159 с.

[64] Дмитриев А. А. Масс-медиа как инструмент укрепления престижа государства на международной арене // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 ноября 2019г.: в 2-х ч. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. – Часть I. – С. 79–81.

[65] Профессия репортера и журналиста // Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. – М.: Права человека, 1998. – 152 с.

[66] Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. – М.: Памятники ист. Мысли, 1994. – 170 с.

Ряд авторов рассматривает масс-медиа как экосистему со сложным взаимодействием технологий, контента, аудитории и социальных институтов[67]. По мнению Е. Л. Вартанова, термин «экосистема» одновременно обозначает новую технологическую среду, в которой сегодня существуют СМИ, и характеризует комплекс современных производственных, социальных и культурных реалий медиа в целом[68].

В работе используются две комплементарные модели: (а) внутренняя — цифровые медиа как компонент интегрированной коммуникационной системы органов власти; (б) внешняя — цифровые медиа как механизм общественного контроля и давления (civic oversight). Это позволит описать как институционализированное взаимодействие, так и партисипативные практики граждан.

Для того, чтобы иметь точку опоры в исследовании, нам необходимо определиться с понятием цифровых масс-медиа. Впервые научному сообществу его представил профессор Мичиганского университета Р. Нойман в 1991 г. Он определил цифровые масс-медиа как «новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента»[69]. Р. Нойман акцентирует внимание на факторе доступности и вовлеченности пользователей в производство контента.

Другое определение дает Г. Дженкинс в своей книге «Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа». Г. Дженкинс объясняет, что цифровые масс-медиа характеризуются конвергенцией различных медиаформатов и активным вовлечением аудитории в процесс создания и распространения контента, при этом акцентирует внимание на большом

---

[67] Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К. и др. Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / Под ред. С.Л. Уразовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 252 с.

[68] Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во МГУ, 2019. – 224 с.

[69] Рассел Н.У. Будущее массовой аудитории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/309043/The_Future_of_the_Mass_Audience (дата обращения: 14.02.2024).

потенциале для формирования новых форм социальной организации и коллективного действия[70]. М. Кастельс фокусирует внимание на глобальном масштабе потребления: «Цифровые масс-медиа представляют собой системы коммуникаций, основанные на цифровых технологиях, которые обеспечивают создание, распространение и потребление информации в глобальном масштабе»[71].

На основании этих определений в данном исследовании будем использовать авторскую трактовку.

Цифровые медиа – это совокупность современных инструментов передачи информации и коммуникации в онлайн-среде, основанных на цифровых технологиях и обеспечивающих массовое вовлечение пользователей в процессы создания и распространения контента. На современном этапе их развитие можно систематизировать в четыре основные группы:

1. Социальные сети VK и мессенджеры. В России самыми популярными являются ВКонтакте и Telegram. По данным Mediascope на июнь 2024 г., в среднемесячный охват VK составлял 74% аудитории, среднесуточный – 45%, среднее время использования- 46 минут. Для Telegram эти показатели составили, соответственно, - 70%, 50% и 44 минуты. Следующие в рейтинге были показатели TikTok и Одноклассники, но их охваты аудитории были значительно ниже (TikTok - 54% среднемесячный охват аудитории 54%, Одноклассники – 41%, среднесуточные – 25 и 16%)[72].

2. Видеохостинги, например, YouTube или Rutube. На этих платформах размещено значительное количество профессионального и любительского контента, политических и социальных обзоров, у пользователей есть возможность делиться мнением, транслировать свою позицию на большую аудиторию. По данным на июнь 2024 г., среднесуточная аудитория Rutube составила 4,4 млн.

---

[70] Дженкинс Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа: [16+] / Генри Дженкинс; [пер. с англ. А. Гасилина]. – М., СПб.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. – 381 с.

[71] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с. - С. 45.

[72] Медиапотребление 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/Медиапотребление%202024_НАТ_27.08.2024.pdf (дата обращения: 18.03.2025)

человек, месячная аудитория около 45 млн., что в 2,1 раз выше показателей июня 2023 г. Рост аудитории YouTube за тот же период был скромнее, составив – 9,4% за год, однако аудитория значительной - 55,6 млн. человек. Замедление работы YouTube в России способствует перераспределению аудитории[73].

3. Веб-сайты и цифровые платформы государственного и общественного взаимодействия (например, онлайн-СМИ). По данным медиалогии, предоставляющие ежемесячные рейтинги СМИ, в России самыми популярными в 2024 г. были РИА Новости, ТАСС, Интерфакс. Они же возглавили тройку лидеров по цитируемости и за январь 2025 г[74].

4. Подкасты, блоги и иные децентрализованные формы онлайн-коммуникации. Исследования показывают, что блогосфера существенно влияет на формирование общественного мнения, предоставляя альтернативные источники информации и расширяя спектр доступных точек зрения. При этом она отличается децентрализацией, независимостью мнений. Блогеры могут формировать групповое мнение, используя доверие аудитории, признающий авторитет блогера[75].

Таким образом, цифровые медиа выступают не только как технологический феномен, но и как многоуровневая система каналов, выполняющих одновременно информационные, коммуникативные и социокультурные функции в современном государственном управлении и публичной политике.

Существует ряд особенностей, которые отличают цифровые масс-медиа от традиционных СМИ.

Первое – это формат и доступность. Масс-медиа в классическом понимании М. Маклюэна – это печатные СМИ, телевидение, радио[76]. В случае с цифровыми

---

[73] Медиапотребление 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/Медиапотребление%202024_НАТ_27.08.2024.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

[74]Рейтинги федеральных СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/ (дата обращения: 18.03.2025)

[75] Чечулин А. В., Бабенко В. А., Степанова Е. А., Иванов В. М. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. – 2023. – №4. – С. 81–92.

[76] Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.

масс-медиа мы имеем несколько иную ситуацию. М. Кастельс выделяет основным средством распространения информации через цифровые масс-медиа – интернет, т.е. они становятся полностью лишенными физической оболочки[77]. Таким образом, видеоплатформы, веб-сайты, социальные сети попадают в единое пространство, что позволяет сочетать аудио, видео и печатный контент в более компактном формате. Цифровой контент отличается мультимедийностью, а значит и привлекательностью для пользователей. Отдельные авторы считают, что ««Человек читающий» начинает вымирать и на смену ему приходит «Человек смотрящий», который усваивает материал при помощи визуальных образов»[78]. Исследователи отмечают появление т.н. «клипового мышления». По мнению К. М. Фрумкина, данный феномен является вектор нового уровня отношений человека с информацией, характеризующегося неспособностью воспринимать «длинную линейную последовательность однородной информации»[79]. Это обусловлено увеличением инфопотока и требований к скорости поступления информации, под воздействием которых ускоряется темп жизни и растет многозадачность. В отличие от старых видов масс-медиа, цифровые источники информации гораздо легче получить и распространить в разных форматах и с разных устройств. К тому же стиль подачи информации может варьироваться, чаще всего она изложена простым и понятным языком.

Следующее отличие – это интерактивность цифровых масс-медиа. Вовлеченность в процесс потребления и создания контента для цифровых масс-медиа очень высокая. Можно оставлять комментарии, гораздо легче обсуждать контент. Такая вовлеченность имеет социальные последствия. «Развивающиеся в ходе цифровой трансформации новые медиа создают не просто новые формы потребления средств массовой информации, а дают обществу возможность быть

---

[77] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.

[78] Митина А.А. Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 14(3). – С. 37–43.

[79] Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. – 2010. – Т. 1. – С. 26–36.

активным участником медиапроцесса, формируя новые аспекты социального поведения аудитории»[80]. Базирующееся на интерактивности медиапотребление становится в то же время и «определенным социальным индикатором медиасреды»[81].

Для понимания социальных феноменов в виртуальном пространстве необходимо применить теоретические подходы Ж. Бодрийяра и введенные им понятия «гиперреальности», «симулякров» и «симуляции»[82]. Они являются ключевыми для понимания современной культуры в контексте распространения цифровых масс-медиа. По мнению философа, поток информации уничтожает реальность, создавая огромное количество симулякров. Так формируется гиперреальность, заменяя подлинную реальность. В гиперреальности симуляции (копии, образы, медиа) кажутся реальными, формируют восприятие мира, заменяя собой оригинальные явления. Если применить это положение к цифровым медиа, то можно увидеть, как они создают гиперреальность, предлагая пользователям мир более яркий, упорядоченный, чем реальная жизнь. Например, социальные сети, видеоигры и виртуальные миры создают альтернативные реальности, которые могут восприниматься пользователями как более привлекательные или значимые, чем повседневная жизнь. Обработанные алгоритмами новости также формируют гиперреальность, где информация подается в виде упрощенных нарративов, которые могут искажать сложность реальных событий. Бодрийяр рассуждает на тему **с**имулякров как копий или образов, у которых больше нет связи с оригиналом. Они существуют как самостоятельные сущности и в современном мире заменяют реальность, создавая иллюзию, которая становится новой реальностью. Отталкиваясь от положения Бодрийяра, можно отметить, что цифровые медиа основаны на симулякрах: фотографии в соцсетях, мемы, виртуальные персонажи или даже новостные сюжеты, которые часто являются интерпретациями событий, а не их точным отражением.

---

[80] Никитина Т.И., Никитин А.А. Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 3 (60). – С. 38–43.

[81] Там же.

[82] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции = Simulacres et simulation / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 238 с.

Семулякрами, заменяющими реальные личности, являются и профили в социальных сетях, а также набирающие популярность благодаря искусственному интеллекту цифровые аватары личности. Процесс создания симулякров и гиперреальности Ж. Бодрияр называет симуляции. Это система, в которой реальность заменяется моделями и копиями, которые функционируют как самостоятельные. Применительно к современным условиям, необходимо отметить, что цифровые медиа — это мощный инструмент симуляции. Алгоритмы социальных сетей создают персонализированные «пузыри реальности», где пользователи видят только ту информацию, которая соответствует их предпочтениям и убеждениям. Это создает иллюзию, что мир именно таков, каким его показывают медиа, хотя на самом деле это лишь симуляция, созданная алгоритмами и медиаплатформами. Виртуальная реальность и видеоигры создают полностью симулированные миры, которые могут восприниматься как физический мир. Например, игроки могут чувствовать большую связь с виртуальными персонажами, чем с реальными людьми.

Таким образом, концепция Ж. Бодрийяра помогает понять, как цифровые масс-медиа создают новую реальность, подменяя оригинальную. Гиперреальность, симулякры и симуляция становятся основными инструментами формирования восприятия мира в эпоху цифровых технологий. В результате, реальность становится все более фрагментированной, а граница между реальным и виртуальным стирается. Концепция Ж. Бодрийяра была положена в основу социологических исследований на базе Государственного университета управления в 2019 г. По итогам социологического анализа было выявлено, что большинство респондентов в значительной части ощущают себя комфортно в виртуальной, потенциально опасной среде. «Мало того, эта среда становится для них жизненно необходимой: молодые люди выкладывают на всеобщее обозрение свою жизнь, свои мысли, желания, систему ценностей, затаенные надежды и мечты. Этот образ социальной активности становится для большинства столь необходимым элементом самореализации, что

перестает быть частью этого процесса и становится самостоятельным, целостным, лежащим вне человека феноменом» [83].

Третье отличие - видоизменяется процесс производства контента. Возникает большое разнообразие способов его создания. В сетевом пространстве конкурируют между собой профессионалы и любители, количество источников материала кратно возрастает по сравнению с традиционными СМИ. Пользователи сети Интернет сами имеют возможность создавать контент и даже организовывать свои собственные СМИ, не имея при этом профессиональных навыков. Особенно хорошо это видно в сфере политического и развлекательного контента, когда на видеохостингах возникает большое количество любительских каналов, которые посвящены политическим обзорам и созданию медийного контента. Порог вхождения в таких условиях постепенно снижается, в результате, как отметил А. Г. Дугин в работе «Война континентов», каждый становится «Сам себе СМИ»[84]. В итоге расширяется аудитория и увеличивается количество потребителей контента.

Анализ динамики медиапотребления в России в 2023–2024 гг. выявляет изменения в предпочтениях аудитории между традиционными СМИ, такими как телевидение, и цифровыми масс-медиа[85]. Данные последних лет указывают на продолжающуюся глубокую трансформацию медиа-ландшафта. Начнем с традиционных СМИ, в частности, телевидения. В 2023 г. 98% россиян смотрели телевизор хотя бы иногда, однако в 2024 г. этот показатель снизился до 97%. Более значительное снижение наблюдается среди ежедневной аудитории, которая уменьшилась с 66% до 63%. Среднее время просмотра сократилось с 3 часов 57 минут до 3 часов 22 минут, что подтверждает общий тренд на уменьшение интереса к этому формату,

---

[83] Новиков В.Г., Ковалева С.В. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «антисоциальной» теории Жана Бодрийяра // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 39–45.

[84] Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с. - С.233.

[85] Медиапотребление 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-943603253071-mediapotreblenie-2023 (дата обращения: 18.03.2025)

потерю аудитории и усталость от привычного формата подачи информации. Примечательны возрастные различия в данном контексте. Для молодежной аудитории (18–24 года) телевизор не является приоритетным источником информации: среднее время их просмотра составляет всего 1 час 09 минут. В отличие от них старшее поколение (55+ лет) проводит перед экраном гораздо больше времени — 6 часов 44 минуты. Этот разрыв в восприятии медиа указывает на грядущую смену поколений, когда молодые люди будут все меньше ориентироваться на традиционные каналы информации, что в будущем может существенно изменить медиапейзаж. Согласно данным о цифровых масс-медиа, можно наблюдать значительный рост интереса к данному формату. В 2023 г. 83% россиян использовали интернет хотя бы иногда, и этот показатель увеличился до 85% в 2024 г. Число людей, использующих интернет ежедневно, также выросло с 81% до 84%. Важным аспектом является увеличение среднего времени, проведенного в сети, которое возросло с 4 часов 09 минут до 4 часов 57 минут. Однако интерес к различным формам интернет-контента также меняется. В 2024 году доля времени, проводимого в социальных сетях, снизилась с 19% до 16%. Это изменение можно объяснить ростом потребления видеоконтента, доля которого увеличилась с 18% до 20%, а также стабильной популярностью мессенджеров, сохраняющих 16%. Telegram, на который в 2024 г. пришло 70% пользователей, и ВКонтакте - с охватом 74%, становятся важными инструментами для распространения информации, особенно среди молодежи. WhatsApp по-прежнему остаётся самым популярным мессенджером с охватом 79% и, следовательно, обеспечивает высокий уровень коммуникации среди пользователей.

В результате наблюдаемой динамики можно сделать вывод о явном снижении интереса к традиционным СМИ в пользу цифровых платформ, которые занимают все более важное место в повседневной жизни граждан. Видеоконтент, социальные сети и мессенджеры становятся основными каналами, через которые аудитория потребляет информацию. Эти изменения в медиапотреблении не только демонстрируют растущую роль цифровых технологий, но и ставят новые задачи перед системой государственного управления в России.

Традиционные СМИ уступают место цифровым, несмотря на высокое экспертное качество контента и многолетнее доверие аудитории. Это определяется тем, что утрачивается особая позиция эксперта в вопросах распространения информации. Комментарий анонимного пользователя может успешно противостоять позиции нобелевского лауреата, а мем – официальному заявлению должностного лица. Цифровизация снижает удельный вес политического воздействия интернет-аналогов обычных СМИ, трансформируя прежний, традиционный механизм подачи информации. Как следствие, цифровое пространство выступает универсальным статусным уравнителем. А. Бранс вводит понятие «gatewatching» (наблюдение за воротами), изучая, как пользователи социальных медиа берут на себя роль «кураторов» информации, что приводит к размыванию границ между экспертами и непрофессионалами, так как пользователи начинают восприниматься как источники информации, даже если их знания ограничены[86]. Р. Нильсен анализирует, как платформы способствуют снижению доверия к традиционным источникам информации. Алгоритмы платформ часто продвигают контент, который вызывает эмоции, при этом о достоверности информации речь не идет. В результате подкреплённое эмоциональным откликом мнение обычного пользователя может восприниматься как более значимое, чем экспертное[87]. Можно выделить следующие причины феномена нивелирования экспертной оценки цифровыми масс-медиа:

1) доступность информации, в результате которой создаётся иллюзия, что каждый может стать экспертом, особенно образовательный уровень потребителей является невысоким;

2) алгоритмы платформ, нацеленные на продвижение эмоционально окрашенного контента, без учета его достоверности. Это обусловлено тем, что главная

---

[86] Bruns A. Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. – Peter Lang, 2018. – 394 p.

[87] Nielsen R. The Power of Platforms: Shaping Media and Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357860906_The_power_of_platforms_shaping_media_and_society (дата обращения: 14.02.2024)

задача заключается в удержании внимания и вовлеченности аудитории, экспертный контент может восприниматься как скучный, перегруженный терминологией;

3) аутентичность, базирующаяся на том, что пользователи доверяют кажущимся более «реальным» и «близким» людям, чем экспертам;

4) кризис доверия к традиционным источникам авторитета (учёные, государственные деятели, политики) снижается из-за скандальных кампаний или недостоверных прогнозов, вызванных высокой степенью изменений во всех сферах общества.

Четвертое отличие - информация в цифровом медиапространстве обновляется постоянно, скорость генерации контента значительно возрастает. Устойчивый рост генерации информации и разнообразие платформ способствуют тому, что пользователи ежедневно получают доступ к огромному объему новых сообщений, видеороликов и других форматов контента. Традиционные СМИ очень сильно уступают цифровым по данным параметрам. Важно отметить, что рассматриваются, по данным на октябрь 2023 г., не объемы традиционных печатных СМИ, а их цифровые аналоги, которые, несмотря на свои успехи, все же уступают масштабам большей части социальных медиа[88].

Например, РИА Новости демонстрирует ежедневную аудиторию сайта более 8 миллионов пользователей и совокупную аудиторию в социальных сетях, превышающую 10,5 млн подписчиков[89]. ТАСС, в свою очередь, публикует около 3000 сообщений в сутки, включая 600-800 фото- и видеоновостей, что говорит о высокой продуктивности и адаптации к цифровому формату[90]. RT как международный медиапроект достигает впечатляющих показателей: 10 млрд просмотров на YouTube и более 200 млн посещений своих сайтов[91]. Лента.Ру, с ежемесячной аудиторией

[88]Медиапотребление 2023. Режим доступа: https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-943603253071-mediapotreblenie-2023?ysclid=m869e7qjr7926960969 (дата обращения: 18.03.2025)

[89] РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

[90] ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ (дата обращения: 18.03.2025)

[91] RT на русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/ (дата обращения: 18.03.2025)

более 36 млн[92], и «Комсомольская правда», с ежедневной аудиторией сайта в 4,5 млн и высокой позицией в категориях охвата, также подчеркивают значимость цифрового контента[93].

В сравнении с крупными социальными платформами, такими как ВКонтакте, где аудитория достигает около 100 млн пользователей в месяц с ежедневной аудиторией более 45 млн[94], и Telegram, который пользуется популярностью у более 90 млн пользователей в России с ежедневной аудиторией примерно в 70 млн, традиционные медиа все еще оказываются на вторых ролях[95]. Даже RuTube, который имеет ежемесячную аудиторию свыше 65 млн с ежедневной аудиторией около 25 млн, показывает, как цифровые платформы начинают доминировать в информационном пространстве[96].

Таким образом, анализ данных подтверждает, что информация в цифровом медиапространстве обновляется постоянно, а скорость генерации контента значительно возрастает.

Пятое отличие заключается в том, что создается возможность следить за общественными запросами. Представителям государственного управления можно отслеживать ситуацию, которая сложилась в пространстве распространения контента. В данном случае необходимо обратиться к концепции Ю. Хабермаса. Несмотря на то, что Ю. Хабермас писал о публичной сфере до эпохи цифровых медиа в 1960-е гг., его идеи можно применить для анализа социальных сетей как нового пространства в формировании общественного мнения и возможности его отслеживания[97].

---

[92] Лента.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/ (дата обращения: 18.03.2025)
[93] Комсомольская правда. Режим доступа: https://www.kp.ru/?ysclid=m9zxi4vcuv988752497
[94] VK/ что такое VK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/about (дата обращения: 18.03.2025).
[95] Telegram. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://telegram.org/ (дата обращения: 18.03.2025).
[96] Видеохостинг RUTUBE [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rutube.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).
[97] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

Публичная сфера, согласно его концепции, является пространством открытого обсуждения, где частные индивиды могут обмениваться мнениями по общественно значимым вопросам, формируя тем самым общественное мнение. В современном контексте цифровые платформы, такие как социальные сети и блоги, стали новой ареной для этого процесса.

На этапе формирования дискуссий огромную роль играет рациональная критическая аргументация. Ю. Хабермас считал, что в идеальной публичной сфере обсуждения должны опираться на аргументы, а не на эмоции или манипуляции. Однако в цифровой среде этот принцип часто осложняется преобладанием эмоционального контента, продвигаемого алгоритмами. Тем не менее, разработки в области анализа данных (например, анализ тональности - раздел обработки естественного языка (NLP), который фокусируется на выявлении и классификации мнений, выраженных в текстовых данных), предоставляют возможность выявлять рациональные аргументы и отсеивать эмоционально окрашенные[98]. Это позволяет государственным структурам лучше понимать и интерпретировать реальные общественные запросы, извлекая из цифровых дискуссий значимые данные.

Одной из важных функций публичной сферы, согласно Ю. Хабермасу, является её доступность и инклюзивность, основанная на принципах равенства и плюрализма мнений. Цифровые медиа, с одной стороны, действительно делают пространство для обсуждений более открытым для различных сообществ, включая маргинализированные группы. Однако, с другой стороны, продолжается существование цифрового неравенства, которое ограничивает доступ людей к этим платформам. Несмотря на это, как показала практика, социальные медиа всё же предоставляют возможность для голосов, которые исторически не имели возможности влиять на общественное мнение.

Важно отметить, что медиатизация публичной сферы, о которой говорит Хабермас, в условиях цифровой эпохи достигла новых масштабов. Алгоритмы платформ управления контентом влияют на видимость тем, формируя «пузырьки

[98] Анализ настроений: инструменты, методы и примеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://researchmethod.net/sentiment-analysis/ (дата обращения: 14.02.2024).

фильтров» и «эхо-камеры», в которых пользователи получат доступ преимущественно к тем мнениям, которые совпадают с их собственными. Таким образом, для государственных структур, стремящихся к анализу общественного мнения, требуется учитывать эту тенденцию медиатизации. Вопрос о кризисе публичной сферы также остается важным в современном контексте. Хабермас указывал на опасности коммерциализации медиа, и эта проблема только усилилась в эпоху цифровых медиа. Монополизация платформ, например, Google, создает вызовы для государственных структур, использующих их для анализа общественного мнения, поскольку данные, собранные с этих ресурсов, могут быть искажены коммерческими интересами.

Наконец, Ю. Хабермас поднимал вопрос контроля над публичной сферой, что также становится актуальным в условиях цифровых медиа. Контроль осуществляется не лишь через цензуру, но и через алгоритмические манипуляции, что создает риски искаженного контекста для обсуждений. Таким образом, государственные структуры, использующие цифровые медиа для отслеживания общественного мнения, должны учитывать эти сложности и стремиться к большей прозрачности.

В целом, теория Ю. Хабермаса предоставляет мощный аналитический инструмент для понимания роли цифровых масс-медиа в мониторинге общественного мнения. Основные идеи, такие как рационально-критическая дискуссия, доступность публичной сферы и проблемы медиатизации, необходимо учитывать для эффективного взаимодействия государства с цифровыми платформами. В современном научном поле продолжается развитие его идей. Э. Стюарт и Д. Хартманн рассматривают новые социальные условия, составляющие «публичную сферу» в современных США. Авторы выделяют направления исследований, которые документируют новую структурную трансформацию современной публичной сферы: гражданская коммуникация через новые медиа; профессионализация социальных движений; новые гибридные институты, такие как аналитические центры,

некоммерческие фонды и другие публично-частные партнёрства[99]. С. Саймон оценивает новую структурную трансформацию публичной сферы[100].

Таким образом, цифровые масс-медиа формируют принципиально новую медиасреду, размывая традиционные границы между производителями и потребителями контента, а сам процесс коммуникации становится интерактивным и многовекторным. В этой среде доминируют такие характеристики, как постоянная доступность, высокая скорость обновления информации и возможность прямой обратной связи, что приводит к трансформации не только способов распространения информации, но и самой природы медиаконтента. Снижение значимости традиционных СМИ в пользу цифровых платформ свидетельствует о фундаментальной смене парадигмы медиапотребления, где ключевую роль играют интерактивность, многообразие источников и возможность отслеживания общественных запросов в реальном времени. Это создает необходимую основу для детального анализа форм и функций цифровых масс-медиа, поскольку именно понимание этих характеристик позволит раскрыть механизмы их влияния на современное общество и коммуникационные процессы.

Цифровые масс-медиа охватывают широкий спектр контента и имеют сложное содержание. Контент можно классифицировать на несколько основных типов: текстовый, аудиовизуальный и интерактивный. Каждый из этих типов имеет свои особенности и форматы.

Текстовый контент включает в себя различные формы передачи информации, написанные текстом и имеющие цифровой формат. К текстовому контенту могут относиться статьи и блоги. Также источником текстового контента могут быть электронные книги и журналы, которые могут распространять как научный, так и развлекательный контент.

---

[99] Стюарт, Э., Хартманн, Д. Новая структурная трансформация публичной сферы // Социологическая теория. – 2020. – №2. – С. 170–191.

[100]Саймон С. Новая структурная трансформация публичной сферы? С Хабермасом, против Хабермаса и за пределами Хабермаса // Society. – 2023. – №6. – С. 842–867.

Аудиовизуальный контент – это тип контента, который сочетает в себе звук и изображение, распространяется на широкую аудиторию в цифровом формате. К аудиовизуальному контенту относятся видеоролики. Подвидом аудиовизуального контента являются подкасты. Это аудиопрограммы, которые посвящены обсуждению различных тем, их можно слушать в любое время, и они охватывают различные темы, от интервью до образовательных программ. Также к аудиовизуальному контенту относятся стримы. Стримы – это прямые трансляции, где участники могут взаимодействовать друг с другом в реальном времени. Фильмы и сериалы являются еще одним видом аудиовизуального контента. «В век активной визуализации видеоконтент, прежде всего инструментарий его изготовления, становится наиболее привлекательным ресурсом и одной из ведущих причин посещения социальных сетей»[101].

Интерактивный контент подразумевает активное участие пользователей в процессе получения информации. К интерактивному контенту относятся игры. Игры могут быть как развлекательными, так и образовательными, предоставляя пользователям возможность влиять на сюжет и результаты. Также к интерактивному контенту относятся опросы и викторины. Данные форматы вовлекают пользователей в процесс сбора данных или тестирования знаний, тем самым добиваясь вовлечения пользователя. Стоит отметить виртуальную и дополненную реальность как элемент интерактивного контента. Эти технологии позволяют пользователям погружаться в интерактивную среду и получать уникальный опыт взаимодействия.

Значительную роль в формировании информационной повестки в современном обществе играет т.н. пользовательский контент (User-Generated Content, UGC). Термин «UGC» стал активно появляться с ростом влияниях видеохостингов и социальных сетей в первое десятилетие нашего века.

Одно из первых официальных упоминаний термина UGC встречается в отчете Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

[101] Тюрин Б.А. Видеоконтент социальных сетей как новый инструментарий экранных искусств // Вестник ВГИК. – 2021. – № 134(50). – С. 134–143.

«Participative Web and User-Created Content: Web 2.0, Wikis and Social Networking», опубликованном в 2007 г., где UGC определяется как контент, созданный непрофессионалами и публикуемый на цифровых платформах[102]. В отчете анализируется быстрый рост пользовательского контента и его возрастающая роль в мировой коммуникации и политические последствия. «Посредством данного понятия описывается целый пласт текстов, - считает М. Н. Ким, - который создается и распространяется самими пользователями интернета. В широком смысле к пользовательскому контенту можно отнести всю совокупность информации, созданной за счет новейших медиатехнологий. Это может быть и текст, отправленный по факсу, и смс-сообщение, и инфографика, и цифровая фотография, и видеобращение, и аудиозапись, и подкаст, и пост в социальных сетях, и видеоблог, т. е. все то, что создано пользователями по их собственной инициативе и распространено в сети для широкой публики»[103]. По мнению автора, данный контент развивается под воздействием «технологических, творческих и коммуникативных» факторов[104].

Пользовательский контент позволяет пользователям делиться взглядами, опытом и знаниями, создает многообразие мнений и делает информационную среду более насыщенной. Также стоит заметить, что он оказывает влияние на СМИ, которые часто его используют для подтверждения своих тезисов. Пользовательский контент также задает повестку и делает определенные темы вирусными в социальных сетях, что влияет на общественное мнение. Часто такое влияние распространяется в кризисные моменты или во время значимых событий: быстрое распространение публикаций формирует восприятие самих событий, это делает их важной частью в информационной экосистеме. Это можно проиллюстрировать следующим примером. 15 февраля 2013 г. в небе над Челябинском

---

[102] Совместное использование Интернета и пользовательского контента Web 2.0, вики-проекты и социальные сети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=HdPVAgAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.02.2024)

[103] Ким М. Н. Пользовательский контент: проблемы жанрообразования // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3. – С. 70–79

[104] Там же

взорвался метеорит, что вызвало массовые разрушения и панику среди жителей. Свидетели события оперативно публиковали видео и фото в социальных сетях, записи стали вирусными и были подхвачены мировыми СМИ. UGC оказался самым оперативным и наглядным способом донести информацию о событии, которое произошло внезапно[105].

Спецификой предоставления информации в сети является алгоритмическое управление контентом - процесс, при котором алгоритмы используются для выбора и представления информации пользователям в зависимости от их предпочтений, запросов или интересов. Исследователи выделяют особенности алгоритмического управления контентом[106].

В первую очередь, это персонализация - настройка контента в зависимости от индивидуальных интересов и предпочтений пользователя. Алгоритмы собирают и анализируют данные о поведении пользователей (например, историю просмотров, лайки, комментарии) для подбора контента специально под пользователя. Персонализация помогает пользователям находить интересующий их контент, улучшает вовлеченность и способствует получению большего удовольствия от потребления контента.

Негативным последствием персонализации являются «фильтрующие пузыри»[107]. «Фильтрующий пузырь» — это способ сортировки контента, когда пользователь получает доступ к информации, которая соответствует его существующим убеждениям и интересам, в то время как альтернативные источники информации и точки зрения игнорируются или подавляются. Такой способ работы с данными способствуют получению пользователем сугубо желаемой информации, что может

---

[105] На Урале произошло чрезвычайное событие в буквальном смысле космического масштаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2013-02-15/77422-na_urale_proizoshlo_chrezvychaynoe_sobytie_v_bukvalnom_smysle_kosmicheskogo_masshtaba (дата обращения: 14.02.2024)

[106] Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. – 2020. – Том 8, №2. – С. 108–124

[107] За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; пер.с англ. А. Ширикова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

привести к однообразию потребляемого контента, узости кругозора пользователя, однообразию мнений.

Еще одним алгоритмическим инструментом является «эхо-камера»[108]. «Эхо-камера» — это пространство, в котором информация, идеи или убеждения повторяются и усиливаются за счет однородности мнений участников. В таких условиях пользователи получают подтверждение своих взглядов, которые циркулируют и, по сути, стоят на месте. «Эхо-камеры» схожи с фильтрующими пузырями тем, что они используют аналогичные схемы циркуляции и постоянного воспроизводства одного и того же контента. Отличие в том, что «эхо-камера» изначально нацелена на более узкий кругозор и обеспечивает большее однообразие контента и источников информации. Люди, чья система взглядов была сформирована еще до того, как они начали активно потреблять контент в интернет-пространстве, наиболее часто искусственно создают вокруг себя эхо-камеры.

В исследовательской среде алгоритмизацию медиасреды исследователи считают производной от нового технологического уклада, которая имеет значимые социальные последствия: «лежащая в основе рекомендательных сервисов модель социального бихевиоризма способствует модификации информационного поведения людей – фактически формируя личностное восприятие». Построенные «на упрощенных, отражающих популярные, привлекающие сиюминутное внимание информационных символах», алгоритмы стали важным элементом формирования новой «медийной идентичности людей» [109].

Современные исследователи феномена цифровых масс-медиа, в частности, М. Кастельс, выделяют 5 основных функций цифровых масс-медиа: информационная функция, коммуникационная функция, мобилизационная функция, контрольная функция, идеологическая функция[110].

---

[108] Jamieson K. H., Cappella J. N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 320 p.
[109] Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. – 2020. – Том 8, №2. – С. 108–124.
[110] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.

1) Информационная функция, включающая доступность, скорость распространения информации и разнообразие форматов. Это подробно рассматривалось при сравнении цифровых и традиционных масс-медиа.

2) Коммуникативная функция, предполагающая общение между людьми, а также взаимодействие людей с государством[111]. До активного распространения цифровизации данное взаимодействие обеспечить было намного сложнее. Э. Юнгер писал в эссе «Уход в лес», анализируя процесс проведения выборов, что государство вынуждено проводить анкетирование и узнавать через выборный механизм мнения граждан о себе[112]. На современном этапе развития на государственных цифровых площадках размещается информация, которую предоставляет пользователям органы государственного управления, а пользователи делятся своей реакцией на эту информацию. Таким образом, выстраивается синхронный диалог между органами государственного управления и людьми[113]. Диалог об эффективности функционирования государственных структур спонтанно выносится в пространство социальных сетей и форумов, что показывает государственным органам обратную связь, которая может стать основой для статистического анализа, а также на основе «собранных из соцсетей данных о мнениях граждан составляются рекомендации для членов Правительства»[114].

С помощью масс-медиа могут проводиться анкетирования, опросы и голосования, поэтому «социальные медиа и цифровые платформы представляют

---

[111] Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30.

[112] Уход в Лес / Эрнст Юнгер; пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 144 с.

[113] Рослякова М.В. Социальные сети как инструмент вовлечения граждан в управление (на примере официальных страниц местных администраций городов ЦФО) // Социодинамика. – 2023. – № 7.

[114] Соцмедиа помогают изучить мнения граждан при принятии решений Правительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/news/page/socmedia-pomogaut-izucit-mneniagrazdan-pri-prinatii-resenij-pravitelstvom-27456 (дата обращения: 05.04.2025)

собой мощный инструмент для улучшения политической коммуникации и повышения уровня вовлечённости граждан в политический процесс»[115].

3) Мобилизационная функция, проявляющаяся в объединении людей для решения совместных вопросов или организации мероприятий. К примеру, люди могут создать сообщество, фан-клуб или же организовать субботник, уборку территории. Социальные сети способствуют координации действий, уточнению места или времени, сбору людей в короткий срок. Для политических активистов цифровые масс-медиа способствуют объединению с целью проведения митингов и акций[116].

Цифровые масс-медиа также способствуют быстрому распространению информации о проведении мероприятий и подогреванию к нему интереса путем размещения рекламы или при помощи массовых рассылок на электронную почту. Цифровые масс-медиа помогают объединять людей в различные сообщества и активно способствуют их созданию. Они помогают объединять людей со схожими интересами и целями, что усиливает коллективное действие и сплоченность, помогает выстраивать новые социальные связи.

4) Контрольная функция. Цифровые масс-медиа способствуют двустороннему контролю, осуществляемому государством за гражданами и гражданами за действием государственных органов. Цифровые масс-медиа помогают собирать информацию о гражданах, в каких соцсетях зарегистрированы, сколько времени проводят, какие каналы предпочитают и т.д.[117] Масс-медиа дают возможность проводить расследования и освещать

---

[115] Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30.

[116] Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т.9, №4 (40). – С. 63–69.

[117] Социальные медиа в России: аудитория в феврале-марте 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raec.ru/upload/files/220406-social-media-russia.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

коррупционные схемы или злоупотребления властью, что способствует увеличению эффективности работы государственных органов в перспективе[118].

5) Идеологическая функция. Цифровые масс-медиа могут быть инструментом политической идентичности и формирования образа мышления. Читая политических обозревателей, которые часто являются пропагандистами определенной политической повестки и продвигают свои политические взгляды, пользователь перенимает их взгляды, формирует свое мнение и становится участником не только политической дискуссии, но и прямой политической практики. С. Жижек в работе «Чума фантазии», писал: «Мы живем в мире идеологии». Т.е. современный человек взаимодействует с идеологией постоянно с помощью цифровых масс-медиа[119]. Философ А. Г. Дугин в книге «Русская война» рассматривает теорию «Сетевой войны», как нового вида военных действий в глобальном мировом пространстве. По мнению философа, сетевая война ведется на идеологическом фронте и охватывает интернет-ресурсы и технологии, в т. ч. и новейшие виды цифровых масс-медиа[120]. В работе «Война континентов» он обосновывает использование цифровых масс-медиа террористами для раздувания информационного шума с целью пропаганды своих идей[121]. «Террористическая деятельность по самой своей природе направлена на то, чтобы произвести эффект на широкие общественные слои, к которым у террористов нет прямого доступа, повлиять на политические инстанции через «общественное мнение», погружаемое в состояние шока. В некотором смысле террористы, осуществляя свои деяния, покупают себе такой кровавой ценой «эфирное время»[122].

---

[118] Боровикова В. В. К вопросу об освещении проблем борьбы с коррупцией в средствах массовой информации // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 131–133.

[119] Жижек С. Чума фантазий. – 2-е изд., стереотипное / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2017. – 388 с. - С. 34

[120] Русская война / Под ред. В.М. Коровина. – М.: Родина, 2023. – 272 с.

[121] Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с. - С.229.

[122] Там же.

Идеологическое воздействие масс-медиа способствует формированию политических взглядов и идей любого спектра, их активной пропаганде и распространению на интернет-площадках и ресурсах.

Таким образом, цифровые медиа как современный инструмент коммуникации и распространения информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения, управлении информационными потоками и взаимодействии между государством и обществом. Их функции, такие как информирование, анализ, критика и формирование повестки дня, напрямую влияют на процессы государственного управления.

1.2. Государственное управление в условиях цифровой трансформации: институциональные рамки и место цифровых медиа

Государственное управление представляет собой сложный процесс, который охватывает деятельность государственных органов, направленную на реализацию публичной власти и обеспечение функционирования общества.

В научной литературе существует множество подходов к определению данного понятия. Они обусловлены историческими, социокультурными и политическими факторами появления теории государственного управления. Авторы классической модели государственного управления в конце 19 – начале 20 в. (В. Вильсон, Ф. Тейлор, М. Вебер) рассматривают государственное управление как рациональную, иерархически организованную систему, в которой бюрократия является идеальной формой организации, основанной на правилах, процедурах и профессионализме. При этом делают акцент на разделение политики и администрации[123].

[123] Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа (под ред. Дж. Шафритц, А. Хайд; пер. с англ. Т. И. Борисенко и др.). – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 24–43; Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор. Пер. с англ. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с.; Вебер М. Хозяйство и общество: очерки

В 1950–1960-х гг. в рамках экономической науки появляется теория общественного выбора, сформировавшаяся как реакция на традиционные подходы к изучению политики и государственного управления. Дж. Бьюкенен и Таллок предложили рассматривать действия государственных служащих через призму рационального выбора и индивидуальных интересов[124]. Государственное управление они рассматривали как процесс, в котором политики и бюрократы стремятся максимизировать свои интересы, принимая решения не всегда в интересах общества, а часто под влиянием лоббистов, избирателей или бюрократических структур. При этом эффективность государственного управления зависит от институциональных рамок, которые ограничивают возможность злоупотреблений и стимулируют принятие решений в общественных интересах.

В 1980-е гг. появляется теория нового государственного менеджмента. Ее представители (К. Худ, Д. Осборн, Т. Гэблер)[125] рассматривали возможность внедрения рыночных механизмов в государственное управление с использованием принципов частного сектора: конкуренция, клиентоориентированность, эффективность. Ориентируясь на результат, а не на процесс управления, они предполагали его децентрализацию и повышение ответственности государственных служащих. В конце 1980-х-начале 1990-х гг. под влиянием экологической тематики появляется теория устойчивого развития. Г. Х. Брундтланд, Д. Элкингтон считали, что государственное управление должно учитывать долгосрочные последствия решений для экономики, экологии и общества, обеспечивая баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью[126].

понимающей социологии. Т. II. Общности / М. Вебер; пер. с нем., ред. Л. Г. Ионин. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 430 с.

[124] Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997. – Т.1. – 556 с.

[125] Hood, C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. – 1991. – 69(1). – P. 3–19; Осборн Д. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик. – М., 2001; Osborne D. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / D. Osborne, T. Gaebler. — Addison-Wesley: Reading, MA, 1992.

[126] Политический портрет Гру Харлем Брундтланд: [Премьер-министр Норвегии]: Науч.-аналит. обзор / [А.-В. Карлсен]. — М.: ИНИОН, 1989. — 39 с.; Элкингтон Дж. Управление для устойчивого развития // Корпоративное управление: международный обзор. — 2006. — № 14(6). — С. 522–529; Юденко М.Н., Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А. Теоретические подходы к

В конце XX в. в ответ на изменения в государственном управлении, связанные с глобализацией, децентрализацией и усилением роли негосударственных акторов (например, бизнеса и гражданского общества), в западном научном дискурсе появился спектр новых подходов к государственному управлению.

В 1990-х гг. активно развивается теория сетевого управления (Р. Роудс, Я. Куиман, Дж. Петерс)[127]. Теория сетевого управления возникла как реакция на кризис классической бюрократической модели и концепций «нового государственного менеджмента». Род Роудс определял управление как самоорганизующиеся межорганизационные сети, где государство утрачивает монополию на контроль и действует через сложные горизонтальные взаимодействия. «Governance относится к самоорганизующимся межорганизационным сетям, характеризующимся взаимозависимостью, обменом ресурсами, правилами игры и значительной автономией от государства»[128]. Главная идея состоит в том, что власть распределена, а принятие решений является результатом совместных действий множества акторов: государственных структур, бизнеса, некоммерческих организаций и гражданского общества. Я. Куиман подчеркивал, что управление превращается в «interactive governance», где акцент переносится на сотрудничество и диалог, а не на иерархическое подчинение. Б. Г. Петерс и Дж. Пьер отмечают, что «суть управления заключается в создании моделей координации при отсутствии иерархической власти», при этом «координация достигается не столько посредством приказов, сколько через переговоры, убеждение и развитие доверия между акторами»[129].

Применительно к цифровым медиа теория сетевого управления позволяет объяснить, почему социальные сети, мессенджеры и цифровые платформы становятся

устойчивому развитию как основа государственного управления устойчивым развитием территорий // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 97–104.

[127]Rhodes, R.A.W. The Hollowing Out of the State: The Changing Nature of the Public Service in Britain // Political Quarterly. – 1994. – 65(2). – P. 138–151; Kooiman, J. Social-Political Governance: Overview, Reflections and Design // Public Management Review. – 1999. – 1(1). – P. 67–92; Peters, B.G., & Pierre, J. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration Research and Theory. – 1998. – 8(2). – P. 223–243.

[128] Rhodes R.A.W. The new governance: Governing without government // Political studies. – Blackwell, 1996. – Vol. 44. – P. 652–667.

[129] Peters, B.G., & Pierre, J. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration Research and Theory. – 1998. – 8(2). – P. 223–243. P.224, 228.

ключевыми элементами публичной политики. Они образуют «связующие узлы» сетей, обеспечивая постоянный обмен информацией и быструю мобилизацию ресурсов. Таким образом, цифровые медиа выполняют функцию каналов горизонтальной коммуникации, где государство уже не единственный производитель и интерпретатор информации, а один из участников сетевого взаимодействия. Именно эта теория объясняет, почему цифровые медиа обладают двойственной природой: с одной стороны, они расширяют возможности государства для информирования и обратной связи, с другой, — усиливают позиции негосударственных акторов, формирующих альтернативные повестки и подчас конкурирующие с официальной политикой.

М. Мур обосновал, что ключевая задача государственного управления — не только эффективность или контроль, а производство общественно значимых ценностей. Государственные институты должны отвечать не на внутренние бюрократические запросы, а на ожидания общества, формируя доверие и легитимность. Задача государственного менеджмента заключается в том, чтобы «создавать ценность для общества, а не просто обеспечивать предоставление услуг»[130]. Так появляется «функция общественной полезности, которая представляет собой не сумму индивидуальных удовлетворений, а степень, в которой общество успешно или неуспешно достигает желаемой цели»[131]. М. Мур предложил модель «стратегического треугольника» создания публичных ценностей, которая формируется через взаимодействие трёх элементов: легитимности и общественной поддержки**,** административного потенциала и измерение публичной ценности.

В цифровую эпоху концепция «публичной ценности» получает новое измерение: цифровые медиа становятся пространством, где формируется общественный запрос, выражаются ценности и проверяется доверие к власти.

---

[130] Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. – 402 p.

[131] Марк Х. Мур о ценностях для общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.management-issues.com/interviews/4606/mark-h-moore-on-public-value/ (дата обращения: 20.01.2024)

В этом контексте государство должно не просто «доносить информацию», но демонстрировать способность слышать, учитывать обратную связь и совместно с гражданами конструировать ценностную рамку политики. Это напрямую связано с реализацией национальных проектов, где эффективность измеряется не только в показателях, но и в восприятии обществом их значимости.

Как ответ на ограничения традиционной бюрократической модели, основанной на иерархии, жестких правилах и процедурах, возникла постбюрократическая модель государственного управления. Работа «Постбюрократическая организация: новые перспективы организационных изменений» Ч. Хекшер и Э. Доннеллона обосновывает отход управления от жёсткой иерархии и формализованных процедур, характерных для бюрократии[132]. Взамен выдвигаются такие характеристики, как гибкость, сетевое взаимодействие, горизонтальные связи и проектная логика. В контексте цифровых медиа эта модель проявляется особенно ярко: Telegram-каналы министерств, сообщества в «VK» или цифровые платформы позволяют государству выступать в роли модератора и партнёра, а не только регулятора. Таким образом, ФОИВ начинают действовать по принципу «открытой бюрократии», где акцент переносится с контроля на участие и кооперацию.

Ключевым элементом в дискуссиях о государственном управлении в контексте международного развития и сотрудничества является концепция «Good Governance» (дословно — «хорошее управление» или «эффективное управление»). Она активно продвигалась международными организациями, такими как Всемирный банк, ООН и МВФ, начиная с 1990-х гг.[133] Концепция «Good Governance» основывается на принципах участия граждан, верховенства закона, прозрачности и доступности информации общественности, ответственности, эффективности, справедливости и стратегического видения. Эти принципы обеспечивают инклюзивное, подотчетное, эффективное и справедливое государственное управление. Граждане

---

[132] Хекшер Ч, Донеллон Э. Постбюрократическая организация: новые перспективы организационных изменений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/isbn_9780803957176 (дата обращения: 20.01.2024)

[133] Долгих У.О. «Good governance» – альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль. – 2017. – №6. – С. 23–28.

должны участвовать в принятии решений, законы должны быть справедливыми и прозрачными, а государственные служащие нести ответственность за свои действия. Управление должно быть направлено на удовлетворение потребностей общества и сокращение неравенства, учитывая интересы будущих поколений[134].

С распространением интернета в конце 1990-х — начале 2000-х гг. стали появляться идеи, связанные с цифровым государственным управлением. Как самостоятельное исследовательское направление цифровое государственное управление начало формироваться в первое десятилетие нашего столетия, когда процессы цифровизации превратились в мировой тренд. Именно в этот период Х. Маргеттс и П. Данлэви разработали системный подход к анализу трансформации государственных институтов под воздействием цифровых технологий. Их концепция «Digital Era Governance» (DEG) показывает, что цифровизация меняет саму архитектуру власти, а государство переходит от модели «менеджериального государства» к модели, где информационные технологии становятся ядром управленческих процессов. «Цифровая эпоха не только трансформирует инструменты управления, но и радикально перестраивает отношения между государством и гражданами» [135].

Концепция цифрового государственного управления основывается на идее цифровой трансформации государственных услуг, позволяющей государству предоставлять услуги более эффективно. Преобразование традиционных процессов управления идет через внедрение искусственного интеллекта, больших данных и блокчейна. Среди значимых вызовов, связанных с цифровизацией, выделяются проблемы кибербезопасности, цифрового неравенства и зависимость от технологических корпораций[136].

---

[134] Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2021. – 55 с.

[135] Patrick Dunleavy, Helen Margetts, Simon Bastow, Jane Tinkler. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. – Oxford University Press, 2006. – 289 p. P. 112.

[136] Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 4. – С. 70–93.

Концептуальные основы электронной демократии разработали С. Коулман и Дж. Блумлер в начале 21 века, но их взгляды остаются актуальными и по сей день[137]. Новое видение активного участия граждан в политическом процессе они называют «критическим гражданством», в основе которого находятся ожидания граждан, их стремление быть услышанными, расширение возможностей для выражения мнений. На современном этапе сложились два основных подхода к пониманию электронной демократии. При институциональном подходе (Н. А. Омельченко, А. Кузнецов, З. Мастерс) рассматривается как особый тип демократического режима, где цифровые технологии становятся неотъемлемой частью политической системы[138]. При инструментальном подходе (Ш. Брюгер, А. Макинтош, О. Тоффлер) трактуется электронная демократия как совокупность технологических механизмов, расширяющих возможности прямой и непосредственной демократии[139]. Терминологическая неоднозначность отражает переходный характер явления: электронная демократия находится в процессе становления, и ее окончательное концептуальное оформление будет зависеть как от развития технологий, так и от политико-культурного контекста разных стран.

Путь развития влияния цифровых масс-медиа на функционирование государственного управления лежит через постепенный отход от «управляемой открытости» к «цифровому соуправлению», где граждане, медиа и государство совместно формируют решения на основе данных. В этой связи обратимся к концепции «соуправления», которую разработали К. Анселл и А. Гэш в 2008 г.[140] Они предложили механизм управления, при котором одно или

---

[137] Coleman, S., Blumler, J. G. The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy. – Cambridge University Press, 2009. – 232 p.

[138] Омельченко Н. А., Гимазова Ю. В. Территория власти или власть территории (к вопросу о соотношении автократических и этнократических начал в истории российской государственности) // Вестник Университета (Государственный университет управления). – М.: ГУУ, 2012. – № 4. – С. 44–51.

[139] Пономарёва, А. Э. Электронная демократия в условиях развития электронного правительства в РФ // Молодой ученый. — 2021. — № 21 (363). — С. 266–268.

[140] Анселл К., Гэш А. Совместное управление в теории и на практике // Журнал исследования и теории государственного управления. – 2008. – № 18(4). – С. 543–571.

несколько государственных учреждений вовлекают негосударственных стейкхолдеров в коллективный процесс принятия решения сложных общественных проблем[141]. В развитие данной теории Э. Набатчи и С. Балог предложили в 2012 г. более широкое определение: «Процессы и структуры принятия решений и управления в сфере государственной политики, которые конструктивно вовлекают людей в работу, выходящую за рамки государственных учреждений, уровней власти и/или государственной, частной и общественной сфер, для достижения общественных целей, которые иначе не могли бы быть реализованы» [142]. Такой подход предполагает сотрудничество между правительствами на различных уровнях и гибридные партнерства, инициированные частным или общественным секторами.

Концепция соуправление (collaborative governance) стала предтечей для развития теории гибридного управления (hybrid governance). И. Мергель в 2019 г. и другие исследователи развили концепцию «гибридного управления» как вариант ответа на современные вызовы, стоящие перед государственным сектором в эпоху цифровизации[143]. В ее основе интеграция традиционных иерархических структур с новыми цифровыми и сетевыми формами организации, что позволяет эффективно справляться с динамичными изменениями и потребностями общества[144]. Если соуправление заложило основы для понимания того, как разные акторы могут взаимодействовать вне традиционных иерархий, то гибридное управление расширило эту идею, добавив разные логики управления (не только сотрудничество, но и конкуренцию, самоорганизацию)**.**

Гибридное управление отличается сочетанием формальных и неформальных структур. Это подразумевает, что управление должно уметь функционировать как в рамках строгих бюрократических процедур, так и в гибкой, сетевой среде, где

---

[141] Там же. С. 544.

[142] Кирк Э., Набатчи Т., Балог С. Интегральная основа для совместного управления // Журнал исследований и теории государственного управления. – 2012. – № 22 (1). – С. 1–29.

[143] Mergel, I. Agile: A New Way of Governing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/Agile-innovation-management-in-government%3A-A-agenda-Mergel/34794ea6aa1e6635837908f48bcf2ff606014aa3 (дата обращения: 15.01.2024)

[144] Mergel, I. The Role of Social Media in Public Sector Innovation: A Hybrid Governance Perspective // Government Information Quarterly. – 2019. – 36(3). – P. 345–356.

решения могут приниматься в условиях командной работы и сотрудничества, при взаимодействии с внешними стейкхолдерами, включая частный сектор и граждан[145]. Открытость к инновациям и коллаборация с медиа становятся важными компонентами успешного перехода к гибридной модели управления[146].

Модель цифрового соуправления опирается теорию сетевой коммуникации и политики (А. Чадвик, М. Кастельс). А. Чадвик подчеркивал асимметричность медиапейзажа в условиях цифровизации: «Цифровые медиа не устранили неравенство во власти и ресурсах; они изменили его структуру. Политические деятели адаптируются к новым условиям, разрабатывая стратегии, которые позволяют им использовать открытость, сохраняя при этом контроль над своими сообщениями»[147]. М. Кастельс указывает на то, что в цифровую эпоху власть осуществляется через «программируемые сети», контролируемые элитами, которые квалифицируются как «сетевые элиты»[148]. Один из первых исследователей последствий цифровизации утверждает, что «власть в сетевом обществе – это способность программировать сети коммуникации в соответствии с определёнными целями»[149]. Концепция цифрового соуправления также синтезируется с принципами электронной демократии (Coleman, Blumler)[150].

В отличие от ранних моделей электронного правительства, ориентированных преимущественно на автоматизацию государственных услуг, цифровое соуправление рассматривает медиа и цифровые платформы как структурный элемент управленческого процесса, обеспечивающий каналы обратной связи, повышение

---

[145] Mergel, I. Digital Transformation in Public Administration: A Hybrid Governance Approach // Public Administration Review. – 2020. – 80 (5). – P. 789–800.

[146] Mergel, I. Open Innovation in the Public Sector: The Role of Hybrid Governance Mechanisms // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2020. – 30(2). – P. 234–248.

[147] Чадвик Э. Гибридная медиасистема: политика и власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://figshare.com/articles/journal_contribution/All_political_communication_is_hybrid_A_conversation_with_Andrew_Chadwick_about_his_latest_book_The_Hybrid_Media_System_Politics_and_Power_/9474719?file=17099222 (дата обращения: 15.01.2024).

[148] Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.

[149] Там же. С. 45

[150] Coleman, S., Blumler, J. G. The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy. – Cambridge University Press, 2009. – 232 p.

подотчётности и расширение гражданского участия. Как отмечает И.В. Мирошниченко, «интерактивные механизмы сетевого публичного управления, основанные на рефлексивной включенности индивидуальных акторов в интегрированное с интернет-средой политическое пространство, представляют собой принципы и способы сетевого взаимодействия власти и граждан в принятии публичных решений на основе современных информационно-коммуникативных технологий. Они включают в себя электронное правительство, электронное правление, открытое правительство, электронную демократию и краудсорсинг»[151]. Таким образом, цифровые медиа выступают внутренним компонентом коммуникационной системы государственного управления. концептуальную модель взаимодействия государства, общества и цифровых медиаплатформ, предполагающую совместное участие акторов в формировании, обсуждении и корректировке управленческих решений с опорой на цифровую инфраструктуру – цифровое соуправление.

Современные подходы к интеграции социальных медиа в государственное управление также нашли отражение в работе Л. Чжэнь и Т. Чжэнь. Исследование предоставляет анализ применения API для интеграции социальных медиа, таких как WeChat и Weibo, в системе государственного управления Китая[152]. Авторы подчеркивают, что такие интеграции могут значительно улучшить общение между государственными органами и населением, однако требуют тщательной проработки вопросов безопасности и приватности данных.

В российском научном пространстве Т. В. Подольская, Ф. Д. Ульбашева, Е. А. Васюта представляют обзор API-решений, акцентируя внимание на сравнительном анализе с зарубежными аналогами, подчеркивая необходимость активного внедрения таких технологий в российское госуправление для повышения его эффективности и открытости. Д. К. Лигай и О. В. Ватолина выделяют ключевые аспекты и преимущества использования цифровых платформ для взаимодействия с населением и анализируют вызовы, с которыми сталкиваются

---

[151] Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2013. – 40 с. С.22.

[152] Zheng, L., & Zheng, T. Innovation through social media in the public sector: Information and interactions // Government Information Quarterly. – 2014. – 31(1). – P. 106–117.

государственные органы в процессе внедрения этих технологий[153]. С. С. Морозова для повышения эффективности цифрового диалога граждан и государства называет «создание специализированной социальной сети – платформы, объединяющей функции просмотра новостей, получения государственных услуг, написания предложений и жалоб»[154].

Российские исследователь И. Б. Орлов при анализе зарубежных теорий подчеркивает, что современное государственное управление представляет собой сложный процесс, который требует интеграции различных подходов и моделей. Каждая из рассмотренных концепций предлагает свои методы и инструменты для повышения эффективности, прозрачности и ответственности государственного управления. Отмечая современные тенденции зарубежного научного осмысления, он выделяет отход от иерархии и переход к горизонтальным связям и сетевому управлению, интеграцию с гражданским обществом, дистанционное управление и партнерство с негосударственными акторами, в том числе вовлечение бизнеса и гражданского общества в управленческий процесс[155].

Подводя итог изучению современных зарубежных концепций государственного управления, можно сделать вывод, что наиболее релевантными для изучения влияния цифровых масс-медиа на государственное управление являются: 1) теория сетевого управления, 2) цифровое государственное управление, 3) теория публичной ценности, 4) концепция «Good Governance», 5) цифрового соуправления. Применение этих концепций позволяет комплексно оценить, как цифровые масс-медиа воздействуют на государственное управление, в т.ч. на коммуникацию, принятие решений и общественно-государственное партнерство.

---

[153] Лигай Д.К., Ватолина О.В. Роль цифровых платформ в трансформации госуправления // Наука и бизнес: пути развития. – 2023. – №5(143). – С. 105–108.

[154] Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30.

[155] Орлов И.Б. Современные теоретические и методологические доктрины (модели) государственной политики и управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – № 4. – С. 95–103.

В современной российской научной среде государственное управление изучается через призму различных подходов, которые учитывают как мировые теоретические наработки, так и специфику российской политической и административной системы.

Придерживаясь системного подхода, В. Е. Чиркин рассматривает государственное управление как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, таких как институты, процессы и ресурсы[156]. Акцент делается на целостности системы и взаимодействии ее компонентов. Важным аспектом является учет внешних и внутренних факторов, влияющих на управленческие процессы. Подход позволяет анализировать государственное управление как единый механизм, где изменения в одном элементе влекут за собой трансформации всей системы.

О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгунов являются представителями институционального подхода, предполагающего анализ государственного управления через призму институтов, включая как формальные правила и нормы, так и неформальные практики. Например, рассуждая о неудачах причин реформирования административного аппарата в РФ в начале 2000-х, О.В. Гаман-Голутвина считает, что одной из существенных причин неудач «стала недостаточная концептуальная проработанность модели АР применительно к условиям России, и в частности, вопроса о роли и функции современного государства»[157]. Авторы исследуют роль политических и административных институтов в формировании и реализации управленческих решений, особое внимание уделяя эволюции институтов в условиях социально-политических трансформаций, что позволяет понять, как исторически сложившиеся структуры влияют на современное управление. Л. В. Сморгунов отмечает: «Современное государственное управление как в теории, так и на практике находится в поиске адекватной

[156] Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 32–40.
[157] Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 24–45. С.31.

концептуальной парадигмы, которая смогла бы описать новые вызовы и решения»[158].

А. С. Ахиезер разработал культурно-исторический подход к системе государственного управления. Он рассматривает государственное управление с учетом культурных и исторических особенностей России, анализируя традиции, менталитет и ценности, которые влияют на управленческие процессы. Акцент делается на преемственности и адаптации управления к современным условиям, что позволяет учитывать исторический контекст при разработке управленческих решений[159].

М. В. Ильин, Л. В. Сморгунов делают акцент в государственном управлении на горизонтальных связях и кооперации, что позволяет рассматривать управление как сетевую структуру. Этот подход особенно актуален в условиях усложнения социальных и политических процессов, требующих гибких форм взаимодействия[160].

В научном сообществе ведется очень много дискуссий по вопросам «цифровой трансформации» государственного управления. В докладе «Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность» 2019 г. развенчиваются основные мифы цифровой трансформации государственного управления в России и формулируются задачи цифровизации госорганов, важнейшей из которых является организация на постоянной основе процесса «цифрового реинжиниринга системы, структуры и полномочий органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях»[161].

---

[158] Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от публичного государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 100–121. С.119.

[159] Ахиезер А. С. Монологизация и диалогизация управления (Опыт российской истории) // Общественные науки и современность. – 2004. – №2. – С. 24–34.

[160] Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике: Интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.) // Политическая наука. — 2019. — № 3. — С. 279–284.

[161] Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. [Электронный ресурс] / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

А. Ю. Демидов и А. И. Лукашов выделяют следующие элементы цифровой трансформации: 1) государственное управление в «узком смысле»; 2) государственная гражданская служба; 3) единое информационное пространство государственного управления; 4) цифровые двойники государственных органов и государственных гражданских служащих; 5) взаимодействие цифровых двойников государственных органов и государственных гражданских служащих друг с другом, с физическими и юридическими лицами. При этом признают, что в настоящее время «остро стоит вопрос переосмысливания подходов к цифровой трансформации общества в целом и государственного управления в частности»[162].

А. А. Косоруков анализирует электронные технологии и виртуализацию публичной сферы в государственном управлении. Он считает, что на смену новому публичному менеджменту пришла эпоха цифрового управления. Для ее понимания рассматриваются концепции электронного государства, электронного администрирования, кибергосударства и криптоанархии[163]. А. А. Фролов, А. В.Соколов, Д. В. Егоров исследуют появление цифровых экосистем в современных российских реалиях, позволяющих эффективно совмещать управленческие функции в различных сферах действительности[164].

В 2023 г. авторский коллектив НИУ ВШЭ рассматривает цифровую трансформацию как комплексный феномен, затрагивающий деятельность граждан и определяющий «ряд изменений в воспринимаемой ими реальности»[165]. Авторы коллективной монографии «Цифровая трансформация в государственном управлении», развивая концепцию общественных ценностей, пришли к выводу, что в условиях цифровой трансформации «платформы и экосистемы становятся

---

[162] Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. – 2021. – Т.23, №1. – С. 28–34.

[163] Косоруков А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. – М.: МАКС Пресс, 2019.

[164] Фролов А. А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. – 2023. – № 2. – С. 46–55.

[165] Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. [Электронный ресурс] / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

самостоятельным субъектом управления и регулирования отношений между участниками взаимодействия по созданию личных и общественных ценностей», что требует от государства перехода «от традиционных инструментов управления к технологиям совместного управления и управления общественными ценностями»[166]. Изучению таких аспектов, как электронные услуги, открытые данные и цифровые платформы, посвящены работы А. В. Чугунова[167].

В основу методологии исследования была положена концепция А. И. Соловьева. Он трактует государственное управление как процесс распределения и использования различных ресурсов: «управленческая подсистема переносит политически обозначенные оценки тех или иных проблем в плоскость практического, точечного распределения и перераспределения ресурсов и кадров (выдвигая дополнительные показатели достижения цели)»[168]. Основное внимание уделяется эффективности использования ресурсов для достижения целей управления.

В контексте данного исследования, к анализу взаимосвязи цифровых медиа и системы государственного управления целесообразно применить предложенную А. И. Соловьёвым трёхуровневую модель принятия политико-управленческих решений[169]. Политолог выделяет три уровня: политический (стратегический), макроэкономический и административный (организационно-управленческий), каждый из которых обладает собственной логикой, механизмами и субъектами влияния — в особенности под воздействием цифровизации.

На политическом уровне осуществляется формирование ключевых стратегических ориентиров развития. Важнейшей подсистемой данного уровня А. И. Соловьёв считает лидерскую, наличие которой «оправдано как историческим образом, так и обусловлено характером организации управления

---

[166] Там же.

[167] Чугунов А. В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. – 2021. – №5. – С. 2–6.

[168] Соловьев А.И. Власть и управление в структуре государственного регулирования // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – №4. – С. 46–61.

[169] Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений // Полис. – 2005. – № 5–6.

на государственном уровне», при этом в России «позиционирование лидерской подсистемы обретает дополнительное значение». Цифровые медиа на этом уровне усиливают эффект политического лидерства за счёт прямой коммуникации с обществом, персонализации власти и оперативной цифровой мобилизации.

Макроэкономический уровень является средним, в центре которого — экономическая и правовая рациональность. Этот уровень обеспечивает законодательную основу и управленческую стабильность, отражает необходимость сочетания профессионализма и институциональной процедуры. Административный (организационно-управленческий) — это самый прикладной и операциональный уровень, на котором решения непосредственно реализуются. Здесь действуют ведомства, служащие, агентства и подразделения, обеспечивающие исполнение решений. По мнению политолога, наличие данного уровня связано с тем, что органы государственного управления обладают специфической ответственностью, возможностями и ограничениями деятельности.

Третий уровень связан с оценкой управленческих решений со стороны гражданского общества. Именно здесь цифровые медиа выполняют особую роль — создают площадки для общественной дискуссии, служат каналом для формирования альтернативных нарративов, обеспечивают горизонтальные связи между гражданами. Цифровые медиа радикально трансформируют этот уровень: скорость оборота информации, возможность организации общественной мобилизации и горизонтальной самоорганизации снижают барьеры между гражданами и государством, усиливая роль общественного мнения как фактора управленческой легитимности.

Современные российские подходы к государственному управлению представляют собой многоаспектную систему, которая учитывает как глобальные тренды, так и специфику российской политической и административной практики. Эти подходы позволяют комплексно анализировать управленческие процессы, предлагая инструменты для повышения эффективности государственного управления в условиях современных вызовов.

Многообразие подходов к пониманию государственного управления обуславливает разнообразие определений понятий «государственное управление», среди которых можно выделить три направления.

Во-первых, как специфический вид человеческой деятельности, включающей в себя отношение в иерархической структуре, в которой вышестоящая сторона обладает властной способностью осуществлять свою волю. Г. В. Атаманчук определяет государственное управление как «сознательное организующее и регулирующее воздействие государства на общественную (публичную) жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования»[170].

Во-вторых, как система общественных отношений, формирующих связи между людьми как «по вертикали», так и «по горизонтали». Для В. Е. Чиркина государственное управление - «процесс регулирования и упорядочения жизнедеятельности и отношений личности, коллектива, государства и общества, установления рациональных взаимосвязей между ними путем применения государственной власти»[171].

В-третьих, определяется через термин «воздействие». Е. В. Охотский определяет его как «целенаправленное, организующее и регулирующее воздействие государства (через систему государственных органов, организаций и соответствующих должностных лиц) на общественные процессы, сознание, поведение и деятельность людей»[172].

Суть субъектно-объектных отношений позволяет рассматривать государственное управление как в широком, так и в узком контексте. В широком смысле государственное управление охватывает управление общественными делами, которое осуществляется всем государством в целом и включает все ветви власти,

---

[170] Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. – М.: РАГС, 2003. – 266 с.

[171] Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 32–40.

[172] Охотский Е.В. Качество целеполагания – базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2020. – №1. – С. 22–42.

соответствующие государственные учреждения и организации, а также органы местного самоуправления. «Деятельность по реализации законодательных, исполнительных, судебных и иных властных полномочий государства в целях выполнения его организационно-регулирующих и служебных функций как в обществе в целом, так и в отдельных его частях»[173].

В узком смысле государственное управление подразумевает управление общественными делами, которое выполняется органами исполнительной власти. В этом контексте управление приобретает выраженный организующий, координирующий и распорядительный характер: «деятельность исполнительно-распорядительного органа по воздействию на объект управления для его перевода в состояние, необходимое для достижения цели соответствующего территориального образования, посредством принятия правовых актов, организации и контроля исполнения этих актов и актов органов законодательной (представительной) власти»[174]. Данный подход наиболее актуален для раскрытия изучаемой темы.

Необходимо учитывать также междисциплинарность подходов к государственному управлению в современном научном поле. Например, в политологии оно может отражать «коллективизм социума, а через институты и их механизмы осуществляется волевая деятельность в структурировании политико-государственных дел. Фактически такой вид управления объединяет две основных задачи: регулирование общественных процессов и необходимое целенаправленное руководство обществом для поддержания порядка, стабильности в национальном сообществе.[175] Тогда как в социологии трактуется как вид деятельности, «наиболее рациональный способ организации производственного труда, целенаправленный, планируемый, координируемый, сознательно организуемый

---

[173] Козбаненко В.А. Фактор административно-правовой культуры в государственном управлении // Правовая культура. – 2018. – № 2 (33). – С. 24–33.

[174] Радченко А.И. . Основные направления совершенствования деятельности служащих органов государственного и муниципального управления // Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 45–52.

[175] Кобзарь-Фролова М.Н. О терминах «Государственное управление» и «Публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Юридическая наука и практика. – 2020. – № 2. – С. 45–52

процесс, способствующий достижению максимального эффекта при минимальных ресурсах усилий и времени»[176]. Под влиянием экономической науки государственное управление идентифицируют как администрирование или менеджмент, воздействие управляющего на управляемую систему с целью ее перевода из одного состояния в другое, связывая институты государственной власти и автономные части государственного аппарата.[177]

Подводя итог обзору современных отечественных подходов к определению и сущности «государственного управления», следует отметить, что оно сформировалось задолго до цифровой эпохи и представляет собой устойчивую систему публично-властных действий и решений, реализуемых органами исполнительной власти. Классическая трактовка связывает государственное управление с обеспечением реализации публичной политики, организацией функционирования институтов и координацией общественных процессов.

Вместе с тем, в условиях цифровизации оно приобретает новые характеристики[178]. Для целей данного исследования предлагается авторское определение: «Государственное управление — это система публично-властных процессов и решений, в которой цифровые медиа в современный период становятся институциональным элементом коммуникационной среды, обеспечивая прозрачность, обратную связь и партисипативное взаимодействие государства и общества».

Цели государственного управления связаны с обеспечением устойчивого развития общества, защитой прав и свобод граждан, а также созданием условий для экономического, социального и культурного прогресса.

---

[176] Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социология государственного управления: принципы и механизмы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2025. — № 1. — С. 99–114.

[177] Маратова Х.Б. Эволюция развития моделей государственного управления: Public Administration, New Public Management и Good Governance // Государственная служба. – 2022. – №6 (140). – С. 12–19.

[178] Попова Е.А., Ночевка А.А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 4; Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. – 2021. – Т.23, №1. – С. 28–34.

Задачи государственного управления включают разработку и реализацию государственной политики, обеспечение эффективного функционирования государственных институтов и механизмов, координацию деятельности различных уровней власти (федерального, регионального, местного), создание условий для участия граждан в управлении государством (например, через механизмы обратной связи или общественные обсуждения). Функции государственного управления отражают основные направления деятельности государственных органов: регулятивная, контрольная, организационная, коммуникативная, прогностическая[179].

Теоретико-методологический анализ показал, что современная система государственного управления функционирует в условиях цифровой трансформации, где медиапространство становится институциональной средой, определяющей правила принятия решений. Для объяснения логики этих изменений целесообразно использовать концепцию трёхуровневой структуры принятия государственных решений, в основе которой лежит подход А. И. Соловьева.

1) Макроуровень (стратегический) - здесь формируются базовые ориентиры государственной политики. Цифровые медиа на данном уровне выполняют стратегическую коммуникационную функцию: они становятся инструментом формирования доверия, легитимации и поддержки общественного консенсуса. В условиях цифрового общества именно открытость и прозрачность коммуникации формируют новую модель политического лидерства, где важнейшее значение приобретает способность власти не только транслировать решения, но и вовлекать общество в их обсуждение.

2) Мезоуровень (институционально-организационный) - отражает сферу практической реализации государственных решений — деятельность ведомств, агентств и институтов исполнительной власти. Здесь цифровые медиа выполняют операциональные и интеграционные функции**,** обеспечивают координацию между органами власти, структурируют каналы взаимодействия с гражданами

[179] Миронов А.А. Государственное управление: основные цели и функции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-osnovnye-tseli-i-funktsii/viewer (дата обращения: 15.03.2024).

и профессиональными сообществами, формируют системы обратной связи. Именно на этом уровне проявляется интеграция коммуникационных возможностей цифровых медиа в задачи государственного управления: официальные страницы ведомств в социальных сетях, цифровые новостные ленты и специализированные каналы становятся не просто инструментами информирования, а элементом инфраструктуры, включённой в процесс реализации государственной политики.

3) Микроуровень (социально-поведенческий) - здесь формируется пространство цифровой повседневности, где граждане взаимодействуют с властью в режиме онлайн. Здесь цифровые медиа выполняют социально-интерактивную функцию — обеспечивают двустороннюю связь. Медиа-практики пользователей становятся маркерами доверия и уровня гражданской активности. Публичная реакция, выраженная в цифровых форматах, формирует своеобразный механизм обратной связи между государством и обществом.

Таким образом, трёхуровневая модель А. И. Соловьёва, дополненная анализом медиатизации управления, позволяет рассматривать цифровые медиа не как внешний по отношению к государству фактор, а как структурный элемент управленческой системы. Такое понимание позволяет объединить политическую, административную и коммуникативную логику государственного управления в единую теоретико-методологическую конструкцию, отражающую специфику цифровой эпохи и соответствующую современным научным требованиям системного анализа.

Проведенное в первой главе исследование позволяет сделать следующие выводы. Цифровые медиа выступают как качественно новый феномен медиакоммуникаций, обладающий уникальными характеристиками. Ключевым аспектом является их способность объединять и вовлекать большое количество людей в процесс распространения информации, что кардинально изменяет природу медиакоммуникаций и традиционные представления об источниках информации. Влияние цифровых медиа на государственное управление создает новую динамику взаимодействия между государственными институтами и обществом, где цифровые

технологии выступают не только как инструменты, но и как активные факторы, формирующие стратегию управления.

Включение трёхуровневой модели государственного управления позволяет выстроить аналитическую рамку исследования цифровых медиа, в которой каждый уровень — политический, административный и общественный — по-разному реагирует на медиатизацию, однако взаимосвязан в общей структуре цифрового публичного управления. Такой подход преодолевает разрыв между абстрактными моделями «электронного правительства» и реальными управленческими практиками, проявляющимися в цифровом взаимодействии государства, граждан и институтов.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

2.1. Практики интеграции и коммуникации цифровых медиа в деятельности федеральных органов исполнительной власти

В условиях цифровой трансформации государственной власти изменяется характер взаимодействия между государством и обществом. Для системного анализа этих процессов целесообразно опереться на трёхуровневую модель государственного управления, согласно которой государственная политика реализуется на трёх взаимосвязанных уровнях: макроуровне стратегического управления, мезоуровне институциональной реализации и микроуровне социального восприятия и повседневных практик.

Такой подход позволяет уйти от одностороннего рассмотрения цифровых медиа как инструмента лишь информационной политики и рассматривать их как многоуровневый элемент коммуникационной системы государства, воздействующий одновременно на формирование политической повестки, институциональные механизмы её исполнения и динамику гражданской вовлечённости.

На макроуровне цифровые медиа становятся инструментом стратегической коммуникации, осуществляемой руководителями государственного аппарата и центральными органами исполнительной власти. Данный уровень задаёт идеологические рамки, формирует институциональные «смыслы» государственной политики и определяет ключевые направления медийных нарративов, которые затем транслируются ведомствами и находят отражение в практиках гражданского восприятия.

Начнем с правовых основ. Нормативные акты, регламентирующие деятельность медиа, в т.ч. цифровых, можно разделить на общие и частные. Общие черты законодательства применяются ко всем СМИ, включая цифровые платформы:

– государственный контроль над информацией. Закон № 2124-1 «О СМИ»[180], регламентирует базовые правила регистрации, деятельности и закрытия медиа. ФЗ № 149 регулирует интернет, позволяет блокировать сайты[181], ФЗ № 97 приравнивает популярные соцсети и блоги к СМИ[182];

– ограничение «нежелательного» контента: ФЗ № 135[183];

– контроль над иностранным влиянием: ФЗ № 255[184]; ФЗ № 158[185].

– защита персональных данных: ФЗ № 152[186].

Частные (специфические) аспекты регулирования:

– освещение деятельности власти представлено ФЗ № 7 – правила освещения работы госорганов в государственных СМИ[187] и ФЗ № 8 – доступ к информации о работе госслужащих[188];

– регулирование интернета и соцсетей осуществляют ФЗ № 97 – контроль над блогерами (признание их «СМИ» при большой

---

[180] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.12.2023).

[181] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.12.2023).

[182]Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 10.12.2023).

[183] Там же.

[184] Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 10.12.2023).

[185] Федеральный закон № 158 от 22 июня 2024. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50772 (дата обращения: 25.06.2024).

[186] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 10.12.2023)

[187] Федеральный закон от 13.01.1995 №7-ФЗ. «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации». Режим доступа: https://base.garant.ru/103529/ (дата обращения: 10.12.2023).

[188] Федеральный закон от 09.02.2009 №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 10.12.2023).

аудитории)[189] и ФЗ № 255 – борьба с «иностранным влиянием» в цифровом пространстве[190].

«Российское медиаправо эволюционирует от общего регулирования к точечным мерам воздействия на цифровое пространство, учитывая сложившуюся ситуацию»[191]. Например, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[192] ввел в действие специальное регулирование деятельности блогеров, к которым относят администраторов масс-медиа, а также владельцы сайтов с посещением от 3 тыс. человек в сутки, считаются блогерами и обязаны выполнять правила публикации материалов, установленные Законом о СМИ и законами о выборах и референдумах[193]. Владельцы сайтов, зарегистрированных в качестве средств массовой информации, не относятся к категории блогеров. В частности, блогер должен воздерживаться от разглашения государственной тайны, от публичных призывов к террористической деятельности, других экстремистских материалов и т.д.[194] Блогер также должен проверять достоверность размещаемой информации.[195] Роскомнадзор является основным государственным органом, уполномоченным

---

[189] Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 10.12.2023).

[190] Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 10.12.2023).

[191] Евлоев А.М. Цифровые массмедиа и государственное управление: правовое регулирование и вызовы дезинформации // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8. – С. 71–78.. https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.7.

[192] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.12.2023)

[193] Роскомнадзор утвердил методику подсчета посетителей... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20140731/1018358606.html (дата обращения: 10.12.2023).

[194] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.12.2023).

[195] Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 10.12.2023).

в сфере средств массовой информации и коммуникаций, который осуществляет регистрацию продукции СМИ и выдает лицензии на деятельность, связанную с телевизионным и радиовещанием[196].

Возможность использования цифровых медиа напрямую связана с проблемой открытости государственных органов. Эволюция нормативно-правовой базы в отношении открытости ФОИВ развивалась по мере расширения влияния цифровизации на социально-политическое развитие общества:

1) 2007-2010 гг. - начальный этап институционализации, отправной точкой которого стал Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г №1495. «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов».[197] Документ создал правовую базу для последующего развития электронного взаимодействия. Далее ФЗ №8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» определил базовые принципы открытости государственных органов, создав, таким образом, основу для развития цифровых каналов коммуникации[198]. Постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 года №373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» заложило фундамент электронного взаимодействия государства и граждан через регламентацию государственных услуг[199].

---

[196] Роскомнадзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 10.12.2023).

[197] Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. №1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102145217 (дата обращения: 10.12.2023).

[198] Федеральный закон от 09.02.2009 №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 10.12.2023).

[199] Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 года №373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102147589 (дата обращения: 10.12.2023).

2) 2014-2017 гг. - формирование концепции открытости. В «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 года №93-р.[200], появляются требования к публичной отчетности, работе с обращениями граждан, взаимодействию с общественными советами и деятельности пресс-служб государственных органов.

3) 2019-2025 гг. - цифровая трансформация и внедрение новых технологий. Новые векторы развития цифровизации государственной сферы были обусловлены принятием «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 года №203[201] и «Национальной стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» от 10 октября 2019 года №490[202]. Документы определили внедрение искусственного интеллекта, развитие цифровых сервисов и повышение качества электронного взаимодействия государственного управления.

Таким образом, нормативно-правовая база открытости ФОИВ эволюционировала от простых механизмов общественного обсуждения к комплексной системе цифрового взаимодействия, отражая интеграцию цифровых медиа в деятельность ФОИВ.

31 августа 2021 г. правительство России запустило официальный Telegram-канал под названием «Правительство России»[203]. Запуск официальных каналов министерств в социальных сетях стал логичным этапом цифровой трансформации государственного управления.

---

[200] Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/41d4ba8c720529ed4d5e.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

[201] Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 10.12.2023).

[202] Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Режим доступа: https://нтр.рф/upload/iblock/9fa/Указ%20Президента%20РФ%20srO%20развитии%20искусственного%20интеллекта%20в%20Российской%20Федерациivc.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

[203] Правительство России. Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/news/43133/ (дата обращения: 05.04.2025).

Цифровая коммуникация официального канала «Правительство России» занимает особую роль в структуре медиапространства макроуровня, которая выполняет функции:

- информирования о политических решениях и инициативах Правительства,
- поддержания легитимности управленческих решений,
- формирования стратегической повестки.

Анализ официального Telegram-канала «Правительство России» от 5 ноября 2025 года демонстрирует показатели, позволяющие отнести его к категории высокоцитируемых государственных медиаресурсов с устойчивой аудиторией (192 322 подписчиков). Средняя читаемость постов составляет 18 %, показатель вовлечённости (ER)~0,29 %, индекс цитируемости - 7 770[204].

За период - октябрь – начало ноября 2025 г. было проанализировано 106 единиц контента, включая новостные сообщения, визуальные карточки решений, видеоролики и дайджесты. В тематике данного медиа отчетливо проявляются шесть ключевых направлений:

1. Экономика и индустриализация — особые зоны, экспорт, автоматизация, роботизация, меры поддержки отраслей. Примеры сообщений из поста: «будет создан специальный механизм компенсации… усилит гарантии», «уровень автоматизации: около 70 роботов, ещё 200 планируется…».

2. Региональное развитие / крупные территории (Арктика, ДВ, СКФО) — комплексные планы, привлечение инвестиций, миграционные тренды. Примеры: «комплексные планы развития опорных населённых пунктов Арктики», «рекордный миграционный приток в ДФО».

3. Социальная повестка — демография, семья, детский отдых, кадровая политика. Примеры: «формула современной демографической политики…», «в 2025 году дополнительно более 400 детских лагерей».

[204] Официальный канал Правительства России в Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/government_rus (дата обращения: 05.04.2025).

4. Наука, университеты и технологическое лидерство — финансирование, стратегические проекты, оцифровка НИОКР. Примеры: «2 % ВВП на науку к 2030», «Приоритет-2030… 280+ стратегических технологических проектов».

5. Цифровая трансформация управления — оцифровка проверок, ИИ-решения, сервисы обжалования. Примеры: «проверки оцифрованы от начала и до конца…», «приложение „Инспектор“… 1,3 тыс. мероприятий».

6. Внешнеэкономическая и гуманитарная дипломатия — партнёрство с АСЕАН, Лаосом, Малайзией, Вьетнамом; образовательные и культурные треки. Примеры: «укрепление торговой связанности Северной Евразии и ЮВА», «Русская школа в Лаосе».

В структуре медиа выделяются следующие типы коммуникаций:

1. Официально-регулятивные сообщения — документирование управленческих решений в формате новостного отчёта («Правительство утвердило…», «продлило срок…», «поручено разработать…»).

2. Объяснительные публикации — разъяснение стратегических целей («формула семейной политики», «2 % ВВП на науку к 2030 г.») и кейс-истории внедрения цифровых решений («ИИ в регионах… не эксперимент, а реальные результаты»).

При этом каждое управленческое действие сопровождается конкретизацией последствий для отраслей, регионов или населения (например, «…это позволит привлечь новых инвесторов на Северный Кавказ»). Внимание акцентируется на результаты управленческих решений.

По функционально-тематическому признаку можно выделить следующие форматы:

- официальные решения (указы, постановления, продления пошлин/программ) с жёсткой, нормативной подачей информации;
- политико-стратегические заявления вице-премьеров/министров, в которых ставится акцент на национальных целях и долгосрочном векторе развития («технологическое лидерство»;

- отчётные дайджесты - сводка ключевых решений и эффектов за неделю, перечень мероприятий;
- результативные кейсы — описание внедрения и получения результата (ИИ, автоматизация, транспортная безопасность);
- праздничные (ценностные адресации) — поддержка профессиональных сообществ (поздравления, новые памятные даты).

Анализ риторики и нарративов обнаруживает три взаимосвязанных аспекта.

1. Ценности — семья, дети, здоровье, суверенитет, межрегиональное развитие. Примеры: «помогать людям жить в любви, растить детей…», «укрепление спортивного суверенитета».

2. Прагматическая управленческая логика — акцент на снижении регуляторных издержек и повышении эффективности: «сокращён срок аккредитации… до 13 дней», «снижение админнагрузки на бизнес… эффективность проверок 65 %».

3. Технологический оптимизм — представление цифровых инструментов как драйвера прогресса: «ИИ-агенты… высвобождают до 60 % рабочего времени», «умная видеоаналитика помогла раскрыть более 20 преступлений».

Такая риторика формирует позитивный и деятельностный образ правительства, способного обеспечивать и социальную поддержку, и технологический прогресс.

Еще одной значимой коммуникативной площадкой является Правительства РФ является сообщества VK, с общим объемом 707 тыс. подписчиков, по данным на 5 ноября 2025 г[205].

Были проанализированы 155 публикаций официального сообщества «Правительство России» за период октябрь -начало 2025 года. Среднее количество реакций ≈98 «оценивших», максимальная вовлечённость - 551 реакции (18 октября, объявление о госпрограмме). В целом,

[205] Правительство России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/gov?from=groups (дата обращения: 05.04.2025).

в сообществе низкий уровень интерактивности, т.к. формально не предусмотрены комментарии, нет обратной связи.

По тематике блоки медиа распределились следующим образом:

1. социальные программы и развитие человеческого капитала (≈40%) - программы поддержки тренеров, педагогов, инвалидов, предпринимателей, участников СВО;

2. международное сотрудничество (≈15%) - визиты делегаций, подписанные соглашения, сотрудничество по энергетике или транспорту;

3. экономика и финансы (≈20%) - бюджетные решения, поддержка отраслей, меры по модернизации и цифровизации;

4. региональная повестка (≈10%) - поддержка субъектов РФ, запуск программ для сельских территорий;

5. цифровизация и технологии (≈15%) - запуск платформ, меры цифровой трансформации, упоминание ИИ, инфраструктурных проектов.

Контент можно разделить на три основных коммуникационных типа:

1. Информационная транзакционная коммуникация (≈60% постов). Сообщения о принятых решениях, утверждённых инициативах, встречах и переговорах. «На программу «Земский тренер» в 2025 году выделено более 90 млн рублей…». «Александр Новак встретился с делегацией Республики Судан…». Основная функция - фиксация управленческих решений и отчёт о работе правительства.

2. Имиджевая коммуникация (≈25% постов) включает публикации, формирующие позитивный образ правительства через акцент на заботе о гражданах, развитии регионов, поддержке молодых специалистов. Такие посты часто сопровождаются цитатами Мишустина или вице-премьеров.

3. Публично-делиберативная коммуникация (≈15%). Посты со ссылками на публичные обсуждения, прямые эфиры заседаний, сообщения о запуске онлайн-опросов или общественных консультаций.

Риторика публикаций преимущественно официальная, структурированная. Акцент делается на результатах (завершённые мероприятия, достигнутые

договорённости). Форма подачи: от 1,5 до 3 абзацев, в среднем 700–1000 знаков, с цитатой руководителя.

Для риторики сообщества характерна низкая степень эмоциональности и высокая доля технократических конструкций («заседание комиссии», «субсидия», «механизмы поддержки»). Официальная группа «Правительство России» во ВКонтакте выполняет функцию стратегического транслятора государственной повестки и формирует образ правительства как ответственного субъекта.

В целом, Telegram-канал «Правительство России» и сообщество VK выполняют роль площадки стратегического медиалидерства, так как их коммуникации:

- формируют стратегическую повестку и образ управленческой эффективности;
- задают риторические и тематические стандарты для ведомственных каналов (мезоуровень);
-влияют на информационные траектории социальных медиа граждан (микроуровень).

Рассмотренные цифровые медиа не просто транслирует решения, но и конструирует управленческий дискурс, интегрируя его в цифровую среду.

Лидерская подсистема выражена через репрезентацию решений премьер-министра, но отсутствует персонализация лидерского контента в цифровом пространстве. Вместе с тем, применительно к цифровой коммуникации актуально мнение А. И. Соловьева: «Лидер становится центральным институтом, который стимулирует использование имиджевой политики, задействующей при решении масштабных государственных задач образ государства, режима, персональной фигуры руководителя»[206].

Анализ стратегического уровня цифровой коммуникации федеральной власти выявил важную особенность – отсутствие персональных аккаунтов премьер-министра М. В. Мишустина, и членов правительства в публичных

[206] Соловьев А.И. Принятие государственных решений: учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 286 с.Режим доступа: https://studfile.net/preview/10557784/

цифровых медиа, что отличает его медиастратегию от моделей, характерных для ряда мировых лидеров. Это делает релевантным исследование репрезентации фигуры главы правительства через официальные каналы, прежде всего Telegram-канал «Правительство России».

Проведённый анализ 106 публикаций (октябрь – начало ноября 2025 г.) выявил, что образ лидера правительства формируется не через персонализированную коммуникацию, а через институционально-групповой формат, в котором Мишустин выступает:

- как инициатор системных реформ и инфраструктурных изменений («Мишустин поручил ускорить подготовку ИИ-агентов»; «по поручению председателя правительства утверждена новая модель оценки регионов»);
- как операциональный модератор межведомственных проектов («под председательством Мишустина состоялось совещание по инновациям в медицине»);
- как символ управленческой стабильности и цифрового развития, при этом не выходящий в прямую коммуникацию с аудиторией.

В проанализированных 155 единицах контента VK премьер-министр фигурирует в 1/3 постов сообщества. Как правило, приводятся его цитаты, решения или отчёт о рабочих встречах. При этом, личных медиаправок Мишустина нет, посты публикуются в формате риторики: «глава правительства заявил / поручил / подчеркнул». Это подчёркивает модель системного лидерства, а не оформление личного бренда.

Переход к модели системного лидерства характерен для государственного управления в условиях цифровой трансформации. Личностная харизма лидера заменяется образом высокоэффективного администрирования, что подчеркивает доминирование «функционального лидерства» на стратегическом уровне принятия решений.

На макроуровне основными элементами медийной репрезентации председателя Правительства являются:

1. Имя лидера — как системный маркер управленческого действия. «Мишустин поручил упростить...», «По поручению Мишустина...».

2. Инфраструктурный и технологический акцент. В 38% публикаций Мишустин упоминается в связи с проектами цифровизации («ИИ-агенты», «умные проверки», «единые цифровые профили»). Это формирует его роль лидера цифровой модернизации.

3. Отсутствие эмоционального и персонального контента. В отличие от активной политической медийности, в которых лидер демонстрирует личную рефлексию или участие в бытовых эпизодах (например, Д. Медведева), в канале «Правительство России» не присутствует личностные мотивы, что перенаправляет акцент на восприятия лидера через призму системы госуправления.

4. Коллаборация с Минцифры. Посты о цифровизации, включая цитаты Мишустина, нередко перекрестно отмечаются в каналах Минцифры и профильных ведомств, что делает образ главы правительства центральным арбитром цифровой политики.

Таким образом, в условиях отсутствия персональных цифровых аккаунтов М. В. Мишустина, официальные медиаканалы выступают как носитель «системного лидерства», встраивая фигуру главы правительства в рамки официальной риторики, сконцентрированной на цифровизации, эффективности и управленческой модернизации.

В контексте анализа цифровых медиа в системе государственного управления, такой способ конструирования лидерства может рассматриваться как форма «стратегической цифровой репрезентации власти», характерная для российской медиамодели. Это оказывает прямое влияние на медиастратегии ведомств (мезоуровень) и медиаповедение граждан (микроуровень).

Одним из ключевых индикаторов влияния цифровых медиа на систему государственного управления выступает СМ-индекс, рассчитываемый компанией «Медиалогия»[207]. Показатель отражает уровень лидерского присутствия

[207] Министры РФ в соцмедиа: рейтинги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/ (дата обращения: 18.03.2025).

в цифровом пространстве и позволяет оценить реальную значимость министра в медиасреде вне зависимости от его формальных полномочий. СМ-индекс показывает, насколько фигура министра оказалась в центре общественного внимания, на основе охвата, цитируемости и вовлечённости пользователей в соцсетях и СМИ.

Высокий СМ-индекс демонстрирует медиаприсутствие, что особенно важно в условиях цифровой медиатизации государства. Он позволяет оценить, насколько эффективно лидер — или ведомство — использует потенциал цифровых медиа для трансляции своих управленческих решений.

Рассмотрим динамику медиаприсутствия российских министров в цифровых медиа в период с июля по сентябрь 2025 года. В июле лидером по СМ-индексу стал министр иностранных дел С. Лавров, чьи цифровые упоминания достигли отметки 555 041, что во многом объясняется активным участием в международных переговорах и внешнеполитической повестке. Вслед за ним — министр транспорта А. Никитин (154 161,9) и министр промышленности А. Алиханов (81 353,5), чьи показатели отражают более узкопрофильную и менее политизированную область деятельности[208]. В августе произошёл резкий скачок СМ-индекса Лаврова — до 11 177 485, что связано с освещением дипломатических событий и обсуждение внешнеполитической стратегии России. Вторую позицию занял министр обороны А. Белоусов (2 451 478), набравший высокий медиарейтинг на фоне вопросов обороны и безопасности[209]. Третье место — у министра просвещения С. Кравцова, чей СМ-индекс вырос до 2 134 413, подтверждая значимость образовательной тематики, в том числе в связи с началом нового учебного года. В сентябре министр иностранных дел сохранил лидерские позиции с СМ-индексом 6 578 461, несмотря на снижение по сравнению с августом.

---

[208] Министры РФ в соцмедиа: июль 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14101/ (дата обращения: 10.08.2025).

[209] Министры РФ в соцмедиа: август 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14149/ (дата обращения: 10.09.2025).

В тройке лидеров также оказались министр финансов А. Силуанов (1 503 030) и снова министр просвещения С. Кравцов (1 365 525)[210].

Таким образом, анализ данных за три месяца демонстрирует, что медиаприсутствие министров зависит не только от характера их официальных полномочий, но и от степени общественной и медиальной востребованности соответствующей сферы. Особенно наглядно это видно на примере С. Кравцова, чьё ведомство активно участвует в цифровой трансформации сферы образования, на индекс, также влияет начало учебного года. Динамика и сам принцип ежемесячного составления рейтинга подчёркивает возрастающее значение цифровых медиа как инструмента лидерской публичной коммуникации в системе государственного управления. В условиях цифровизации министр с высоким СМ-индексом становится публичным актором, формирующим политическое доверие не только через управленческие решения, но и через цифровую коммуникацию.

Для государственного управления это означает:

- необходимость включения лидерских цифровых коммуникаций в стратегию медиаполитики;
- повышение значимости персональных и ведомственных медиаканалов как каналов формирования легитимности;
- учет масштаба медиавлияния министра при разработке управленческих решений и информационных кампаний.

Таким образом, СМ-индекс служит не только метрикой цифровой популярности, но и индикатором роли цифровых медиа в системе современного государственного управления России.

На мезоуровне цифровые медиа становятся инструментами ведомственной реализации государственной стратегии, формируя управленческие практики министерств и федеральных служб. Если макроуровень задаёт рамки и направления информационной политики, то именно здесь происходит операционализация медиастратегий — через работу официальных каналов ФОИВ,

[210] Министры РФ в соцмедиа: сентябрь 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14196/ (дата обращения: 10.10.2025).

цифровых пресс-служб и интеграцию ведомственных коммуникаций с национальными приоритетами.

В феврале 2024 г., «Российская газета» опубликовала, что Telegram является основным источником новостной информации для 36% россиян, социальная сеть «ВКонтакте» — для 22% опрошенных[211]. По данным исследования российской платформы по работе с блогерами Perfluence на апрель 2024 г., для 32% Telegram-каналы стали ключевой новостной площадкой[212]. По информации исследовательского холдинга «Ромир», в четвёртом квартале 2024 г. 34% россиян использовали Telegram для получения информации[213]. 11 марта 2025 г. Д. Песков назвал его главным источником информации в России[214]. По данным на начало 2025 г., ежемесячная аудитория Telegram составила 90,57 млн. человек[215].

Анализ Telegram-каналов ФОИВ (на примере 21 министерства) даёт возможность оценить результативность медиастратегий различных ведомств. В рамках данного исследования акцент сделан на трёх ключевых критериях: численность аудитории, уровень читаемости публикаций и показатели вовлечённости. Такой подход позволяет выявить сильные и слабые стороны коммуникационных практик государства и понять, в какой мере цифровые медиа становятся инструментом управления и обратной связи с обществом (Таблица 1).

---

[211] Российская газета. Новость от 01.02.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/02/01/22235323.shtml (дата обращения: 18.03.2025).

[212] 57% россиян предпочитают узнавать новости... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/perfluence-statistika-issledovanie-novosti-smi-telegram-kanaly-67196.html (дата обращения: 18.03.2025).

[213] 34% респондентов для получения информации используют Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/tv-72712.html (дата обращения: 18.03.2025).

[214] Известия. Новость от 11.03.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1852050/2025-03-11/peskov-nazval-telegram-glavnym-istochnikom-informatcii-v-rf (дата обращения 18.03.2025)

[215] Аудитория соцсетей в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/u/2306259-aleksei-begin/1822522-auditoriya-socsetei-v-rossii-telegram-vkontakte-youtube-i-rutube-yanvar-2025 (дата обращения: 18.03.2025).

Таблица 1 – Оценка эффективности каналов ФОИВ

Название ФОИВ	Адрес канала	Подписчики	Читают посты, %	Вовлечённость, %
МВД	t.me/mediamvd	46 065	16%	1.15%
Минздрав	t.me/minzdrav_ru	51 386	46%	1.03%
МИД	t.me/minzdrav_ru	128 593	10%	0.31%

Продолжение. Таблица 1 – Оценка эффективности каналов ФОИВ

Минкультуры	t.me/minkultrf	4 180	9%	0.7%
Минобороны	t.me/mod_russia	630 047	13%	2.79%
Минпросвещения	t.me/minprosrf	70 677	28%	0.62%
Минобрнауки	t.me/minkultrf	58 253	25%	0.93%
Минприроды	t.me/prirodovedenie_rus	5 002	727%*	2.09%
Минпромторг	t.me/mod_russia	45 336	19%	1%
МЧС	t.me/mchs_official	84 852	19%	0.88%
Минцифры	t.me/minprosrf	251 402	59%	1.94%
Минсельхоз	t.me/mcx_ru	27 941	41%	1.4%
Минспорта	t.me/minobrnaukiofficial	20 331	23%	1.41%
Минстрой	t.me/minstroyrf	52 773	14%	1.13%
Минтранс	t.me/prirodovedenie_rus	30 823	27%	0.76%
Минтруд	t.me/mintrudrf	90 979	42%	1.19%
Минфин	t.me/minpromtorg_ru	47 661	17%	1.15%
Минэкономразвития	t.me/minec_russia	19 561	17%	1.49%
Минвостокразвития	t.me/mchs_official	4 385	46%	2.73%
Минэнерго	t.me/minenergo_official	14 368	38%	0.75%
Минюст	t.me/mintsifry	11 093	37%	1.77%

*** Примечание: у Минприроды показатель «читают посты» (727%) может быть результатом технического сбоя в сервисе (скорее всего, 7-10%).**
Источник: расчеты автора по данным, представленным TGStat[216] на 31.03.2025 г.

Данные таблицы показывают, что в Telegram ведомство Минобороны России выделяется как абсолютный лидер с 630 тыс. подписчиков. По всей вероятности, контент, создаваемый Минобороны, включает актуальные темы, такие как новости обороны, СВО и патриотический контент, что обеспечивает его высокую значимость для широкой аудитории. В анализе Telegram-каналов федеральных министерств ключевым показателем остаётся размер аудитории. Безусловным лидером здесь выступает Министерство цифрового развития — 251 тыс. подписчиков, за которым следует Министерство иностранных дел с 128 тыс. Однако дальнейшее

[216] Каталог Telegram-каналов и чатов (TGStat) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

распределение показывает серьёзную асимметрию: у Министерства культуры и Министерства по развитию Дальнего Востока всего по 4 тыс. подписчиков, а у Министерства юстиции — лишь 11 тыс., что делает их влияние в цифровом пространстве минимальным. Не менее значимым критерием является читаемость публикаций. Лидером по этому показателю становится Минцифры (59%), что можно объяснить актуальностью цифровой тематики и высокой востребованностью новостей в сфере IT. На втором месте Минздрав и Минвостокразвития (по 46%), которые, несмотря на небольшую аудиторию, способны удерживать внимание читателей за счёт релевантности контента. В то же время МИД при внушительной численности подписчиков показывает лишь 10% читаемости, что указывает на трудности с форматом подачи материалов. Ещё ниже показатель у Минкультуры — всего 9%. Особое внимание заслуживает вовлечённость (ER), отражающая активность пользователей. Лидером здесь снова становится Минобороны с коэффициентом 2,79%: аудитория активно реагирует на контент, обсуждает его и распространяет. Высокий результат демонстрирует и Минвостокразвития (2,73%), что подтверждает лояльность его небольшой, но заинтересованной аудитории. Схожая ситуация наблюдается у Минприроды — 2,09%, что говорит о качественной вовлечённости даже при ограниченной численности подписчиков. В то же время МИД с показателем 0,31% демонстрирует крайне низкий уровень активности, требующей коррекции медиастратегии.

Таким образом, эффективность каналов значительно варьируется. Наиболее успешные результаты продемонстрировали ведомства, фокусирующиеся на актуальном и интерактивном контенте, такие как Минобороны и Минцифры, которые смогли выстроить четкую и эффективную стратегию коммуникации. В то же время, ведомства с более формальным подходом к контенту, таким как МИД и Минкультуры, не имеют адаптированных стратегий взаимодействия со своей аудиторией. Это подчеркивает важность динамичной адаптации контентной политики в условиях быстрого изменения интересов аудитории и стандартов коммуникации в цифровом пространстве.

Для оценки интеграции цифровых медиа в структуру ФОИВ в качестве официальных новостных источников контента необходимо сравнить их показатели с ведущими новостными каналами, расположенными также в Telegram (Таблица 2).

Таблица 2 – Анализ активности новостных каналов

Название канала	Адрес канала	Подписчики	Читают посты	Вовлеченность
Топор Live	t.me/joinchat/sOj9iDAtUkMyYWQy	4 122 593	22%	1,64%
Москвач • Новости Москвы	t.me/moscowach	3 581 362	17%	1,49%
Прямой эфир • Новости	t.me/novosti_efir	3 461 848	23%	1,71%
РИА Новости	t.me/rian_ru	3 376 898	21%	0,09%
СМИ Россия не Москва	t.me/smi_rf_moskva	3 234 304	6%	0,91%

Источник: расчеты автора по данным, представленным TGStat[217] на 31.03.2025г.

Сравнительный анализ демонстрирует существенные отличия по всем рассматриваемым критериям. По охвату новостные платформы лидируют: их аудитории достигают 3–4 млн. подписчиков, что в разы превышает показатели ФОИВ. Самый популярный канал — у Минобороны (630 тыс.), тогда как многие ведомства имеют десятки тысяч, а Минкультуры и Минвостокразвития — менее 10 тыс. По читаемости постов новостные каналы удерживают 17–23%, тогда как у большинства ФОИВ — менее 30%. Лидеры: Минцифры (59%) и Минздрав (46%). По вовлечённости новостные платформы показывают 1,49–1,71%, выше большинства ФОИВ. Исключения: Минобороны (2,79%) и Минвостокразвития (2,73%), сопоставимые с ведущими медиа.

Таким образом, новостные каналы доминируют по охвату, а отдельные ФОИВ (Минобороны, Минцифры, Минвостокразвития) способны конкурировать

[217] Каталог Telegram-каналов и чатов (TGStat) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

по вовлечённости. Большинство же ведомств остается слабыми в читаемости и удержании аудитории.

Дале необходимо рассмотреть содержательные аспекты коммуникаций ФОИВ. Начнем с создания контента и информационной повестки. Исследования взаимодействия государства и социальных сетей опираются на появившиеся в начале 21 века концепции «Gov 2.0» и digital governance. Цифровые технологии рассматриваются в них как ресурс повышения прозрачности, вовлечённости граждан и эффективности управления. Б. С. Новек, С. Голдсмит, У. Эггерс показали потенциал цифровых платформ для трансформации коммуникации государства и общества[218]. И. Мергель выделяет три модели взаимодействия власти и граждан в соцмедиа: «push» (одностороннее информирование), «pull» (вовлечение через опросы и обсуждения) и «network» (двустороннее сотрудничество и создание контента). Эволюция от «push» к «network» отражает рост значимости цифровых медиа в публичной политике и одновременно порождает вызовы, связанные с балансом между открытостью и нормативными ограничениями[219].

В 2014 г. Н. Е. Дмитриева проанализировала использование соцсетей 55 федеральными органами власти России по критериям прозрачности, обратной связи и общественного контроля. Исследование показало, что большинство ограничивается формальной публикацией новостей, не обновляет аккаунты и не отвечает пользователям, что снижает доверие[220]. Спустя 8 лет исследователи также отмечали, что «государство остается за пределами технологического формата цифровой социально-политической повестки, используя в своем политико-управленческом и социально-коммуникативном арсенале «догоняющие»

---

[218] Бет. Н. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. – М.: Альбина Паблишер, 2012. – 292 с.; Голдсмит С., Эггерс У. Сетевое управление: новая форма государственного сектора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com.co/books/about/Governing_by_Network.html?id=NXodqVX9R0C (дата обращения: 15.01.2024).

[219] Mergel, I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // Government Information Quarterly. – 2013. – 30. – P. 327–334.

[220] Дмитриева Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 123–146.

способы воздействия на общественное мнение и поведенческие практики граждан» [221]. Из приведенного выше анализа каналов ФОИВ, уже можно говорить об изменении ситуации по отдельным органам власти, но необходимо проанализировать содержание контента.

На современном этапе можно выделить несколько механизмов формирования информационной повестки ФОИВ в цифровых медиа. Минцифры России публикует новости о цифровой трансформации, запуске сервисов и изменениях в законодательстве[222]. МВД использует цифровые медиа для информирования о безопасности, профилактических мерах и правонарушениях. Кроме того, освещаются реформы, включая внедрение цифровых технологий и борьбу с киберпреступностью[223]. Минздрав акцентирует внимание на национальном здоровье и медицинских услугах. Так, в период пандемии COVID-19 цифровые медиа стали ключевым источником информации о вакцинации и мерах поддержки. Активное распространение данных о «Спутнике V», статистики заболеваемости и профилактических мероприятий способствовало формированию общественного мнения и ориентации граждан в системе здравоохранения[224].

Подача информации ФОИВ через цифровые медиа отличается системностью и регулярностью, что нацелено на формирование у граждан ощущение открытости и актуальности деятельности органов власти. При этом важным условием является адаптация контента под разные платформы и использование адаптированной для восприятия терминологии. С целью наглядности, а значит, и доступности информации, широко применяются мультимедийные форматы,

---

[221] Гнедаш А.А., Малышева О.П., Рябченко Н.А., Тимофеева Л.Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51.

[222] Цифровизация государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva (дата обращения: 05.04.2025).

[223] МВД разработало проект цифровой платформы для борьбы с IT-мошенничеством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7563383 (дата обращения: 05.04.2025).

[224] Минздрав России. Telegram-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.telegram.org/a/#-1001512944688 (дата обращения: 05.04.2025).

в т.ч. видео, инфографика, анимация, подкасты. В качестве примеров можно привести инфографику Росстата[225], Минздрава[226].

Содержательный анализ цифровых медиа российских ведомств в 2025г., показывает, что, несмотря на единый федеральный курс на цифровое управление, каждое ведомство выстраивает собственную модель коммуникации, отражающую специфику его функций. Это позволяет разделить ФОИВ на несколько условных типов (Таблица 3):

Таблица 3 - Модели контента ФОИВ

Тип модели	Примеры ведомств	Особенности
Массово-идеологическая	Министерство обороны, МИД РФ	Нарратив безопасности, национального единства; высокий уровень «медиасуверенитета»; однонаправленная коммуникация, контроль
Сервисно-информационная	Министерство просвещения РФ, Минтруд	Ориентация на профессиональное сообщество педагогов, родителей, соцработников, разъяснения, обучающие посты
Экспертно-технологическая	Минцифры, Ростехнадзор	Акцент на управленческие и технические решения, аудитории заказчиков госуслуг, ИТ-специалистов; регулярные статистические и проектные отчёты
Социально-коммуникативная	Минспорт, Минкультуры	Привлечение молодёжной и региональной аудитории, событийность, краудсорсинг, лидеры общественного мнения

Источник: анализ автора Telegram-каналов ФОИВ, 306 единиц контента за октябрь 2025г.

Следующим аспектом взаимодействия ФОИВ и цифровых масс-медиа выделяется распространение информации и общественный резонанс, где исследователи отмечают «значительные усилия государства по созданию открытых цифровых систем взаимодействия с населением»[227]. Например, 1 марта 2022 г. был создан портал «Объясняем.РФ» — официальный интернет-ресурс правительства России об информировании о социально-экономической ситуации в

[225] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 05.04.2025).
[226] Инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minzdrav.gov.ru/photo/infografika (дата обращения: 05.04.2025).
[227] Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 686–710.

стране[228]. Только за первый месяц его услугами воспользовались 11 млн. человек[229]. По состоянию на 28 марта 2025 г., постоянная аудитория портала в соцсетях составляет 621 тыс. подписчиков VK[230] и 326 тыс. в Telegram[231].

Социальные сети стали важным инструментом коммуникации между государством и обществом. Развивая подход И. В. Мирошниченко, трактующую социальные сети как институционализированный элемент публичной политики, в данном исследовании цифровые медиа рассматриваются как часть коммуникационной инфраструктуры государственного управления[232].

В отличие от макроуровня, где формируется стратегический нарратив, на уровне ФОИВ цифровые медиа транслируют конкретные решения в доступных форматах, преобразуют информацию для целевой аудитории (профессиональные, массовые, молодёжные); устанавливают каналы обратной связи. Это все формирует «доверительные» зоны публичности, где гражданин ощущает непосредственное присутствие ФОИВ.

Микроуровень представляет сферу повседневных медиапрактик граждан, профессиональных сообществ, локальных акторов и негосударственных институций. Он фиксирует «обратный вектор» медиавзаимодействия — как общество перерабатывает, транслирует и искажает государственные коммуникации, создавая новые запросы и формы цифрового участия.

В отличие от макро- и мезоуровней, задающих стратегические и административные рамки, микроуровень отражает реальные, практические следствия медиаактивности государства — через комментарии, репосты, петиции, обсуждения, журналистское действие и др.

---

[228] Объясняем РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://объясняем.рф/ (дата обращения: 05.04.2025).

[229] Национальные приоритеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://национальныеприоритеты.рф/news/podvedeny-itogi-pervogo-mesyatsa-raboty-portala-obyasnyaem-rf/ (дата обращения: 05.04.2025).

[230] Объясняем РФ в VK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/obyasnyaemrf (дата обращения: 05.04.2025).

[231] Объясняем РФ. Telegram-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/obyasnayemrf (дата обращения: 05.04.2025).

[232] Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2013. – 40 с.

Резонансное воздействие цифровых медиа обусловлено тем, что «пользователи с большим количеством подписчиков с лёгкостью формируют и трансформируют политическую повестку дня – в цифровую социально-политическую», а ключевым становится «потребительский потенциал массовой аудитории»[233]. В условиях цифровизации в формировании повестки задействованы блогеры, соцсети, онлайн-СМИ и т.п., при этом в кризисные моменты они становятся наиболее значимыми акторами, поскольку «гражданские коммуникации опережают государство по скорости и креативности», тогда как власти используют «догоняющие способы воздействия»[234].

Вместе с тем, по данным ВЦИО на ноябрь 2024, государственные паблики рассматриваются как безопасный и надёжный источник информации, свободный от мошеннических публикаций. 33% россиян знакомятся там с материалами органов власти (рост на 3 п.п. с мая 2024 г.), а 70% аудитории считают их главным источником новостей[235].

Общественное мнение и реакция граждан на публикации цифровых медиа формируют обратную связь, которая поступает в систему государственного управления. Проанализируем динамику обращений от граждан за период 2013-2023 гг., по данным Минцифры (Таблица 4).

Таблица 4 - Динамика обращений граждан за период 2013-2023 гг.

Год	Количество обращений	Изменение (%)
2013	22 225	—
2014	19 408	–12.7%
2015	21 884	+12.8%
2016	22 584	+3.2%
2017	25 561	+13.2%

[233] Гнедаш А.А., Малышева О.П., Рябченко Н.А., Тимофеева Л.Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51.
[234] Там же С.48.
[235] ВЦИОМ. Новости: паблики с приставкой «гос-» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos (дата обращения: 05.04.2025).

Продолжение. Таблица 4 - Динамика обращений граждан за период 2013-2023 гг.

2018	23 186	–9.3%
2019	23 340	+0.7%
2020	29 393	+25.9%
2021	30 906	+5.1%
2022	33 722	+9.1%
2023	34 162	+1.3%

Источник: https://digital.gov.ru/appeals-menu/statistic, расчеты автора

Динамика обращений граждан, зафиксированная Минцифры через электронную почту, сайт министерства и систему межведомственного электронного документооборота (МЭДО) - федеральную информационную систему организации взаимодействия систем электронного документооборота (СЭД) участников межведомственного электронного документооборота[236], показывает 2 основных этапа:

1) 2014–2019 гг. – становление системы обратной связи с нестабильностью (спад 2014 г.: –12,7%; рост 2017 г.: +13,2%, совпавший с развитием «Госуслуг»),

2) 2020–2023 гг. – этап устойчивого роста (скачок 2020 г.: +25,9% вследствие пандемии и цифровых пропусков; замедление 2023 г.: +1,3% как сигнал завершения «цифрового бума»).

По данным Минцифры (2019–2023), обращения структурируются в пять блоков: 1) связь и цифровые технологии (качество услуг, тарифы, монополизация); 2) информационная безопасность (2019–2020 – персональные данные; с 2021 – киберугрозы и регулирование сервисов); 3) госуслуги (с 2020 – рост жалоб на электронные сервисы; 2021–2023 – претензии к МФЦ); 4) СМИ (недостоверность, цензура, блокировки); 5) социальная сфера и мобилизация (с III кв. 2022 – всплеск по призыву и образованию: зарплаты педагогов, дистанционное обучение). Тематическая динамика показывает, что цифровые СМИ и госуслуги становятся ключевыми точками взаимодействия

[236]Система межведомственного электронного документооборота органов власти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eos.ru/eos_products/sistema-medo/?ysclid=m8qcejdmxs676367716 (дата обращения: 15.03.2024).

граждан и государства, при сохранении системных проблем связи, а сама система обратной связи демонстрирует усложнение и институционализацию в условиях цифровизации.

В соответствии с «Методическими рекомендациями по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти», утвержденными 26 декабря 2013 г., ФОИВ могут использовать онлайн-платформы для взаимодействия с населением[237]. ФОИВ взаимодействуют с гражданами через социальные сети, отвечая на вопросы, комментарии и жалобы[238]. Реакция на общественное мнение колеблется от мониторинга социальных сетей и платформ для выявления ключевых тем и трендов до проведения онлайн-консультаций и общественных обсуждений.

Онлайн-консультации и общественные обсуждения закреплены в Приказе Минэкономразвития РФ от 7 июля 2015 г. № 454 как ключевые механизмы вовлечения граждан в деятельность ФОИВ[239]. Консультации проводятся не менее шести раз в год под администрированием ведомств и с участием зарегистрированных пользователей, включая отдельные встречи для СМИ. Общественные обсуждения реализуются в форме заседаний, опросов и экспертных совещаний, что демонстрирует проактивный подход государства к учёту общественного мнения и способствует более взвешенному принятию управленческих решений.

ФОИВ в отдельных случаях корректируют законодательные инициативы на основе общественной обратной связи. Так, при обсуждении законопроекта о внесении изменений в ФЗ «О персональных данных»[240] в 2023 г. бизнес-сообщество и ИТ-компании выразили обеспокоенность локализацией

---

[237] Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти. Режим доступа: https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-metodicheskie-rekomendatsii-ot26122013-h2316884/3/3.6/?ysclid=m8rdgghma468164989 (дата обращения: 15.03.2024).

[238] Официальная группа МВД ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/mvd (дата обращения: 05.04.2025).

[239] Приказ Министерства экономического развития РФ от 07.07.2015 г. № 454 «Об утверждении методики проведения публичных (общественных) консультаций (обсуждений)». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71097360/ (дата обращения: 15.03.2024).

[240] Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 416441-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/416441-8?ysclid=m8rn3iehh657328583 (дата обращения: 15.03.2024).

данных и затратами[241]. В окончательной версии смягчена локализация, разрешена трансграничная передача при защите, введены переходные периоды (1–2 года), дифференцированы штрафы, предусмотрены исключения для науки[242].

Реакция цифровых медиа на кризисы также влияет на решения: примером стали лесные пожары в Сибири, разгоревшиеся в 2019 г. [243], когда широкое обсуждение в соцсетях способствовало поправкам в законодательство об обязательном тушении пожаров[244]. Гражданские инициативы повлияли и на реформу регистрации автотранспорта[245]. Жалобы на бюрократию и сбои в цифровых сервисах побудили МВД и Минцифры анонсировать изменения, закреплённые постановлением Правительства РФ от 14 ноября 2024 г. №1540, упростившим процедуру регистрации[246].

Данные примеры подтверждают, что «выстраивание электронного взаимодействия органов публичной власти и общества создает условия для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления»[247].

Цифровые медиа усиливают контроль и прозрачность деятельности ФОИВ, позволяя гражданам и общественным организациям участвовать в мониторинге

---

[241] Хабр [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://habr.com/ru/news/764324/ (дата обращения: 15.03.2024).

[242] Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 416441-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/416441-8?ysclid=m8rn3iehh657328583 (дата обращения: 15.03.2024).

[243] #Сибирь_горит: «Гринпис» потребовал пересмотреть «зоны контроля», в которых власти не обязаны тушить пожары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/stories/sibir-gorit-grinpis/ (дата обращения: 12.04.2024).

[244] В Госдуму внесены поправки об обязательном тушении лесных пожаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2019/07/31/v-gosdumu-vneseny-popravki-ob-obiazatelnom-tushenii-lesnyh-pozharov.html (дата обращения: 12.04.2024).

[245] Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 465666-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/465666-8?ysclid=m8rpsm4aqm994091646 (дата обращения: 15.03.2024).

[246] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2024 года. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411150015?ysclid=m8rqkvbtu0427544433 (дата обращения: 15.12.2024).

[247] Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 686–710.

и оценке власти. Одним из ключевых инструментов являются публикации о коррупции: на сайтах Генпрокуратуры, Минюста, МВД и Следственного комитета размещаются интервью, отчёты и сведения о расследованиях, что формирует доверие и активную гражданскую позицию[248]. Исследования А. А. Тертычного подтверждают значимость региональных антикоррупционных расследований[249]. Масс-медиа («Российская газета», «Аргументы и факты», РЕН ТВ)[250] дополняют контроль, освещая коррупционные преступления. Функционируют специализированные рубрики и официальные ресурсы: Минтруд публикует материалы мониторинга[251], Минфин — доклады и обзоры[252], ФАС — методические рекомендации[253]. По мнению исследователей, эти практики демонстрируют позитивные примеры и способствуют развитию общественного контроля[254]. Еще одним важным аспектом обеспечения прозрачности является публикация данных о расходовании бюджетных средств[255].

---

[248] Новости – Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=67360817 (дата обращения: 15.04.2025); Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://мвд.рф/search?q=коррупция&group= (дата обращения: 15.04.2025);
Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sledcom.ru/search?q=коррупция&dates= (дата обращения: 15.04.2025); Сведения о деятельности Минюста России и его территориальных органов по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnostii2014/ (дата обращения: 15.04.2025).

[249] Тертычный А.А. Антикоррупционные журналистские расследования на региональных сайтах // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2014. – № 6. – С. 45–58.

[250] Борьба с коррупцией – Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/sujet/3380 (дата обращения: 15.04.2025); В Петербурге сын советского комментатора... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/society/v-peterburge-syn-sovetskogo-kommentatora-ozerova-zaderzhan-po-delu-o-vzyatke (дата обращения: 15.04.2025).

[251] Министерство труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/8# (дата обращения: 15.04.2025).

[252] Министерство финансов России: противодействие коррупции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/om/anticormk/ (дата обращения: 15.04.2025).

[253] ФАС России: противодействие коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/pages/vazhnaya-informacziya/anticorruption/ (дата обращения: 15.04.2025).

[254] Поляков М.М. Антикоррупционный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3. – С. 75–79.

[255] Сведения об использовании выделяемых бюджетных средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/budget (дата обращения: 15.04.2025)

Важным элементом становится диалогичность, а именно – возможность комментировать публикации и задавать вопросы официальным представителям делает информационное пространство более открытым и доступным для граждан[256].

Анализ данных ВЦИОМ, Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) позволяет выявить ключевые тенденции в доверии граждан к государственным органам, влиянии медиа на восприятие работы федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) и роли цифровых платформ в формировании общественного мнения. Согласно исследованиям, ВЦИОМ и ФОМ, уровень доверия к Правительству, в ведении которого находятся ФОИВ, остаётся относительно высоким. По данным опроса ВЦИОМ, проведённого с 17 по 23 марта 2025 г., деятельность правительства РФ поддерживают 51,9% опрошенных[257]. По результатам ФОМ, проведённого с 21 по 23 марта 2025 г., 58% респондентов считают, что российское правительство работает «скорее хорошо»[258].

В целом, на микроуровне можно зафиксировать 3 основные группы участников, для которых характерны разные инструменты воздействия:

1) граждане, создающие собственные страницы в социальных сетях («Сам себе медиа», по выражению А. Г. Дугига), реагирующие комментариями, репостами, жалобами, участием в онлайн-флешмобах;

2) профессиональные сообщества, которые привлекают внимание посредством лидеров мнений, создают экспертные, часто закрытые сообщества;

3) инициативные группы и НКО: создают краудфандинговые компании и волонтёрские платформы, проводят открытые расследования.

---

[256] Гулаков Ю. Г. Эффективность использования информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления // Молодой ученый. – 2022. – № 12 (407). – С. 69–71.

[257] ВЦИОМ. Новости: рейтинги доверия политикам... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-28032025 (дата обращения: 05.04.2025).

[258] Опрос показал, сколько россиян хорошо оценивают работы Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ria.ru/20250328/opros-2007873706.html?ysclid=m8w19vgl1x20906986 (дата обращения: 05.04.2025).

По сути, микроуровень выполняет две основные функции: сигнальную, которая фиксирует реакцию граждан на медиадействия органов власти и стимулирующую, своеобразное «давления» на макро- и мезоуровни, принуждая ФОИВ к публичному диалогу, иногда и к корректировке позиций.

Таким образом, микроуровень служит естественным индикатором адаптивности и гибкости государственного управления, позволяя оценивать «качество» коммуникации власти в цифровой среде.

2.2. Цифровые медиа в отраслевой государственной политике (на примере Министерства просвещения Российской Федерации)

Выбор Министерства просвещения Российской Федерации в качестве объекта анализа обусловлен рядом методологических, эмпирических и прикладных факторов.

Его деятельность является ключевым направлением государственной политики, т.к. напрямую связана с формированием ценностей, социализацией и образованием молодого поколения. А именно молодежь выступает как основополагающая целевая аудитория цифровых медиа. Министерство просвещения выступает не только регулятором отрасли образования, но и активным участником реализации национальных проектов, включая проект «Молодёжь и дети», где цифровая образовательная среда рассматривается как стратегический ресурс развития. В отличие от ряда других ФОИВ, его деятельность изначально имеет коммуникационно насыщенный характер, что обуславливает необходимость активного использования цифровых медиа.

Кроме того, анализ Минпросвещения позволяет выявить практико-прикладные особенности цифровых медиа как институционального инструмента государственной политики. На примере данного ведомства можно проследить, как цифровые коммуникации интегрируются в реализацию стратегических задач

государства. Полученные выводы и выявленные тенденции могут быть экстраполированы на деятельность других федеральных органов, что придаёт исследованию универсальный характер.

Министерство просвещения Российской Федерации является центральным органом федеральной исполнительной власти, «осуществляющим нормативно-правовое регулирование и государственную политику в сфере общего образования, среднего профессионального образования и дополнительного профессионального образования, а также профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых, воспитания, опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся»[259]. Статус его как ключевого актора отраслевой политики определяется рядом факторов.

Во-первых, Минпросвещения разрабатывает федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), утверждает примерные программы, направляет методические рекомендаций, определяет кадровую политики в системе образования. Тем самым реализует нормативную функцию, формируя единое образовательное пространство для всех субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, оно реализует управленческую функцию, в первую очередь, через координацию национального проекта «Молодежь и дети»[260], в который входит ряд федеральных проектов, через них министерство влияет на процессы цифровизации образования, развитие школьной инфраструктуры и повышение квалификации педагогов.

В-третьих, Минпросвещения выступает проводником государственных приоритетов в образовательной сфере, транслируя решения и инициативы через официальные сайты, социальные сети, Telegram-каналы и платформу «Госуслуги», реализуя тем самым коммуникационную функцию. Медийное сопровождение

---

[259] Положение о Министерстве Просвещения РФ. Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=491345 (дата обращения: 20.03.2024).

[260] Министерство Просвещения РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

является инструментом формирования общественного доверия к образовательной политике, особенно в условиях ее цифровой трансформации.

Наконец, институциональная роль министерства заключается в координации деятельности субъектов РФ, муниципальных органов и образовательных организаций. Так Минпросвещения становится связующим звеном между федеральной повесткой и практиками «на местах», а цифровые медиа становятся каналом обратной связи для корректировки управленческих решений.

Таким образом, Министерство просвещения РФ выступает ключевым актором отраслевой политики, с одной стороны, как регулятор образовательного процесса, с другой, - как медиатор между государством, обществом и образовательным сообществом в условиях цифровизации.

Развитие образовательной политики демонстрирует усиление роли цифровых медиа, которые изначально выполняли вспомогательную функцию, а в современных условиях стали одним из ключевых инструментов управления[261]. Можно выделить три волны развития цифровых медиа в системе Минпросвещения.

Первая волна (середина 1980-х — 1990-е гг.) представляла собой компьютеризацию школ и вузов. В перестроечный период в школы проникли первые электронные ресурсы.

Во время второй волны (2000-е — 2018 гг.) началось внедрение электронных библиотек, LMS, цифровых архивов и баз данных. На этом этапе цифровые медиа использовались в основном для информационного сопровождения: сайты, онлайн-доступ к учебным материалам и т.п.

Третья волна (с 2018 г. по настоящее время) представляет собой цифровую трансформацию образования (при всей дискуссионности данного термина

[261] Пушкарева, А. С. Цифровизация образования в России: этапы и препятствия / Пушкарева А.С., Санько А.М. Цифровизация образования в России: этапы и препятствия // Человек в информационном обществе: сб. материалов второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. десятилетию науки и технологий в Рос. Федерации (26-28 апр. 2023 г., г. Самара). — Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2023. — С. 748–751; Пигарева Е.А., Дмитриева Е.К. Цифровизация образования в России // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2022. — № 11 (56) Т.4. — С. 76–81..

в научном поле[262]), в рамках которой цифровые медиа институционализировались как элемент образовательной политики. Так, платформа «Моя школа» обеспечивает цифровой обмен учебными материалами, «Сферум» функционирует как социальная сеть для школ. Интеграция с порталом «Госуслуги» (ЕПГУ) позволяет родителям и студентам получать услуги в цифровом формате. Важнейшими источниками официальной информации, обратной связи и мобилизации педагогического сообщества стали Telegram-канал Минпросвещения РФ и аккаунты в VK. Наконец, активно продвигаемые через цифровые медиа проекты «Россия – страна возможностей» и «Большая перемена», позволяют сочетать образовательные, воспитательные и кадровые задачи.

Таким образом, цифровые медиа в образовании перешли от «технического дополнения» к центральному элементу управленческой экосистемы, где коммуникация, обратная связь и контроль качества становятся частью стратегии цифрового соуправления.

Задачи цифровизации образования закреплены на государственном уровне в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.[263] Пункт 2 статьи 16 предоставляет образовательным организациям право интегрировать цифровые технологии в учебный процесс, тем самым легитимируя новые форматы взаимодействия педагога и обучающегося.

В условиях формирования цифрового общества образование выступает одной из ключевых сфер модернизации. Отправной точкой формирования нормативно-правовой базы цифрового образования в России стал Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества

---

[262] Бобровникова Н.С. Концептуальные подходы к цифровизации современного образования // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. — 2024. — № 09 (98). — С. 45–56. Режим доступа: https://scipress.ru/pedagogy/articles/kontseptualnye-podkhody-k-tsifrovizatsii-sovremennogo-obrazovaniya.html

[263] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122012-n-273-fz-ob/ (дата обращения: 20.03.2024).

на 2017–2030 годы»[264]. Документ определяет направления государственной политики в сфере ИКТ и подчеркивает их значимость для предоставления услуг населению. В контексте образования ключевым принципом стратегии выступает «свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией», что акцентирует необходимость индивидуализации образовательного процесса и доступности образовательной среды.

Особое внимание уделяется взаимосвязи цифрового общества и образования, где образовательные инициативы рассматриваются как инструмент распространения знаний и формирования активных граждан. В стратегических положениях подчеркивается роль образовательных проектов в создании информационного пространства знаний. Приоритетом становится формирование технологических платформ дистанционного образования для повышения доступности и качества образовательных услуг. Таким образом, стратегия не только закрепила цифровизацию как элемент модернизации образования, но и придала ей характер ответа на вызовы современного общества.

Продолжением реализации положений Стратегии развития информационного общества (2017–2030 гг.) стали государственные инициативы нацпроектного уровня. Если в 2018–2024 гг. ключевую роль в цифровизации образовательной среды играл национальный проект «Образование», включавший федеральные проекты «Цифровая образовательная среда» и «Учитель будущего», то с 2025 г. акценты государственной политики смещены в рамках нового национального проекта «Молодёжь и дети»[265]. В рамках нацпроекта «Молодёжь и дети» цифровые медиа становятся инструментом интеграции и продвижения федеральных инициатив Минпросвещения. В контексте реализации федеральных проектов, входящих в его структуру:

---

[264] Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 10.12.2023).

[265] Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_Molodezh__i_deti.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

– «Передовые общеобразовательные организации» используют цифровые платформы для дистанционного отбора и сетевого взаимодействия талантливых учеников[266];

– «Всё лучшее детям» активно освещается в медиа, где транслируются лучшие практики модернизации инфраструктуры и поддержки талантов[267];

– «Педагоги и наставники» продвигается через цифровые каналы, где формируется позитивный образ профессии и создаются сообщества педагогов[268];

– «Профессионалитет» опирается на цифровые ресурсы для сопряжения образовательных программ и запросов работодателей[269];

– «Россия в мире» получает информационное сопровождение в медиа для привлечения молодежи в новые кампусы и образовательные центры[270];

– «Мы вместе» транслирует ценностные ориентиры через социальные сети и цифровые медиа, укрепляя воспитательный компонент.

Национальный проект «Молодежь и дети» ориентирован на расширение цифровых возможностей социализации и воспитания подрастающего поколения, развитие детских и молодёжных инициатив, а также создание единой цифровой инфраструктуры для сопровождения образовательных и воспитательных процессов. А цифровые медиа становятся коммуникационным каркасом федеральных проектов, обеспечивая прозрачность, обратную связь и вовлеченность молодежи.

---

[266] Министерство Просвещения. Режим доступа: https://edu.gov.ru/activity/molodezh-i-deti/

[267] Паспорт федерального проекта «Все лучшее детям» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/news/2025/nats-proekty/2-fp-vse-luchshee-detyam.pdf (дата обращения: 25.03.2025)

[268] Паспорт федерального проекта «Педагоги и наставники» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/news/2025/nats-proekty/4-fp-pedagogi-i-nastavniki.pdf (дата обращения: 25.03.2025)

[269] Федеральные проект «Профессионалитет» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://firpo.ru/activities/projects/federalnyy-proekt-professionalitet/?ysclid=mgo38itv5847629048 (дата обращения: 25.03.2025).

[270] Федеральный проект «Россия в мире» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510353/31ce2b068fc41043e962644a8a8ac73eca2bae58/ (дата обращения: 25.03.2025).

На примере представленных документов можно проследить преемственность стратегических ориентиров в контексте цифровизации образования (Таблица 5).

Таблица 5 – Эволюция стратегических ориентиров цифровизации образования

Документ / проект	Период действия	Ключевые положения	Акценты в цифровизации образования и роль цифровых медиа
Стратегия развития информационного общества в РФ	2017–2030	Формирование цифрового общества; использование ИКТ в социальной сфере; «свобода выбора средств получения знаний».	Цифровые медиа и технологии закреплены как основа индивидуализации и доступности образования; приоритет развития дистанционного обучения и образовательных платформ.
Нацпроект «Образование»	2018–2024	Федеральные проекты: «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Современная школа».	Впервые создана инфраструктура цифрового образования (ЦОС, «Моя школа», «Российская электронная школа»); медиа-коммуникации использовались для продвижения нацпроекта и вовлечения педагогов, родителей, учащихся.
Нацпроект «Молодёжь и дети»	2025–2030	Федеральные проекты: - «Передовые общеобразовательные организации», «Всё лучшее детям», «Педагоги и наставники», «Профессионалитет», «Россия в мире»; «Мы вместе»	Цифровые медиа институционализированы как инструменты воспитания и социализации (платформы обратной связи, контент в соцсетях, онлайн-сообщества); акцент на формирование цифровой идентичности молодого поколения.

Эволюция стратегических ориентиров показывает, что цифровизация образования в России постепенно смещается от создания технологической инфраструктуры к формированию цифровой экосистемы воспитания и социализации. Если Стратегия информационного общества задала нормативные рамки, а нацпроект «Образование» обеспечил техническое и организационное внедрение цифровой среды, то нацпроект «Молодёжь и дети» акцентирует внимание на ценностных и воспитательных аспектах. В этой логике цифровые медиа перестают быть лишь инструментом трансляции контента и становятся активным каналом формирования

идентичности и обратной связи, что напрямую влияет на эффективность государственной образовательной политики.

Нормативное развитие отрасли движется от разрешения электронного обучения и ДОТ к формированию платформенной экосистемы цифровой образовательной среды (далее - ЦОС), где цифровые сервисы и управление данными становятся инфраструктурой образовательной политики. Это задаёт контур интеграции цифровых медиа в управление образованием как каналов коммуникации, мониторинга и общественной обратной связи.

В нормативно-правовом поле понятие «цифровая образовательная среда» появляется в 2018 г.[271] В проекте «Цифровая образовательная среда» она определяется как «подсистема социокультурной среды, совокупность специально организованных педагогических условий развития личности, при которой инфраструктурный, содержательно-методический и коммуникационно-организационный компоненты функционируют на основе цифровых технологий»[272]. 2 декабря 2019 г. вышел приказ Министерства просвещения РФ «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды», где она классифицируется как «электронная информационно-образовательная среда, включающая в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующих технических средств, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объёме независимо от места нахождения обучающихся»[273].

---

[271] Лодде О.А. Актуальные проблемы цифровой трансформации образовательной среды вуза // Современные проблемы науки и образования. — 2021. — № 5. — С. 112–125.Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31137

[272] Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://krmbou2.gosuslugi.ru/netcat_files/194/3258/Pasport_federal_nogo_proekta_Tsifrovaya_obrazovatel_naya_sreda_.pdf?ysclid=m44jjcryr2525661534 (дата обращения: 25.03.2025).

[273] Приказ Минпросвещения России «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912250047?ysclid=m40mtpqcnb192558749 (дата обращения: 20.03.2024).

Если ранние проектные дефиниции ЦОС фокусировались на социокультурной и педагогической составляющей среды, то ведомственные регламенты сместили акцент к ресурсо-технологической конфигурации (ресурсы, ИКТ, режимы доступа). В итоге в отрасли сосуществуют два подхода — педагогический и платформенный — что влияет на логику управленческих решений.

В Указе Президента РФ от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обосновывалось создание современной и безопасной цифровой образовательной среды**,** обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней[274]. Далее появляется ряд нормативно-правовых документов, регламентирующих развитие ЦОС[275].

С целью реализации задач, обозначенных в Указе Президента и последующих нормативных актах, был подготовлен ряд образовательных проектов и цифровых платформ. Они были нацелены на поддержку цифровой трансформации системы образования в России (Таблица 6).

---

[274]Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/?ysclid=m3yqp6p0o71221682 (дата обращения: 10.12.2023).

[275] Приказ Минпросвещения России «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912250047?ysclid=m40mtpqcnb192558749 (дата обращения: 20.03.2024).

Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002?ysclid=m40muy0pf2643594551 (дата обращения: 20.03.2024).

Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sh-mostovskaya-r81.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/70/1168/Pasport_natsional_nogo_proekta_Obrazovanie_utv._prezidiumom_Soveta_pri_Prezidente_RF_po_strategicheskomu_razvitiyu_i_natsional_nym_proektam_protokol_ot_24.12.2018_16_..pdf (дата обращения: 25.03.2025).

Таблица 6 – Цифровые образовательные проекты по внедрению ЦОС

Проект / Платформа	Период реализации / статус	Ключевые особенности и результаты
Современная цифровая образовательная среда (ЦОС)	01.11.2018 – 30.12.2024	Возможность онлайн-обучения; персонализация образования; доступ к материалам для широкой аудитории. Создана государственная информационная система ЦОС[276].
Цифровая школа	01.01.2019 – 31.12.2024	Создание современной и безопасной цифровой среды во всех школах; техническое оснащение и подготовка педагогов к цифровой трансформации[277].
Национальная образовательная платформа «OpenEdu.ru»	Действует	1432 курса; более 2,5 млн пользователей[278]. Ключевой инструмент популяризации онлайн-образования.
Межвузовская платформа «Универсариум»	Действует	100+ курсов; более 1,7 млн пользователей. Центр межвузовского обмена ресурсами[279].
«Лекториум»	Действует	220+ курсов; крупнейший русскоязычный видеоархив лекций; 600 тыс. пользователей[280].

Эти проекты способствуют созданию интегрированной ЦОС в России, выполняя при этом не только технологическую и образовательную функцию, но и управленческо-коммуникационную. Во-первых, происходит институционализация цифровых медиа**.** Платформы («Современная цифровая образовательная среда», «Цифровая школа», «OpenEdu.ru» и др.) закреплены нормативно и встроены в систему государственного управления образованием. Т.е. цифровые медиа институционализируются как часть отраслевой политики. Во-вторых, реализуется коммуникационная функция цифровых медиа - через ЦОС и образовательные платформы государство получает канал обратной связи. Статистика использования

[276] Паспорт проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

[277] Паспорт проекта «Цифровая школа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sudogda-obrazovanie.ru/wp-content/uploads/2019/04/29/Паспорт-Федерального-проекта-Цифровая-школа.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

[278] По данным на октябрь 2025 г. Открытое образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://openedu.ru/course/ (дата обращения: 15.10.2025).

[279] Универсариум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://universarium.org/ (дата обращения: 02.04.2025).

[280] Журнал «Лекториум» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lektorium.tv/ (дата обращения: 02.04.2025).

курсов, отзывы пользователей, динамика вовлечённости учащихся становятся источником данных для ФОИВ. В-третьих, наличие единого портала и «одного окна» (ГИС «ЦОС») формирует у общества представление о доступности и прозрачности образовательных услуг, укрепляя доверие к Министерству просвещения как ключевому актору отраслевой политики. Наконец, ФОИВ с помощью этих инициатив выстраивает экосистему, в которой цифровые медиа выступают посредником между государством, образовательными организациями и гражданами. Цифровые медиа в данном контексте институционализируются как механизм реализации образовательной политики, соединяющий задачи обучения с задачами государственного управления.

С целью апробации внедрения ЦОС был проведен эксперимент в рамках реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» по внедрению целевой модели ЦОС в сфере начального общего, основного общего и среднего общего образования в 15 субъектах РФ с 10.12.2020 г. по 31.12.2022 г.[281]

Участниками эксперимента по интеграции ЦОС стали:

– Государственные органы - Министерство просвещения РФ и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, разрабатывали и координировали образовательную политику, обеспечивали необходимую инфраструктуру и оценивали эффективность эксперимента.

– Муниципальные организации, в первую очередь школы, - внедряли цифровые технологии в учебный процесс.

– Педагогические работники - адаптировали цифровые инструменты к образовательному процессу.

– Учащиеся - вовлекались в новые формы обучения.

– Родители - поддерживали инициативы, участвовали в обсуждениях и форумах, предоставляли обратную связь о цифровых методах обучения.

[281] Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370409/ (дата обращения: 20.03.2024).

Эксперимент был направлен на интеграцию цифровой образовательной среды через онлайн-курсы и платформы, что позволило дополнить традиционные методы обучения. Ключевым стало обеспечение равных условий доступа к ресурсам, особенно для удалённых и сельских территорий. В ходе работы сформирован перечень образовательных услуг, создан единый информационный ресурс для систематизации данных и управления процессом. Особое внимание уделялось ежегодному обновлению контента и реестра поставщиков, разработке универсальных методик цифрового обучения, а также межведомственному сотрудничеству на государственном и муниципальном уровнях[282].

Пилот ЦОС в регионах консолидировал практики: модернизация материально-технической базы, запуск ФГИС «Моя школа», внедрение коммуникационных инструментов («Сферум»), интеграцию с ЕПГУ («Моё образование»). Эти элементы закрепили платформенный формат отраслевой коммуникации и стандартизировали контуры обратной связи с участниками процесса.

Согласно «Оценке результатов проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды»[283], Минпросвещения РФ назвало следующие важные достижения:

1. Модернизирована материально-техническая база компьютерной техники в школах.

2. Тестирование цифровой образовательной платформы - система «Моя школа» объединила почти 40 тысяч учебных заведений и привлекла около 750 тысяч учителей.[284]

---

[282] Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370409/ (дата обращения: 20.03.2024).

[283] Оценка результатов проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/5fcd89a4af0b428e8189314120a9c5c3/ (дата обращения: 02.04.2025).

[284] ЦОС Моя Школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://myschool.edu.ru/ (дата обращения: 02.04.2025).

3. Разработана платформа «Сферум» для проведения онлайн-трансляций учебных занятий и видеоконференций, а также на создание и развитие виртуальных сообществ образовательных организаций в цифровой среде[285].

4. Центральным элементом ЦОС стала Федеральная государственная информационная система (ФГИС) «Моя школа».

5. На Едином портале государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) создан раздел «Мое образование» для ведения электронных журналов и дневников[286].

Как показала практика внедрения ЦОС, ключевыми барьерами стали несинхронность нормотворчества и внедрения, неоднородность инфраструктуры подключения, отсутствие ранних критериев для цифрового контента и риски защиты данных. Эти факторы сдерживали институционализацию обратной связи.

ФОИВ инициируют обсуждения актуальных тем, используя цифровые платформы для сбора мнений граждан и экспертов, что помогает формировать общественное мнение вокруг необходимых тем. Министерство просвещения РФ с ноября 2024 г. по февраль 2025 г, проводило опрос «Будущее образования России» на платформе «Госуслуги. Решаем вместе». Опрос проводился в рамках подготовки Стратегии развития образования до 2036 г.[287].

Сотрудничество Министерства просвещения РФ с цифровыми масс-медиа имеет уже определенную историю. Еще в 2017 г. ведомство подписало соглашение с социальной сетью «ВКонтакте». Планировалось публиковать в министерском сообществе учебные материалы, лекции и методические пособия для студентов, педагогов и др., проводить флешмобы и транслировать лекции[288].

---

[285] Сферум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sferum.ru/?p=start (дата обращения: 02.04.2025).

[286] Мое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.edu.ru/public/promo (дата обращения: 02.04.2025).

[287] На едином портале государственных услуг проводят опрос «Будущее образование России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/press/9117/na-edinom-portale-gosudarstvennyh-uslug-provodyat-opros-buduschee-obrazovaniya-rossii (дата обращения: 25.03.2025).

[288] ВКонтакте и Минобрнауки подписали соглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.company/ru/press/releases/10190/ (дата обращения: 25.03.2025).

В сентябре 2022 г. Минпросвещения, Минцифры и VK заключили соглашение о сотрудничестве в области создания и развития сервисов для удобного взаимодействия учителей с родителями и школьниками[289]. В их числе были чаты и видеоконференции. Планировалось использование сервисов VK Мессенджер, VK Звонки и Почта Mail.ru в школах и колледжах. Зоной ответственности Минпросвещения России были обучение и консультации пользователей информационных систем. Минцифры должно было интегрировать отдельные сервисы во ФГИС «Моя школа». VK — обеспечить функционирование сервисов. На текущий момент система продолжает развиваться и масштабироваться в рамках национальной программы «Образование». В данном случае, очевиден пример межведомственного взаимодействия с цифровыми масс-медиа, создающий общественный резонанс вокруг одной из самых актуальных и обсуждаемых тем в российском обществе – цифровизация образования обучающихся в системе среднего образования и среднего специального образования.

Еще одним примером общественно-резонансного взаимодействия стало общественное обсуждения введения третьего поколения федеральных образовательных стандартов с сентября 2022 г. В новом стандарте конкретизировались требования к образовательным результатам, особый акцент был сделан на развитие личности посредством формирования универсальных навыков и воспитания личностных качеств, а также на цифровые технологии и индивидуальные траектории обучения[290]. Родители и учителя выражали обеспокоенность из-за недостаточной подготовки школ к внедрению новых стандартов[291]. Обсуждение началось в 2018г. и вылилось в следующую медиаактивность: более 5000 публикаций в федеральных СМИ, более 1,5 тыс. материалов в региональных изданиях, более 2,5 статей в

[289] Минпросвещения, Минцифры и VK подписали соглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/press/5784/minprosvescheniya-mincifry-i-vk-podpisali-soglashenie-o-razvitii-onlayn-kommunikaciy-v-obrazovanii/ (дата обращения: 25.03.2025).

[290] Новый ФГОС - серьезный шаг назад, препятствующий модернизации образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3952372 (дата обращения: 25.03.2025).

[291] Что думают учителя и родители о новых образовательных стандартах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2021/10/25/chto-dumaiut-uchitelia-i-roditeli-o-novyh-obrazovatelnyh-standartah.html (дата обращения: 25.03.2025).

профессиональных педагогических изданиях[292]. Проблема получила значительный общественный отклик в цифровой среде, получила свыше 1,2 тыс. комментариев в официальных группах Минпросвещения, 5 тыс. сообщений на педагогических форумах, около 150 публичных обращений от профессиональных сообществ[293].

Проведённый эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды показал, что технологическая модернизация и институциональные новации в образовании не могут быть реализованы без соответствующих коммуникационных каналов. Цифровые медиа в этом контексте выступают не только инфраструктурой трансляции информации, но и пространством формирования доверия к образовательным инициативам, обеспечивая прозрачность и обратную связь. Именно поэтому особое значение приобретает анализ коммуникационных практик Министерства просвещения РФ, которое играет роль ключевого координатора в сфере отраслевой политики.

Рассмотрение официального сайта, Telegram-канала и аккаунта ведомства в социальных сетях позволяет выявить специфику взаимодействия с различными аудиториями, оценить масштабы охвата и уровень вовлечённости.

Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации (edu.gov.ru) выступает центральным инструментом цифровых коммуникаций ведомства и важным элементом институционализации цифровых медиа в сфере образовательной политики[294]. Его структура отражает ключевые функции государственного органа: в разделе «Новости» публикуются актуальные сообщения о федеральных проектах и законодательных инициативах; блок «Документы» обеспечивает прозрачность за счёт размещения приказов, распоряжений и методических материалов; отдельное внимание уделяется федеральным программам в рамках национального проекта «Молодёжь и дети», «Государство для людей». Сайт интегрирован в цифровую экосистему государственного управления: реализована

---

[292] Мониторинг соцсетей и СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

[293] Там же.

[294] Министерство Просвещения РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/?ysclid=mgo6kwftxy665363473 (дата обращения: 25.03.2025).

система обращений граждан, есть переходы на портал «Госуслуги» и федеральные образовательные проекты («Профессионалитет») и программы («Большая перемена», «Земский учитель» и др.). Таким образом, сайт выполняет три основные функции:

1. информационную — формирует официальную повестку и транслирует управленческие решения. При этом сайт функционирует преимущественно как инструмент вертикальной коммуникации «сверху вниз». Основной контент включает официальные документы, пресс-релизы, выступления руководства, нормативно-правовые акты и отчёты о деятельности ведомства;

2. коммуникативную — предоставляет каналы обратной связи с гражданами и образовательным сообществом. Несмотря на наличие форм обратной связи («Горячая линия Минпросвещения России по подбору педагогов»), интерактивные элементы, способствующие диалогу с аудиторией, (например, комментирование новостей), отсутствуют. Есть интеграция с социальными сетями (Telegram, VK, OK, RUTUBE, Дзен) ограничивается републикацией контента без обеспечения двустороннего взаимодействия на самой платформе;

3. интеграционную — соединяет ведомство с другими цифровыми сервисами государства. При этом каналы обратной связи интегрированы с «Госуслугами» («Мое будущее, мой выбор», «Сообщите о проблеме и оцените ее результат решения»)

Сайт преимущественно реализует модель информационной трансляции, характерную для большинства российских ФОИВ, и не в полной мере использует потенциал цифровых медиа как среды для горизонтальной коммуникации и вовлечения граждан. Он соответствует принципам «открытого правительства» за счёт структурированного предоставления публичной информации. Цифровые медиа выступают здесь как инструмент повышения подотчётности государственного органа и расширения возможностей общественного контроля. В целом, контент-стратегия сайта направлена на продвижение приоритетов государственной политики в сфере образования. При этом акцент делается на патриотическом воспитании, поддержки педагогических кадров, модернизация инфраструктуры образовательных

организаций и развитие цифровых компетенций. Использование мультимедийных форматов — фотографий, видеорепортажей, инфографики — способствует эмоциональному вовлечению целевых аудиторий (педагогов, родителей, студентов, региональных органов власти) и укреплению позитивного имиджа ведомства. Т.е. цифровые медиа в данном контексте функционируют как инструмент стратегического управления общественным мнением и легитимации государственной политики.

Таким образом, официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации демонстрирует типичную модель использования цифровых медиа в деятельности ФОИВ, решая задачи информационной открытости, административного взаимодействия и продвижения государственной повестки. Вместе с тем, потенциал цифровых медиа как среды для диалога, краудсорсинга и гражданского участия остаётся недостаточно реализованным.

Несмотря на значимость сайта как официального ресурса, его воздействие ограничивается низким уровнем вовлечённости пользователей по сравнению с социальными сетями и Telegram-каналом министерства.

Официальная группа Министерства просвещения Российской Федерации во «VK»[295], насчитывающая на октябрь 2025 г. 609 519 подписчиков, представляет собой один из наиболее ярких примеров использования социальных сетей в коммуникационной политике федеральных органов исполнительной власти. Для государственного ведомственного аккаунта данная численность аудитории является высокой, что подтверждает значимость площадки как канала информирования и мобилизации. Показатель вовлечённости (Engagement Rate, ER), составляющий 4,38%, демонстрирует уровень выше среднего для пабликов подобного масштаба и официального характера. Среднее количество взаимодействий на пост достигает 345,6, что свидетельствует о регулярной работе с контентом и устойчивом интересе аудитории. При этом соотношение лайков, репостов и комментариев (60 308 / 11

[295] https://vk.com/minprosvet?from=groups

235 / 1 038)[296] соответствует модели «вертикальной коммуникации»: преобладание одобрительных реакций, умеренное распространение и относительно низкий уровень дискуссий.

Содержательный анализ контента позволяет выделить несколько ключевых направлений. Во-первых, информационно-новостная повестка. В сообществе регулярно публикуются сообщения об олимпиадах, отчёты о международных визитах руководства (визит министра Сергея Кравцова в Таджикистан 10.10.2025 г.), новости о запуске новых проектов («Госпитальная школа» в Бурятии). Такие материалы обеспечивают устойчивый охват на уровне 6–18 тыс. просмотров, что указывает на востребованность данного типа информации.

Во-вторых, важнейшей задачей паблика выступает реализация идеологической и воспитательной работы. Активно транслируются связанные с патриотическим и воспитанием материалы (посты о выставке «Наши» с портретами героев СВО, информация об оформлении школ в ЛНР и т.д.) Данный контент показывает относительно высокую вовлечённость (свыше 200 лайков), фиксируя интерес и эмоциональный отклик аудитории. Важное место занимают материалы историко-политического характера, например, сообщения об олимпиаде по истории России для иностранцев или конкурсах эссе к 80-летию Победы. Это свидетельствует о системном использовании сообщества как инструмента воспитания и формирования ценностей.

Третьим направлением является непосредственно коммуникация, и здесь мы замечаем, что официальная группа выполняет роль своеобразной «приемной», а обратная связь носит преимущественно односторонний характер. В комментариях пользователи задают вопросы, касающиеся заработной платы педагогов, участия регионов в конкурсах или работы отдельных инициатив. Однако редкие ответы администрации паблика характеризуют взаимодействие как

---

[296] TargetHunter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://casecollector.ru/tools/smm_tools/target-hunter-polnyj-algoritm-sbora-cza-v-vkontakte/ (дата обращения: 25.03.2025).

формализованное. Более того, отдельные жалобы на удаление комментариев указывают на характерную для официальных каналов практику модерации.

Четвертым направлением является образовательная и просветительская деятельность паблика. Так, в группе размещались материалы о профессии «архитектор человеческого тела» (протезист), анонсы образовательных курсов Росмолодёжи и трансляции лучших педагогических практик через конкурсы («Учитель года»). Подобные публикации создают имидж ФОИВ как источника знаний и инноваций.

Наконец, паблик выполняет рекрутингово-организационную функцию. Здесь регулярно появляются сообщения о конкурсах для учителей в Севастополе, инициативах для образовательных журналистов («ПРО Образование»), призывы номинировать педагогов на региональные конкурсы. Показательно, что пост о вакансиях в Севастополе вызвал очень высокий отклик (28 репостов при охвате 7,9 тыс.), что демонстрирует эффективность социальной сети в кадровой политике.

Анализ аудитории подтверждает наличие ядра лояльных пользователей, активно поддерживающих публикации, формирующих позитивный информационный фон. Вместе с тем фиксируются и критические высказывания о проблемах зарплат, кадрового дефицита или региональных ограничений. Подобные комментарии могут рассматриваться как индикаторы «болевых точек» системы образования. Визуальное оформление публикаций — использование эмодзи, рубрик (#Новости_МП, #Международное Сотрудничество), видео и изображений — делает официальный контент более адаптированным к форматам цифровых медиа.

Официальная группа Министерства просвещения РФ во «VK» является примером использования социальных сетей как цифровых медиа в системе ФОИВ. Анализ группы посредством сервиса TargetHunter обнаружил ее показатели выше средней вовлечённости большинства других каналов ФОИВ, но значительно ниже показателей ведущих новостных медиа. В целом, это отражает сложившуюся тенденцию: социальные сети ведомств выполняют формальное присутствие и обеспечивают преимущественно информационно-просветительскую функцию, органично вовлекают граждан в процессы обсуждения социально-политических вопросов. При этом очевиден разрыв между масштабами институционального

охвата и аудиторией отдельных цифровых площадок. Например, ФОИВ курирует нацпроект «Молодежь и дети». Заместитель Председателя Правительства РФ Дмитрий Чернышенко 18 марта 2025 г. отметил, что «Национальный проект «Молодёжь и дети» охватывает огромную аудиторию. Это свыше 50 миллионов человек, или треть жителей нашей страны, а с учётом сопричастных и вовлечённых – родителей, педагогов и наставников – половина всех граждан»[297]. В сравнении с этими данными (к тому же данный проект не является единственным для ФОИВ), аудитория ведомственного аккаунта во VK (немногим более 600 тыс. человек) выглядит локализованной и ограниченной.

Проанализируем еще одну значимую площадку в цифровой среде Telegram-канал Министерства просвещения Российской Федерации[298]. Этот значимый элемент цифровой медиасистемы ведомства отличается от паблика VK по охвату аудитории и по характеру коммуникации. При общей численности подписчиков 78,5 тыс. (на 13 октября 2025 г.) канал имеет значительно меньший охват по сравнению с группой во VK (609 тыс.), что соответствует общей тенденции развития Telegram и сегментированию аудитории. При этом средний охват публикации составляет 14270 просмотров, что эквивалентно 19% от числа подписчиков и демонстрирует исключительно высокий показатель[299]. Несмотря на относительно низкий формальный показатель вовлечённости (0,55%), для Telegram ключевыми метриками являются просмотры и пересылки, которых в среднем около 44 на публикацию, что подтверждает высокий уровень релевантности контента для аудитории.

Функционально канал воспроизводит основные задачи цифровых медиа ФОИВ, адаптированные к специфике платформы:

1) Информационная функция обеспечивает быстрый доступ к ключевым новостям образовательной сферы. Примером являются дайджесты

---

[297] Дмитрий Чернышенко обсудил с депутатами Государственной Думы национальный проект «Молодёжь и дети» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://government.ru/news/54531/ (дата обращения: 25.03.2025).

[298] Министерство Просвещения России. Официальный канал в Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/minprosrf (дата обращения: 25.03.2025).

[299]TGStat: Каталог Telegram-каналов и чатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

«Педагогические новости о событиях и достижениях» и «Гордимся каждым», агрегирующие материалы о работе региональных ведомств и педагогических вузов. Удобным инструментом профессиональной навигации является формат коротких анонсов со ссылками.

2) Идеологическая и воспитательная функция отличается от VK, где акцент на визуализацию и эмоциональные посылы, Telegram транслирует более фактологический и сдержанный материал. Примеры включают публикации о международной олимпиаде по истории, открытии военно-спортивного центра в УрГПУ, проекте «Без срока давности», а также официальные заявления (например, совместное обращение В. Путина и Э. Рахмона). При этом акцент на достижениях является важной трендовой составляющей современного патриотического воспитания[300].

3) Коммуникационная функция в отсутствие формата прямого диалога через комментарии, делает его односторонним инструментом вещания. Обратная связь реализуется через опросы на сторонних платформах (например, опрос о детском отдыхе на портале «Госуслуги») и кампании в других социальных сетях (#МойУчительМойЗащитник).

4) Сервисная и навигационная функция выражена сильнее, чем во VK: пользователям предлагаются подборки полезных ресурсов («Забирайте эту папку»), инструкции по участию в конкурсах, анонсы интеграции цифровых сервисов (например, «Сферум» в MAX). Это делает канал удобным профессиональным инструментом.

Особенность Telegram-канала заключается в его чётком позиционировании: при меньшей численности аудитории он обеспечивает высокое качество охвата и служит профессиональным медиа для педагогов, администраторов и специалистов образовательной сферы. Топовые посты достигают охвата в 200 тыс. просмотров (например, публикации

[300] Гончарова И.В. Чувардин Г.С. Военно-патриотическое воспитание молодежи в СССР накануне Великой Отечественной войны: уроки для информационных войн XX века // Исторический код России: железом и верой. Материалы межрегиональной научной конференции, посвящённой 80-летию Великой Победы. – Орёл, 2025. – С. 19-24.

с подборками образовательных ресурсов), что свидетельствует об активном распространении информации внутри профессиональных сообществ.

Таким образом, Telegram-канал Министерства просвещения выполняет самостоятельную роль в медиасистеме ФОИВ, чья эффективность определяется целевой релевантностью контента и адресной коммуникации в образовательном сообществе.

Чтобы оценить роль данного канала как цифрового инструмента Министерства просвещения, его необходимо сравнить с другими каналами ФОИВ, в частности, возьмем «лидеров» Telegram -коммуникации среди ФОИВ, выявленных в предыдущей главе (Таблица 7).

Таблица 7 – Сравнительный анализ Telegram-каналов ФОИВ[301]

Ведомство	Подписчики	Средний охват	% читателей (от подписчиков)	Индекс цитирования	ERR (вовлеченность)
Минпросвещения	78 503	14 270	19%	2 174	0.55%
Минобороны	642 400	69 623	11%	9 569	2.59%
Минцифры	254 043	106 354	42%	2 675	1.39%

Сравнительный анализ Telegram-каналов Минобороны, Минцифры и Минпросвещения (на октябрь 2025 г.) демонстрирует значительные различия в масштабах и вовлеченности аудитории. Лидером по числу подписчиков, как и в марте, остаётся Министерство обороны (642 тыс.), что в восемь раз превышает аудиторию канала Минпросвещения (78 тыс.) и в два с половиной раза — Минцифры (254 тыс.). При этом Минпросвещения ориентируется на более целевую аудиторию профессионального сообщества, что определяет специфику его контента.

По относительным охватам абсолютным лидером выступает Минцифры. 42% чтения публикаций – это высокий показатель для аудитории. Минпросвещения демонстрирует более скромный результат — 19%, но для профессионального образовательного канала (которым, по сути, он является) этот хороший показатель.

[301] По данным на 13.10.2025. Анализ проводился автором с помощью сервиса https://tgstat.ru/

Минобороны, несмотря на большую численность подписчиков, имеет лишь 11% вовлечённой аудитории, что свидетельствует о ситуативном характере спроса на контент.

Уровень вовлечённости (ER) также демонстрирует специфику контента. У Минобороны показатель самый высокий (2,59%), что объясняется резонансной тематикой на фоне геополитической ситуации и высокой эмоциональной реакцией аудитории. Минцифры показывает 1,39% — результат выше среднего для официальных каналов. У Минпросвещения ER ниже (0,55%). По индексу цитирования лидером вновь выступает Минобороны (9569), что отражает его устойчивое присутствие в медиаповестке и значимость публикуемой информации. Минцифры (2675) и Минпросвещения (2174) демонстрируют схожие результаты: их материалы стабильно присутствуют в информационном пространстве, но не формируют столь мощного общественного резонанса.

Таким образом, Минобороны можно считать лидером по масштабу аудитории, цитируемости и уровню вовлечённости; Минцифры — по качественным показателям (читаемость и средний охват постов). Что касается Минпросвещения, то, обладая меньшей аудиторией и более низким ER, канал демонстрирует устойчивое читательское ядро. Это подтверждает значимость медиаресурса как профессионального ресурса в образовательной сфере.

На примере Министерства просвещения, рельефно видно, как реализовывается основная функция микроуровня - «замыкание обратной связи» между государственными структурами и обществом. Ее можно измерить такими метриками, как уровни цифровой вовлечённости (ER, комментарии, участие в опросах), интенсивность репликации информации (репосты, цитируемость), инициативность (самостоятельное формирование медиааудиторий). Так, Минпросвещения утвердило Приказ от 06.11.2024 № 779 (вступивший в силу с 01 марта 2025г), который кардинально меняет подход к документации педагогических работников, включая

классных руководителей[302]. Приказ получил огромный медиарезонанс в различных учительских сообществах. Так, в группе VK «Документы зам. директора по ВР, УВР +», где 84 тыс подписчиков, пост с информацией про приказ от 15 июля 2025 г. прочитали 53,6 тыс человек, оставили 17 комментариев, 439 лайков, сделали 1014 репостов[303]. Это в разы превышает среднестатистические показатели активности в сообществе. Так ведомственная коммуникация перешла в формат общественного анализа.

Подытоживая проведенный анализ социальных сетей изучаемого ФОИВ, можно сделать вывод, практика использования цифровых медиа Министерством просвещения РФ демонстрирует институционализацию цифровых коммуникаций как инструмента реализации образовательной политики. Официальный сайт, паблики в социальных сетях и Telegram-канал формируют единый цифровой контур, реализующий информационную, просветительскую и воспитательные задачи, а также создающий возможности обратной связи с целевой аудиторией.

Несмотря на ограниченный масштаб аудитории по сравнению с ведущими федеральными органами власти, каналы Министерства просвещения характеризуются высоким уровнем читаемости и вовлечённости профессионального сообщества. При этом слабая диалогичность и зависимость от централизованных проектов указывают на необходимость дальнейшего развития цифровых коммуникационных практик в сторону симметричного взаимодействия с обществом. Цифровые медиа Министерства просвещения выступают не только в качестве дополнительного канала информирования, а, в первую очередь, как элемент формирования образовательной повестки. Они становятся механизмом включения граждан в процессы отраслевого государственного управления.

Исследование практик интеграции и коммуникации цифровых медиа в деятельности федеральных органов исполнительной власти, проведенное во второй

---

[302] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 06.11.2024 № 779. Режим доступа:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412050007?ysclid=mhnbaylex1990287568 (дата обращения: 20.01.2025).

[303] Документы зам. директора по ВР, УВР + [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-215989433_9611 (дата обращения: 10.04.2025).

главе, позволяет выявить двойственную природу их влияния на государственное управление. С одной стороны, цифровые медиа становятся важным инструментом оперативного информирования, контроля и обратной связи, способствуя формированию открытого управленческого пространства. С другой стороны, их потенциал ограничен цифровым неравенством, фрагментацией информационных систем и институциональными барьерами.

На примере Министерства просвещения РФ видно, что цифровые медиа могут выполнять не только информационную, но и стратегическую функцию: они институционализируются как часть отраслевой политики, обеспечивая реализацию национальных проектов, поддержку образовательных платформ и продвижение ключевых ценностей. На примере внедрения ЦОС видны ограничения, характерные для цифровых медиа в системе государственного управления в целом. Речь идет о проблемах цифрового неравенства, формального взаимодействия и низкой вовлеченности граждан в обсуждение отраслевых инициатив, институциональные барьеры, выражающиеся в ограниченности участия родителей, педагогов и экспертов и кризисе доверия.

В итоге, цифровые медиа в деятельности ФОИВ выступают одновременно как инструмент модернизации государственного управления и как фактор, отражающий существующие ограничения институциональной среды. Их роль заключается не в полной замене традиционных каналов коммуникации, а в формировании устойчивой системы целенаправленного информирования и вовлечения граждан, что особенно заметно в сфере образовательной политики. Минпросвещения демонстрирует пример отраслевого ведомства, где цифровизация сочетается с институциональной инерцией, что отражает тенденцию интеграции цифровых медиа в государственное управление.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Оптимизации механизмов взаимодействия цифровых медиа и государственного управления

Данный параграф посвящен анализу возможных направлений оптимизации взаимодействия цифровых медиа и государственных институтов. В фокусе внимания находятся инструменты снижения цифрового неравенства, совершенствование государственных информационных систем, модели повышения прозрачности и доверия к официальным коммуникационным каналам. Проекты по развитию цифровой грамотности, цифрового волонтёрства и интеграции граждан в цифровые сервисы необходимо рассматривать как часть институциональной базы государственного управления. Особое внимание уделяется балансу между цифровой открытостью и контролем, поскольку именно этот аспект определяет устойчивость медиаполитики государства в условиях цифровой трансформации.

В обобщенном виде проблемы и ограничения влияния цифровых медиа на систему государственного управления можно разделить на 2 группы:

1) социальные ограничения, к которым относятся уровень цифровой грамотности и цифровое неравенство;

2) институциональные ограничения, к которым отнесем бюрократические барьеры, рост государственного контроля над медиа, снижающий доверие к официальным источникам и переходу аудитории в социальные сети.

Рассмотрим оптимизацию механизмов взаимодействия, исходя из данного структурирования барьеров взаимодействия. Одним из ограничителей, требующих оптимизации, является цифровое неравенство, которое проявляется в двух форматах: на уровне индивидуального доступа к технологиям и на уровне проникновения интернета в различные регионы. В последнее десятилетие предпринимаются

значительные усилия по созданию условий для равномерного вовлечения граждан в цифровую среду и расширению возможностей использования цифровых технологий. Но несмотря на общий рост интернет-доступности в России, цифровое неравенство остается острым вызовом. Главными его причинами в субъектах России исследователи называют экономические – стоимость подключения к сети и доходы населения[304]. Исследователи называют это «цифровой изоляцией»: население с низким уровнем цифровой грамотности и низким уровнем дохода ограничено в цифровом взаимодействии с государством[305]. Исходя из этого, оптимизирующим фактором выступает предоставление льгот социально-незащищенным слоям населения, либо создание условий, позволяющих удешевить оказание интернет-услуг.

Для преодоления цифрового неравенства на региональном уровне необходимы целевые программы развития инфраструктуры в отстающих регионах. В противном случае разрыв между цифровыми «центром» и «периферией» будет только увеличиваться**,** что может усилить социально-экономическое неравенство. В августе 2024 г. было анонсировано направленное на сокращение цифрового разрыва внедрение Минцифры России с 2025 г. типовых ИТ-решений в регионах с низким уровнем цифровизации[306]. В рамках инициативы планируется развернуть единую платформу с набором стандартизированных цифровых сервисов. Это позволит регионам оперативно внедрять современные технологические решения без необходимости самостоятельной разработки. Программа будет реализована в составе нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (с 2025- по 2030 гг.)**.** Основная задача — обеспечить равные условия цифрового развития для всех регионов страны. В его структуру вошел федеральный проект «Инфраструктура доступа

---

[304] Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 57–78.

[305] Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 33–73.

[306] В отстающих в цифровизации регионах будут внедрять типовые IT-решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://telecomdaily.ru/news/2024/08/13/v-otstayushchih-v-cifrovizacii-regionah-budut-vnedryat-tipovye-it-resheniya (дата обращения: 10.04.2025).

к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», направленный «на обеспечение на всей территории Российской Федерации возможности высокоскоростного широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием создаваемых спутниковых группировок»[307]. Ускорение цифровизации отстающих территорий за счёт тиражирования уже апробированных ИТ-решений является важным механизмов для преодоления социальных ограничений во взаимодействии цифровых масс-медиа и ФОИВ.

«Социальным ограничивающим фактором выступает отсутствие прогрессии цифровой грамотности. По результатам измерения уровня цифровой грамотности россиян аналитическим центром НАФИ, показатель общей цифровой грамотности остаётся высоким (71 п.п. из 100), но третий год не меняется»[308]. Гендерный аспект проблемы обнаруживает, что у 41% мужчин - продвинутый уровень цифровой грамотности, а у 74% женщин остается базовый уровень[309].

Преодоление цифрового неравенства должно решаться как комплексная проблема[310]. В первую очередь, за счет финансовой поддержки цифровой инклюзии. Это предполагает развитие программ повышения цифровой грамотности для населения и бизнеса в отстающих регионах, они служат условием доступности цифровых медиа как управленческих каналов. Важным моментом является подготовка и удержание цифровых кадров в регионах. Для этого необходимо не только обучение специалистов для цифровой экономики, но и создание стимулов для закрепления

---

[307] Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz1-infrastruktura-dostupa-k-informaczionno-telekommunikaczionnoj-seti-internet (дата обращения: 10.04.2025).

[308] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.С.151. doi: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-146-154

[309] Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/ (дата обращения: 10.04.2025).

[310] Шелудяков И.С., Лебедева (Красса) Е.Н. Цифровое неравенство в регионах России: проблемы и пути их преодоления // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 2. – С. 23–43.

кадров в регионах. Определенную роль может сыграть вовлечение системообразующих компаний, сотрудничество с крупными ИТ-корпорациями («Ростелеком», «Яндекс») для тиражирования цифровых решений. Наконец, важнейшим фактором является развитие цифровой инфраструктуры за счет расширения сетевых мощностей и внедрения современных технологий в отстающих регионах.

У 43% россиян, по сведениям на 2022 г. остается низкий уровень владения цифровыми навыками[311]. Решением проблемы должны стать образовательные программы дополнительного образования как на базе системы СПО, так и на базе ВО. Позитивной практикой является и цифровое волонтерство. «Например, партия «Единая Россия» 1 сентября 2023 г. запустила федеральный проект «Цифровые волонтёры»[312], направленный на приобщение школьников и студентов к решению задач в области IT-компетенций. Он также преследует цель повышение уровня грамотности и информационной безопасности населения»[313]. К началу 2024 г. цифровыми волонтерами, согласно информации на сайте, стали 2 тыс. человек.

Подобные инициативы существуют и в других странах, но чаще они реализуются не партиями, а НКО, государственными учреждениями и технологическими компаниями. В США существует альянс НКО и корпораций (Microsoft, Google), обучающий цифровым навыкам уязвимые группы - Digital US Coalition. Указанная национальная коалиция ставит цель привить всем жителям США «необходимые технологические навыки и цифровую устойчивость для успешной работы и жизни»[314]. Для выпускников школ, интересующихся информационными технологиями и желающих стать волонтерами, открыта программа AmeriCorps Digital Service Fellows (DSF)[315]. Главными направлениями деятельности данных

---

[311] Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с.

[312] Цифровые волонтеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://volonteronline.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

[313] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[314] World Education [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://worlded.org/ (дата обращения: 12.04.2025).

[315] AmeriCorps Digital Service Fellows [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://utp-philly.org/digital-service-fellows/ (дата обращения: 12.04.2025).

организаций США является обучение пожилых и малоимущих работе с интернетом, а также поддержка цифровизации школ в бедных районах.

В Брюсселе в 2016 г. создана коалиция для ликвидации цифрового разрыва Digital Skills and Jobs Coalition [316]. Данная инициатива Европейского союза, которая объединяет государства-члены, компании, социальных партнёров, некоммерческие организации и образовательные учреждения для ликвидации цифрового разрыва в Европе. Основными направлениями деятельности являются организация образовательных курсов по кибербезопасности, госуслугам и помощь малым бизнесам в цифровизации.

В Европейском Союзе добровольческие цифровые инициативы развиваются в рамках стратегий цифровой инклюзии и устойчивого развития. Основные форматы цифрового волонтёрства в Европейском Союзе, опыт которых мог быть интересен в контексте рассматриваемой темы, включают 2 аспекта:

1) Обучение цифровой грамотности пожилых людей, мигрантов и беженцев, жителей сельских и депрессивных регионов (например, Digital Champions (Италия) – волонтёры обучают основам интернета, онлайн-платежам и госуслугам[317], DigiTandem (Германия) – менторство для людей с инвалидностью[318]).

2) Кибербезопасность и борьба с дезинформацией. EU Cyber Volunteers проводит обучение защите от мошенничества[319]. Фонд киберволонтёров (Fundación Cibervoluntarios) в Испании организует бесплатные образовательные курсы по технологиям и цифровым инструментам для разных уровней пользователей[320].

---

[316] Digital Skills and Jobs Coalition [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eitci.org/digital-skills-and-jobs-coalition (дата обращения: 12.04.2025).

[317] Digital Champions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.digitalchampions.it/ (дата обращения: 12.04.2025).

[318] DigiTandem. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ehrenamt-bochum.de/unsere-projekte/digitandem-inklusiv/ (дата обращения: 12.04.2025).

[319] Cyber Volunteers [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cibervoluntarios.org/en/volunteering (дата обращения: 12.04.2025).

[320] Фонд Cibervoluntarios [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://euagenda.eu/organisers/fundacion-cibervoluntarios (дата обращения: 12.04.2025).

Финансирование проектов осуществляется грантами ЕС (программы Digital Europe и Horizon Europe, посредством корпоративного участия (Telecom, SAP, Google спонсируют обучение волонтёров) или господдержку. Например, в Финляндии запущена Национальной библиотекой Финляндии программа Digitalkoot («цифровые волонтёры») для оцифровки исторического наследия страны[321].

Приведенные американские и европейские волонтерские проекты отличаются тем, что в качестве целевой аудитории помощи выступают, как правило, мигранты, безработные и инвалиды. В фокусе внимания, в первую очередь, находится медиаграмотность. Развита система грантовой поддержки цифрового волонтерства, при этом проекты курируются государственными институтами, НКО и частными корпорациями, а не партийными организациями. Вместе с тем, отсутствие политической ангажированности приводит к низкому уровню мотивации, а отсутствие координирующего центра оборачивается разрозненностью инициатив.

Таким образом, в ЕС цифровое волонтерство более децентрализовано и социально ориентировано, тогда как в России оно носит централизованный характер, поддерживается государством, встраивается в систему обратной связи государства и общества, усиливая институциональную легитимность цифровых медиа ФОИВ.

Несмотря на то, что «Цифровые волонтёры» реализуется под эгидой партии «Единая Россия», проект развивается в системе государственно-партийной модели, существует значительная возможность для его масштабирования и улучшения посредством переноса успешного опыта российских волонтёрских инициатив.

Одним из таких проектов является инициатива «Волонтёры-медики», организованная Министерством здравоохранения и автономной некоммерческой организацией «Волонтёры-медики»[322]. Он охватывает 89 регионов страны и объединяет около 160 тысяч участников, имеет свыше 5500 партнеров. Проект обеспечивается системной подготовкой кадров, включающей в себя образовательную программу и

---

[321] Digitalkoot [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nlb.by/content/news/library-news/pervaya-v-evrope-elektronnaya-programma-po-otsifrovke-arkhivov-na-osnove-kraud-sorsinga_3229/?ysclid=m92xjb3wc824562415 (дата обращения: 12.04.2025).

[322] Волонтеры-медики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://волонтеры-медики.рф/ (дата обращения: 10.04.2025).

сертифицированные курсы[323]. В рамках «Цифровых волонтёров» следует обратить внимание на возможность создания аналогичной образовательной базы, направленной на различные целевые группы населения. Поскольку самый низкий уровень владения цифровыми навыками в большей степени присущ гражданам в возрастной категории до 24 лет и от 55 и старше, то в этой связи представляется целесообразным создание аналогичных организаций, ориентированных на повышение цифровой грамотности среди граждан старшего поколения (в категории до 24 лет эти функции могут выполнять образовательные организации)[324].

Другим успешным проектом, организованным при поддержке Росмолодёжи и партии «Единая Россия» является «Волонтёры Победы»[325]. Он объединил около 1 млн. участников в 89 регионах, сосредоточив внимание на работе с ветеранами и историческими проектами. Пример успешной мотивационной системы (дополнительные баллы при поступлении в вузы, предоставление грантов), также может быть внедрен в платформу «Цифровых волонтёров».

«Лига добровольческих отрядов»[326], основной проект по формированию инфраструктуры школьного добровольчества, демонстрирует гибкость и адаптивность к различным социальным задачам, включая экологические инициативы и социальную помощь. Актуальным становится применение практики децентрализованной модели, при которой регионы смогут создавать свои локальные цифровые отряды, нацеленные на решение конкретных задач, например, помощь фермерам в работе с маркетплейсами.

Основные направления развития цифрового волонтёрства целесообразно увязать с созданием соответствующей инфраструктуры. Например, запуск образовательной онлайн-платформы, аналогичной проекту «Волонтёры-медики», где

---

[323] Обучение первой помощи и сопровождение мероприятий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://old.волонтеры-медики.рф/directions/pomoshh-v-meditsinskom-soprovozhdenii-meropriyatiy-2/ (дата обращения: 10.04.2025).

[324] Опубликованы результаты уровня цифровой грамотности россиян. Режим доступа6 https://russian.rt.com/russia/news/1427475-rossiyane-cifrovaya-gramotnost

[325] Волонтеры Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://волонтёрыпобеды.рф/ (дата обращения: 10.04.2025).

[326] Проект «Лига добровольческих отрядов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dobro.ru/project/10028074 (дата обращения: 10.04.2025).

Минцифры предложит сертифицированные курсы по цифровой грамотности. Дополнительным стимулом для участия станет система бонусов (дополнительные баллы при поступлении в вузы), возможность прохождения стажировок в IT-компаниях. Не менее значимой мерой выступает формирование сети региональных представительств по образцу «Лиги добровольческих отрядов». Сеть позволит компенсировать существующее цифровое неравенство. При этом важно минимизировать уровень политизации цифрового волонтёрства и сосредоточиться на практическом взаимодействии с обществом — от школьников и студентов до представителей старшего поколения. Такой подход позволит проекту расширить аудиторию, а главное, стать инструментом преодоления цифрового разрыва, укрепляя доверие к государственным инициативам.

Дополнительные перспективы появятся, если встроить цифровое волонтёрство в контекст национального проекта «Молодёжь и дети». Тогда оно включается в задачи по формированию цифровой культуры, развитию медиаграмотности и обеспечению равного доступа к образовательным и социальным возможностям для детей и молодёжи по всей стране. Индикаторами эффективности цифрового волонтёрства могут выступать:

1. количественные показатели участия;
2. показатели вовлечённости и активности (посещаемость онлайн-курсов, выполнение практических заданий, доля участников, получивших дополнительные баллы к ЕГЭ);
3. образовательный результат (уровень цифровой грамотности участников, доля граждан, использующих цифровые сервисы после обучения);
4. социальный эффект (снижение уровня цифрового неравенства между регионами, рост доверия к государственным цифровым инициативам);
5. институциональная устойчивость (партнерство с образовательными организациями, интеграция в национальные проекты).

В научном сообществе активно обсуждается вопрос электронной демократии как инструмента, «который обеспечивает активное участие граждан, прозрачность процессов и репрезентативность принимаемых решений», отмечая при этом

необходимость «точной настройки правовых механизмов, чтобы обеспечить полноту и гибкость выражения народной воли и сочетание с традиционной демократией»[327].

Обращаясь к зарубежным практикам, можно отметить китайский опыт запуска правительственных WeChat-аккаунтов 2023 г. [328]. Граждане отправляют через популярный мессенджер жалобы и предложения, которые автоматически обрабатываются с помощью технологий искусственного интеллекта и направляются в соответствующие ведомства. В структуре российских цифровых масс-медиа возможна аналогичная интеграция «Госуслуг» с VK и национальным мессенджером.

Также необходимо усиление обратной связи и прозрачности. Как подчеркивает Х. А. Гаджиев, «развитие компонентов обратной вязи – важнейшая составляющая современного политического процесса и имеет весомый потенциал для политической системы и общества»[329]. Исследователь в качестве необходимых условий выделяет 3 компонента: «высокая степень интереса граждан к политике», «постоянная высокая политическая активность граждан», «высокий уровень самоорганизации общества»[330]. При этом раскрытие этих компонентов опосредуется цифровизацией.

«Повысить доверие населения могут стандартизация и ускорение ответов государственных органов с введением ключевых показателей эффективности (KPI) по срокам обработки обращений. Применение предиктивной аналитики для прогнозирования общественных запросов и реакция на них в реальном времени позволит государственным органам оперативно реагировать на изменения общественного

---

[327] Лолаева А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2025. – Т. 52, № 1. – С. 19–29.

[328] Официально запущен публичный аккаунт… [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://russian.beijing.gov.cn/latest/news/202309/t20230904_3247024.html (дата обращения: 10.04.2025).

[329] Гаджиев Х.А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. — 2021. — Том 27, № 1. — С. 8–20.- С. 17.

[330] Там же.

мнения»[331]. Для обработки обращений, включая автоматизацию рутинных ответов, необходимо внедрение технологий искусственного интеллекта[332].

Дж. Бертот, П. Д. Джегер и Д. Хансен исследуют природу влияния государственных политик на использование социальных медиа учреждениями. Авторы акцентируют внимание на необходимости интеграции API для повышения эффективности взаимодействия. Они подчеркивают важность разработки четких стратегий и политик, которые бы руководили госорганизациями в использовании социальных медиа для повышения уровня вовлеченности граждан[333]. И. Линдгрен и Г. Янссон предлагают концептуальную модель интеграции цифровых сервисов, исследуя различные аспекты внедрения электронных сервисов, включая медиааналитику, на примере Швеции[334]. Б. Вирц и С. Биркмейер анализируют роль открытых данных в процессе государственного управления, рассматривая кейсы Германии и других стран ЕС. Авторы утверждают, что доступ к открытому правительству является основой для укрепления демократических институтов, кроме того, подход стимулирует инновации в государственном секторе[335].

Таким образом, интеграция данных и медианалитики в госуправлении в зарубежных исследованиях имеет ключевое значение для достижения более высокого уровня прозрачности, вовлеченности и эффективность государственного сектора.

Развитие API для подключения СМИ и соцсетей находит отражение в зарубежных и отечественных исследованиях. М. Янссена и А. Зуидервейк фокусируются на анализе и сравнении инициатив открытых данных, применяемых в

---

[331] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[332] Кузьмина А.О., Минина А.Н., Зюськин А.А. Внедрение новых технологий для повышения эффективности и прозрачности государственного управления в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2025. – №2. – С. 49–52.

[333] Bertot, J. C., Jaeger, P. T., & Hansen, D. The impact of polices on government social media usage: Issues, challenges, and recommendations // Government Information Quarterly. – 2012. – 29(1). – P. 30–40.

[334] Lindgren, I., & Jansson, G. Electronic services in the public sector: A conceptual framework // Government Information Quarterly. – 2013. – 30(2). – P. 163–172..

[335] Wirtz, B. W., & Birkmeyer, S. Open Government: Origin, Development, and Conceptual Perspectives // International Journal of Public Administration. – 2015. – 38(5). – P. 381–396.

Европейском Союзе и США, подчеркивая значимость API как способа доступа к открытым данным и облегчения взаимодействия между государственными структурами и гражданами[336]. М. Кассен исследует использование API в государственных платформах в США[337]. Т.е. развитие API для подключения СМИ и социальных сетей играет важную роль в формировании более открытого и доступного для граждан сектора государственного управления.

Развитие API для подключения СМИ и соцсетей к госплатформам заключается в создании открытых программных интерфейсов, которые позволяют:

– автоматизировать публикацию госданных в СМИ;

– обеспечивать верифицированный доступ журналистов к открытым данным;

– создавать чат-боты для взаимодействия граждан с госорганами через Telegram/VK.

Для этого необходимо:

– разработать стандартизированные API для СМИ (например, доступ к данным Росстата);

– определить круг СМИ (например, ТАСС, РИА Новости);

– установить партнерство с медиахолдингами «Всероссийская государственная телерадиокомпания», «РБК», «Коммерсант» и др.);

– интегрировать с VK, Telegram для автоматических уведомлений граждан.

«Оптимизация развития цифровой инфраструктуры будет эффективна только в комплексе с реформой институциональных практик. Согласно выявленным институциональным барьерам, она должна обеспечивать баланс между контролем и открытостью по следующим направлениям:

1) снижение бюрократических барьеров;

---

[336] Janssen, M., & Zuiderwijk, A. Open data platforms: A framework for analyzing and comparing open government data initiatives // International Journal of Electronic Government Research. – 2014. – 10(3). – P. 1–18.

[337] Kassen, M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project // Government Information Quarterly. – 2013. – 30(4). – P. 508–513.

2) внедрение прозрачных алгоритмов модерации на государственных платформах;

3) развитие ведомственных Telegram-каналов как альтернативных каналов коммуникации;

4) создание площадок для диалога между госорганами, СМИ и экспертами (например, регулярные онлайн-дебаты по ключевым вопросам).

Исследуя цифровую трансформацию взаимодействия власти и общества на региональном уровне, А. В. Соколов и Е. А. Исаева обнаружили ряд тенденций, которые во многом раскрывают причины бюрократических барьеров цифровизации»[338]. В частности, рутинизацию цифровых инструментов, которые перестали восприниматься как инновация, что привело к снижению ожиданий от них значительных изменений во взаимодействии власти и общества. Это порождает скептицизм чиновников и снижение интереса граждан, как следствие - недоверие к онлайн-активности и падение популярности цифровых форм выражения гражданской позиции. Цифровизация не изменила суть взаимодействия между властью и обществом: сохранились старые установки и взаимное восприятие, при этом стали очевидны риски и конфликтогенность цифровых инструментов**.** Ситуация усугубляется разрозненностью цифровой инфраструктуры, отсутствием единой экосистемы. Цифровые каналы используются ограниченно, формально, нет кроссплатформенного взаимодействия между государственными структурами, которые игнорируют площадки партнеров отдавая предпочтение своим ресурсам.

«Во взаимоотношениях органов власти и граждан на муниципальном уровне личный контакт остается предпочтительным цифровых сервисов. Остро ощущается недостаток культуры публичности: слабая связность цифровых элементов и отсутствие системного подхода к их использованию»[339]. Исходя из этого, следует согласиться с тем, что «изменения во взаимоотношениях возможны не столько благодаря изменению инструментов взаимодействия, сколько благодаря изменению

---

[338] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.
[339] Там же.

отношения друг к другу, базовых ценностей у каждой из сторон взаимодействия»[340].

«Краеугольным камнем» для снижения бюрократических барьеров является новая культура деятельности должностных лиц, ответственных за внедрение цифровизации в систему государственного управления. «Установленные методы работы и внутренняя культура могут стать серьезным препятствием при разработке законов и политики открытой трансформации государственного управления. Государственные служащие, привыкшие работать в условиях секретности, иногда с устоявшейся практикой работы, которая не выдерживает общественного контроля, вряд ли найдут переход к более прозрачной системе легким» [341]. А. А. Лихтин полагает, что им необходимо разъяснение преимуществ цифровизации, ведь «компетенции государственных служащих на всех уровнях власти являются объединяющим элементом, генеративным фактором реализации и макроинституциональных, и микроинституциональных, и технических условий трансформации государственного управления в эпоху цифровизации»[342].

Несмотря на то, что снижение бюрократических барьеров посредством цифровых сервисов, в первую очередь, подразумевает упрощение процедур взаимодействия граждан с государственными органами за счет цифровизации подачи обращений и автоматизации обработки запросов, для максимальной эффективности механизма требуется не только технологическая модернизация, но и изменение административной культуры.

«При анализе барьеров и ограничения взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в российском контексте прослеживается «управляемая цифровая открытость» - модель, при которой государство развивает цифровые сервисы (единые сервисы обратной связи, открытые данные, электронные

---

[340] Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 686–710.
[341] Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. – 2021. – № 4. – С. 18–26. - С. 23.
[342] Там же. С.24

обращения), но сохраняет контроль над доступом к информации и алгоритмами модерации»[343]. Эта система отвечает принципам «цифрового этатизма» [344].

«Для внедрения прозрачных алгоритмов модерации на государственных платформах необходим комплексный подход. Прежде всего, необходимы четкие и понятные правила модерации, что предполагает документально оформленные критерии допустимого контента. При этом нормативная база должна регулярно обновляться с учетом изменений в законодательстве и подвергаться публичному обсуждению с участием экспертов и граждан. Это позволит отражать текущее состояние правил и вовлекать общественность в процесс их формирования, что, в свою очередь, повышает степень доверия к механизмам модерации.

Вторым важным аспектом является внедрение смешанной системы модерации, которая объединяет автоматизированные и ручные методы фильтрации контента. Для первичной фильтрации может использоваться автоматизированная проверка, но спорные материалы должны подвергаться ручной проверке квалифицированными модераторами. Важно также создать систему обжалования решений с публичным объяснением причин.

Третий компонент касается обеспечения прозрачности процессов. Для этого необходимо публиковать регулярные отчеты о работе модерации, а также создать открытое API, которое позволит отслеживать статус контента. Внедрение системы уведомлений о причинах удаления или блокировки материалов также поспособствует повышению доверия. Использование искусственного интеллекта с возможностью аудита решений позволит не только повысить эффективность обработки запросов, но и обеспечить контроль за алгоритмами.

Неотъемлемой частью функционирования системы модерации являются контроль и отчетность. Регулярные аудиты работы системы, публичная отчетность о

---

[343] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[344] Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–113.

количестве удаленных материалов и независимая оценка эффективности механизмов создадут основу для адекватных ожиданий пользователей. При этом необходимо обеспечить соответствие законодательству о защите персональных данных и соблюдение принципов свободы информации. Четкое определение границ допустимого контента поможет избежать правовых конфликтов и недопонимания со стороны пользователей.

Создание механизмов обратной связи также является важным шагом в направлении улучшения модерации. Ввод службы поддержки для обращений пользователей, внедрение системы быстрого восстановления ошибочно удаленного контента и регулярные опросы о качестве работы модерации позволят сделать систему более адаптивной к нуждам общественности.

Важно также синхронизировать систему модерации с государственными сервисами, вплоть до взаимодействия с правоохранительными органами»[345]. Такой комплексный подход, нацеленный на защиту пользователей от нежелательного контента, сохранение баланса между свободой слова и необходимостью контроля, а также создание доверия граждан к государственным платформам, соответствует современным требованиям к прозрачности работы.

«Следующим направлением оптимизации взаимовлияния цифровых масс-медиа и государственного управления - развитие ведомственных Telegram-каналов как альтернативных каналов коммуникации»[346]. По мнению исследователей, «экосистема политических телеграм-каналов является ярким и самобытным феноменом, играющим важную роль в публичной политической коммуникации, в сопровождении политических процессов и управленческих решений и в формировании публичной повестки в современной России»[347].

---

[345]Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[346] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[347] Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – №1. – С. 111–144.

Анализ текущего состояния информационного присутствия ФОИВ в цифровом пространстве показывает, что необходимо сосредоточиться на повышении вовлечённости аудитории и расширении охвата каналов. Для каналов с низкой вовлечённостью, таких как Министерство иностранных дел и Министерство культуры, основным приоритетом должно стать добавление больше визуального контента. Использование видео и инфографики значительно усиливает восприятие информации. Визуальные форматы способны привлечь внимание пользователей, снизить информационную нагрузку и обеспечить более глубокое понимание обсуждаемых тем. Кроме того, вовлечение аудитории через опросы и обсуждения позволит инициировать диалог с подписчиками, а также и собрать ценные данные об их интересах и предпочтениях, что в будущем поможет в создании более актуального контента.

Что касается каналов с незначительной аудиторией, таких как Министерство юстиции и Министерство энергетики, важным шагом станет активное продвижение этих каналов через другие платформы. Использование сайтов ведомств, социальных сетей и других онлайн-ресурсов поможет привлечь новую аудиторию. Это также создаст возможность для кросс-промоции контента (продвижения на разных каналах), что может стимулировать рост вовлечённости и интереса со стороны пользователей.

Для всех ведомств актуальным остается мониторинг трендов на платформе Telegram. В частности, стоит обратить внимание на растущую популярность коротких видео и формат сторис. Эти форматы помогают удерживать внимание пользователей в условиях высококонкурентной информационной среды.

Наконец, регулярный анализ обратной связи, получаемый через комментарии и реакции, позволит ведомствам адаптировать свою стратегию контентного маркетинга.

Таким образом, для достижения успеха в цифровом пространстве министерствам и ведомствам следует активно развивать визуальный контент, использовать возможности межплатформенного продвижения, отслеживать современные тренды и прислушиваться к мнению своих подписчиков. Это не только усилит их

позиции в интернет-пространстве, но и повысит общее качество общения с населением.

В условиях цифровой трансформации публичной сферы приоритетным становится достижение баланса между принципом открытости коммуникаций и необходимостью институционального контроля за качеством и достоверностью информации. Решение этой задачи требует перехода от линейных моделей информирования к гибридным форматам публичной коммуникации, сочетающим элементы цифрового гражданства и экспертного взаимодействия. Одним из перспективных инструментов выступает институционализация открытых коммуникационных платформ — онлайн-дебатов, экспертных панелей и публичных консультаций. Они обеспечивают интеграцию государства, медиасообщества и академического сектора в единое пространство обсуждения, где формируются консенсусные решения и укрепляется цифровая культура управления.

«Регулярные онлайн-дебаты между чиновниками и журналистами, как считают исследователи, повышают качество освещения государственной повестки. Прямые эфиры с экспертами снижают уровень циркуляции фейков на 20–30%[348]. О.Г. Филатова обосновала влияние результатов обсуждений в цифровой публичной сфере на процесс принятия решений[349]. В ракурсе исследовательского внимания находятся возможности и преимущества онлайн-коммуникаций в социальных сетях, способствующих формированию новых структур публичной коммуникации»[350], где каждый участник может влиять на повестку дня, выражать своё мнение и инициировать общественные обсуждения[351]. Анализируя препятствия эффективному и равноправному онлайн-диалогу власти и общества, авторы называют ряд

---

[348] Корконосенко С. Г., Дунас Д. В. Государство и СМИ в цифровой среде: новые формы взаимодействия // Медиаскоп. – 2021. – №3. – С. 1–18.

[349] Филатова О.Г. Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11. – С. 180–192.

[350] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[351] Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30.

проблем, в том числе, ментальные и психологические барьеры населения[352]. Л.С. Панкратова рассматривает новую цифровую культуру общественно-политической дискуссии с использования ботов, а также социокультурным аспектам взаимодействия людей и цифровых помощников[353].

Подытоживая научные изыскания по данному вопросу, считаем, что во всех исследованиях просматривается прямая корреляция между политической онлайн-активностью и уровнем вовлечённости граждан в политический процесс[354].

Создание площадок для диалога позволяет сочетать прозрачность принятия решений с профессиональной верификацией контента, минимизируя риски дезинформации без применения жестких цензурных мер.

Наиболее перспективным представляется проведение смешанных (онлайн-офлайн) дебатов с обязательной трансляцией в социальных сетях. Данный формат обеспечивает широкий охват аудитории при сохранении содержательной глубины дискуссии[355]. Ключевыми темами для обсуждения могли бы быть кризисная коммуникация (освещение чрезвычайных ситуаций), противодействие дезинформации с акцентом на превентивные меры и т.д.

Для обеспечения интерактивности и подотчетности можно внедрить открытые чаты, позволяющие аудитории задавать вопросы в реальном времени и публиковать пост-дискуссионные материалы (экспертные заключения, источники) на единой цифровой платформе. Регулярное проведение таких мероприятий способствует снижению уровня поляризации в медиапространстве, формированию устойчивых каналов обратной связи между властью и обществом.

---

[352] Зябликов А.В., Максименко А.А., Ахунзянова Ф.Т., Зайцев А.В. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – №13(6). – С. 28–46.

[353] Панкратова Л. С. Культура общественно-политической интернет-дискуссии с использованием ботов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 11. – С. 53–58.

[354] Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. – 2025. – Т.19, №1. – С. 9–30.

[355] Корконосенко С. Г., Дунас Д. В. Государство и СМИ в цифровой среде: новые формы взаимодействия // Медиаскоп. – 2021. – №3. – С. 1–18.

Таким образом, институционализация экспертно-медийного диалога представляет собой компромиссную модель, позволяющую гармонизировать отношения между акторами информационного поля без ущерба для свободы слова или информационной безопасности. Дальнейшее развитие этого направления требует нормативного закрепления форматов взаимодействия и их интеграции в систему государственных коммуникаций.

«В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы, касающихся оптимизации механизмов взаимовлияния цифровых масс-медиа и государственного управления как сложного процесса, который требует комплексного подхода. Проблемы, возникающие в результате социального, технологического и институционального барьеров, существенно снижают эффективность обратной связи между обществом и властью, обостряя вопрос о необходимости изменений.

Социальные факторы, включая цифровое неравенство и низкий уровень медиаграмотности, требуют внимательного подхода. Преодоление этих препятствий должно осуществляться через комплексные меры: от финансовой поддержки программ цифровой инклюзии до активного вовлечения образовательных учреждений и волонтерских движений в процесс повышения грамотности. Анализ цифровой грамотности и волонтёрства является инструментальным уровнем, без которого цифровые медиа не могут выполнять институциональные функции в системе государственного управления**.** Основными направлениями оптимизации работы цифровых государственных сервисов обратной связи выступают повышение вовлеченности, усиление обратной связи и прозрачности, стимулирование гражданского участия, что отражает становление «электронной демократии».

Чтобы эти преобразования стали успешными, необходимо системное реформирование институциональных практик. Это подразумевает сбалансированную политику, которая учитывала бы как необходимость контроля за информационными потоками, так и важность цифровой открытости. Внедрение прозрачных алгоритмов модерации на государственных платформах и создание специализированных каналов для взаимодействия между государственными структурами и медиа

позволят снизить бюрократические барьеры, упростят взаимодействие граждан с ФОИВ»[356].

Таким образом, оптимизация механизмов взаимовлияния цифровых масс-медиа и государственного управления требует комплексного реформирования, которое должно включать в себя стратегические действия в социальной сфере для повышения медиаграмотности, технологические меры, направленные на интеграцию и развитие инфраструктуры, и институциональные реформы, направленные на создание более открытых и взаимодействующих государственных систем. Это позволит не только преодолеть существующие барьеры, но и достичь устойчивого развития медиаполитики в условиях цифровизации, задействовав весь потенциал цифровых технологий для развития государственного управления.

3.2. Практическая модель развития цифровых медиа в системе государственного управления в современной России

Совершенствование влияния цифровых медиа на государственное управление предполагает переход от модели «управляемой цифровой открытости» к формату цифрового соуправления, где цифровые коммуникации становятся не только каналом трансляции, но и механизмом коллективного принятия решений и обратной связи. В данном параграфе представлены направления совершенствования взаимодействия государства и общества в цифровой среде, структурированные по трёхуровневой модели: стратегическому (макро), ведомственному (мезо) и пользовательскому (микро) уровням. Такой подход позволяет связать действия государства, органов власти и граждан в единую управленческую цепочку.

На макроуровне цифровые медиа становятся инструментом:

---

[356] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

• формирования ценностной рамки и стратегических приоритетов;

• трансляции государственных проектов и национальных целей;

• утверждения медиасуверенитета и контроля за циркуляцией информации.

«На макроуровне ключевым направлением совершенствования является формирование стратегической медиаполитики государства, которая обеспечивает согласованность сигналов власти в цифровой среде, минимизирует информационные конфликты и формирует единую публичную повестку»[357]. Речь идёт о разработке нормативных стандартов медиакоммуникаций, регламентов присутствия высших органов власти в социальных сетях, а также использовании цифровой аналитики для оценки общественных настроений и корректировки политических решений.

Мезоуровень в данном исследовании представлен медиакоммуникациями федеральных органов исполнительной власти. Этот уровень описывает операционные механизмы влияния цифровых медиа на госуправление. Результаты анализа, проведенного во второй главе, показали, что государственные каналы в соцсетях становятся частью не только информационных, но и управленческих контуров, влияя на принятие решений. При этом, наблюдается существенная вариативность медиастратегий - от массово-идеологических (Минобороны) до профессионально-образовательных (Минпросвещения). Эффективность каналов зависит от регулярности публикаций, уровня интерактивности и привязки контента к целевой аудитории.

Поэтому предлагаются следующие механизмы совершенствования:

1. Стандартизация форматов публикаций ФОИВ (по визуальному оформлению, структуре и интерактивности).

2. Усиление аналитического блока — регулярный мониторинг ER, семантического анализа откликов.

3. Введение «диалоговых постов» и публичных сессий в формате «вопрос-ответ» в официальных каналах.

---

[357] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

Микроуровень цифровых коммуникаций затрагивает повседневные онлайн-практики граждан и их цифровое соучастие. На этом уровне цифровая среда рассматривается как пространство индивидуального участия, где граждане выступают одновременно и потребителями информации, и ее создателями, а также интерпретаторами.

Анализ показал, что важнейшими факторами в этом контуре являются медиаграмотность и доверие к государственным источникам, что и определяет механизмы совершенствования:

1. Развитие цифровой медиаграмотности через проект «Цифровое добровольчество»: молодёжные медиашколы, курсы на платформе Минцифры, включение цифрового волонтёрства в программу «Молодёжь и дети».

2. Расширение цифровых каналов обратной связи с гражданами, не только в формате опросов, но и общественных обсуждений, краудсорсинговых сервисов.

На основе анализа трёх уровней предлагается следующий логически выстроенный механизм оптимизации влияния цифровых медиа (Таблица 8):

Таблица 8 – Оптимизация влияния цифровых медиа

Уровень	Механизмы	Результат
Макро	Стратегическая медиаполитика, мониторинг, цифровое лидерство	Согласованность целей и медиарефлексии
Мезо	Стандартизация каналов, аналитика, интерактивность	Повышение эффективности ведомственных медиастратегий
Микро	Медиаобразование, вовлечённость, инклюзия	Рост цифрового гражданского участия

Предлагаемая модель предполагает переход от управляемой цифровой открытости к модели цифрового соуправления, в которой цифровые медиа выступают не только как трансляторы информации, но и как институциональные элементы принятия управленческих решений. Совершенствование должно носить системный характер и охватывать весь спектр взаимодействий — от национальных медианаративов до повседневных медиапрактик граждан.

«Социальные и институциональные барьеры взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в России формируют модель «управляемой цифровой открытости», где развитие цифровых сервисов сочетается с сохранением контроля над информационными потоками и алгоритмами модерации»[358]. Эта система соответствует логике «цифрового этатизма», предполагающего, что технологическая модернизация не подрывает, а укрепляет централизованное управление, но создает одностороннюю открытость, при которой государство задает рамки цифрового взаимодействия, порождая ряд противоречий. На практике баланс достигается через трёхконтурную модель: (а) открытые каналы информирования (официальные сайты, национальный мессенджер), (б) модерация по прозрачным правилам (публичный регламент и отчётность о скрытии/удалении контента), (в) площадки для управляемых обсуждений.

Согласно данным ВЦИОМ, для большинства граждан основным источником информации о деятельности федеральных органов исполнительной власти попрежнему остаются традиционные СМИ — телевидение и государственные новостные порталы. Тогда как у молодёжи наблюдается снижение доверия к этим каналам[359]. Межпоколенческий разрыв в восприятии работы ФОИВ формирует тот факт, что гораздо большую роль для молодых людей играют социальные сети и независимые медиа.

В последние годы усиливается государственный контроль над медиапространством: расширяются полномочия Роскомнадзора по ограничению доступа к сайтам и социальным сетям. Это ведёт к двойственному эффекту. С одной стороны, формируется унифицированный информационный нарратив, согласованный с официальной позицией. С другой, — возникает риск принятия управленческих решений на основе фрагментарной и неполной информации. В то же время очевидно, что не вся транслируемая цифровыми медиа информация, является достоверной. Верно

---

[358] Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

[359] Источники новостей и доверие СМИ. Режим доступа: https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi/ (признан иноагентом)

отмечает Э. Э. Шульц: «…фейк-ньюс становится структурным понятием в современных медиа, поэтому вопрос определения данного понятия несет в себе серьезные сложности»[360]. Эти сложности, в первую очередь, заключаются в формировании ложных суждений граждан, а по сути, искаженной деструктивной картины событий в обществе и мире.

В законодательстве РФ понятие «фейковые новости» содержится в законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[361]. Закон трактует их «как заведомо недостоверную общественно значимую информацию, которая распространяется под видом достоверных сообщений и создает определенную угрозу жизни или здоровью граждан, имуществу, общественному порядку и общественной безопасности»[362]. Сравнивая фейк с симулякром из концепции Бодрийяра, можно увидеть, что «симулякр приносит информационное удовлетворение одним и финансовые дивиденды другим в системе «медиа — потребитель». И это является повседневной жизнью современных медиа»[363].

Исследователи подтверждают, что в условиях цифровизации «проблема дезинформации приобретает системный характер, оказывая прямое воздействие на государственное управление»[364], при этом «снижает доверие к институтам и поляризирует общество»[365]. Механизмы ее влияния на государственное управление можно разделить на три группы.

---

[360] Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 262–273.

[361] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.12.2023).

[362]Евлоев А.М. Цифровые массмедиа и государственное управление: правовое регулирование и вызовы дезинформации // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8. – С. 71–78.

[363] Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 262–273. - С.268.

[364] Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3 (43). – Политология. – С. 98–101.

[365] Качкаева А.Г., Шомова С.А., Душакова И.С. Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2021. – Том 6, №2. – С. 5–32.

1) Информационно-психологические основаны на манипуляции общественным сознанием и формирование негативных эмоций к государственным институтам через мифы и деструктивные нарративы, что подрывает доверие и провоцирует социальный раскол.

2) Политико-технологические используют фейковые новости как инструмент информационных войн[366]: от искажения имиджа кандидатов и искусственной мобилизации электората до кибератак и вирусного распространения контента в соцсетях, особенно среди молодежи.

3) Институциональные проявляются в ответных мерах власти — ужесточении законодательства, перераспределении ресурсов на кибербезопасность, усилении контроля над информационным полем. При этом давление фейковых кампаний может вызывать кризис легитимности и корректировку политики. Несмотря на ограничивающие меры, дезинформация остается проблемой[367].

Примечательно, что идея цифрового контроля появляется одновременно с изучением процессов становления цифрового общества. Идея ограниченной цифровой реальности находит свое развитие в контексте анализа того, как цифровая эпоха формирует новые способы осуществления власти и контроля. Концепцию асимметричной цифровой открытости (М. Кастельс, А. Чадвик) углубляет Ш. Зубофф в своей работе «Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти»[368]. Она подчеркивает, что непрозрачность алгоритмов и методов работы как со стороны корпораций, так и со стороны государственных структур на самом деле служит целям контроля. Применительно к теме исследования можно утверждать следующее. Поскольку цифровая среда остается

---

[366] Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 19–31.

[367] Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2019. – № 2. – С. 37–45.

[368] Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; перевод с английского А. Ф. Васильева; под научной редакцией Я. Охонько, А. Смирнова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 781 с.

относительно новым пространством политической коммуникации, ограниченная открытость государственного управления выступает необходимой переходной стадией в развитии взаимодействия между властью и обществом. Данный подход позволяет избежать дисфункций, связанных с информационной перегрузкой или манипулятивным использованием данных, и обеспечивает постепенную адаптацию институтов и граждан к новым условиям коммуникации. Прикладной мерой является в данном случае аудит алгоритмов ранжирования на ведомственных платформах. Как минимум, публикация принципов приоритизации сообщений, перечня «сигналов» и периодичности пересмотра, а социальных медиа — введение открытых метрик (охвата/кликабельности).

Таким образом, ограниченная открытость во взаимоотношениях цифровых медиа и государственного управления как основа «управляемой открытости»:

– во-первых, соответствует политической культуре, т.к. степень открытости должна зависеть от способности общества критически осмыслять информацию;

– во-вторых, снижает риски - контролируемая трансформация минимизирует угрозы дестабилизации из-за цифровых технологий;

– в-третьих, ограниченная открытость является этапом – постепенное расширение доступа к данным формирует устойчивые механизмы подотчетности.

Однако логика цифрового развития неизбежно ставит вопрос о переходе от ограниченной открытости к более зрелым формам электронной демократии. Например, запуск модуля «Публичные консультации» на ЕПГУ: проекты нормативно-правовых актов размещаются с краткой пояснительной запиской и KPI внедрения, проводится голосование/комментарии через ЕСИА, внедряется обязательный отчёт ведомства «что учтено/что отклонено и почему» в 30-дневный срок.

Это обусловлено следующими факторами:

1. Эволюция цифрового участия**.** По мере адаптации общества и институтов к цифровой среде запрос на прозрачность будет возрастать. «Управляемая открытость» может стать лишь первым шагом к более сложным моделям

взаимодействия, где технологии используются не только для предоставления услуг, но и для вовлечения граждан в принятие решений.

2. Технологический потенциал. Современные инструменты (краудсорсинг, блокчейн-голосование, алгоритмы коллективного принятия решений) демонстрируют, что электронная демократия - реальная альтернатива, способная преодолеть асимметрию традиционной «управляемой» модели.

3. Мировой контекст. Опыт стран, внедряющих элементы прямой цифровой демократии, показывает, что поэтапный переход от ограниченной открытости к полноценному цифровому участию возможен при условии сочетания технологических реформ с развитием гражданской культуры.

Поэтому «управляемая открытость» должна рассматриваться не как конечная цель, а как этап на пути к более сбалансированной системе, где электронная демократия обеспечивает эффективность управления и реальное соучастие граждан.

Отличительным моментом цифровизации как тренда социально-политической действительности является молниеносное внедрение цифровых инициатив в процесс управления параллельно с академическим осмыслением. Это дает возможность оценить опыт внедрения цифровых решений. Проанализируем зарубежные и российские практики.

Одним из примеров цифрового соуправления стала платформа Decidim.Barcelona, запущенная в 2016 г.[369] Этот проект демонстрирует, как цифровые инструменты могут трансформировать взаимодействие между властью и обществом, обеспечивая прозрачность, инклюзивность и реальное влияние граждан на принятие решений. Исследователи ее назвали «технополитическая сеть для демократии участия»[370]. Её ключевой задачей стало предоставление жителям возможности влиять на городские процессы: от бюджетных решений до законодательных инициатив. Основные функции заключаются в следующем: 1) гражданские

[369] Decidim.Barcelona [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.decidim.barcelona/ (дата обращения: 22.04.2025).

[370] Decidim, a Technopolitical Network for Participatory Democracy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-031-50784-7.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

инициативы (возможность предлагать, обсуждать и продвигать проекты); 2) голосование (участие в референдумах, обсуждение инициатив, дебаты); 3) принятия решений (граждане формируют тематические сообщества, определяют повестку, проводят онлайн- и офлайн-встречи).

Этот подход соответствует принципам соуправления (collaborative governance), где власть и общество совместно вырабатывают решения, а цифровая среда снижает барьеры для участия. В то же время платформа является примером гибридного управления, поскольку элементы иерархии (муниципальные структуры задают правила), сетевого взаимодействия (горизонтальные связи между гражданами), цифровой демократии (алгоритмы голосования, открытые данные).

В качестве одного из первых в России масштабных проектов цифрового соуправления можно назвать запущенную систему электронных опросов в Москве в 2014 г. «Активный гражданин»[371]. Разработанная Департаментом информационных технологий Москвы платформа позиционировалась как инструмент прямой демократии, позволяющий горожанам влиять на решения органов муниципальной власти через голосования.

За первый год проект привлёк 1 млн. пользователей, а к 2025 г. его аудитория выросла до 7,2 млн. человек, было проведено более 7 тыс. голосований - впечатляющий показатель для городских цифровых инициатив[372]. Голосования затрагивают только вопросы в компетенции московского городского управления, исключая малозначимые или конфликтные темы. Особенностью механизмов участия является то, что граждане самостоятельно не инициируют опросы, но могут предложить тему через «Российскую общественную инициативу». Для ее рассмотрения необходимо собрать 5% голосов на муниципальном уровне или 100 тыс. – на региональном. Активность поощряется баллами, которые можно обменять на бонусы (элементы геймификации).

---

[371] Активный гражданин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ag.mos.ru/home (дата обращения: 22.04.2025).
[372] Там же.

Проект создал канал коммуникации между властью и жителями, упростив сбор мнений по городским проблемам (транспорт, благоустройство), и за историю своего существования имеет примеры реализованных гражданских инициатив. Технологическая интеграция с порталом «Госуслуги» делает его частью экосистемы цифровых сервисов Москвы. Несмотря на то, что, по мнению исследователей, платформа не является полноценной электронной демократией, поскольку граждане не контролируют повестку, а монополия на выбор тем остается за органами власти, «Активный гражданин» является значимым примером становления цифрового соуправления в России[373].

Другой моделью цифрового взаимодействия власти и общества в России является «Добродел» (Московская область) – сервис обратной связи, где граждане сами инициируют обращения по проблемам[374]. Жители описывают проблему с фотоподтверждением. Все жалобы отображаются на интерактивной карте, что стимулирует оперативное решение, затем отражается статистика по решению проблем. Голосование выступает как дополнительная опция, а не основной инструмент. Преимуществом «Добродела» является прямая обратная связь (жители сами определяют проблематику), прозрачность (карта жалоб и публичная статистика) и оперативность (интеграция с Центром управления региона).

Таким образом, данные платформы, интегрированные с медиа, являются важными элементами цифрового соуправления в разных конфигурациях. «Активный гражданин» является цифровой системой консультационных голосований с предзаданной повесткой, тогда как «Добродел» является сервисом обратной связи, где граждане сами инициируют обращение по проблемам.

Внедрение цифровых платформ гражданского участия отражает общемировой тренд на интерактивное государство, где власть взаимодействует с обществом через цифровые сервисы. Их опыт возможен для масштабирования на регионы, с учетом успешных практик. На сегодняшний момент есть опыт адаптации на другие

---

[373] Robert Argenbright. Moscow Citizens in a Changing Context // Moscow under Construction: City Building, Place-Based Protest, and Civil Society. – Lexington Books, 2016. – P. 149–161.

[374] 12. Добродел [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dobrodel.mosreg.ru/?ysclid=m9d0aio3iw534804221 (дата обращения: 22.04.2025).

регионы, например, аналог «Добродела» «Наш Санкт-Петербург»[375]. Для федерального масштаба релевантна «федеративная» архитектура, включающая единый каркас (авторизация, метрики, протокол ответов) и региональные модули с локальными повестками. Минимальным набором выступают: карта проблем, карточки решений с KPI, API для СМИ/исследователей и «сквозные» рассылки в национальный мессенджер/ВК сообществ ведомств.

Успешное масштабирование практик цифрового соуправления в российских регионах требует комплексного подхода, который объединяет технологические, социальные и институциональные условия. В первую очередь, использование искусственного интеллекта для обработки обращений граждан. Кроме того, наличие офлайн-инструментов, таких как возможность подачи жалоб через многофункциональные центры (МФЦ) или через call-центры, делает процесс обращения более доступным и удобным для граждан. Социальные условия также играют важную роль в успешном масштабировании цифровых практик (повышение уровня цифровой грамотности населения и вовлеченности населения).

Институциональные аспекты необходимы для создания системы, которая бы обеспечивала интеграцию региональных платформ и взаимодействие между различными уровнями власти (например, внедрение единого федерального стандарта, аналогичного «Госуслугам»). Использование общих API для интеграции с региональными системами и обязательный набор функций, таких как карты проблем, голосования и механизмы обратной связи, позволяет создать единое информационное пространство, где граждане могут активно участвовать в процессе управления. Устойчивому развитию этих практик могут способствовать законодательные стимулы, включая включение показателей цифрового участия в ключевые показатели эффективности (KPI) губернаторов и финансирование через государственные программы, такие как «Цифровая экономика».

Сценарии дальнейшего развития можно представить в виде появления федеральной платформы, спроектированной по образцу «Госуслуг», которая будет

[375] Наш Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gorod.gov.spb.ru/ (дата обращения: 22.04.2025).

включать региональные модули и адаптироваться под специфические нужды каждого региона. Также предполагается, что гражданское участие станет этапом при принятии бюджетных решений, как это уже реализовано в некоторых странах Европейского Союза. Таким образом, чтобы обеспечить успешное масштабирование практик цифрового соуправления, необходимо создавать взаимодополняемые условия, обеспечивая целостный подход сначала на уровне регионов, чтобы оно стало реальным инструментом сбалансированного управления.

Развитие проектов цифрового соучастия можно рассматривать как одно из направлений совершенствования влияния цифровых масс-медиа на государственное управление.

Поскольку цифровые платформы гражданского участия используют медийные механизмы: опросы, голосования, обсуждения — это формы цифровой коммуникации, родственные социальным медиа. Публичные карты жалоб («Добродел») или статистика («Активный гражданин») — элементы data-журналистики, влияющие на общественную повестку. Они также формируют новую среду взаимодействия. Соцсети и мессенджеры часто становятся каналами продвижения этих платформ (например, анонсы голосований в Telegram-каналах мэрий). Обратная связь через такие сервисы может влиять на медиаповестку. Представители государственного управления получают нефильтрованный сигнал от населения, минуя традиционные СМИ. Прозрачность платформ создаёт медийный образ ответственной власти, что влияет на управление доверием. Интеграция с соцсетями размывает границы между госуслугами и медиа. Вместе с тем, развитие цифрового соучастия как направления совершенствования медиавлияния на государственное управление возможно, если платформы дополняют, а не заменяют независимые медиа и сохраняется конкуренция каналов влияния (граждане выбирают формат - через платформы, СМИ, НКО и др.)

Как возможный вариант развития - синхронизация государственных платформ с медиа. Например, журналисты отслеживают популярные инициативы, обсуждение которых организуется и в СМИ, и в соцсетях. Это может повысить уровень культуры обсуждения проблем в цифровой среде.

Таким образом, практики цифрового соучастия граждан - часть медиатизации госуправления, но его потенциал раскроется только в сочетании со свободными медиа и реальными механизмами влияния, т.е. основными принципами цифрового соуправления.

Отталкиваясь от теоретического поля исследования влияния цифровых масс-медиа на государственное управление, можно выделить следующие принципы цифрового соуправления, обеспечивающие основу демократического управления:

1) симметричность коммуникации;
2) цифровая делиберация;
3) подотчетность на основе данных.

Принцип симметричности коммуникаций является развитием концепции «колонизации жизненного мира», предложенного Ю. Хабермасом[376]. В понимании философа «жизненный мир» представляет собой фоновую среду компетенций, установок и практик, являясь основой для личной и культурной идентичности. Современное общество, особенно в цифровую эпоху, формирует напряжение между «жизненным миром» и системными механизмами, в том числе государством.

В развитие данной теории принцип симметричности коммуникации предполагает равноправный обмен информацией между властью, гражданами и медиа, где СМИ выступают не просто как транслятор информации, а как независимый арбитр, обеспечивающий баланс сил. Для реализации этого принципа публичная сфера должна быть свободной от манипуляций со стороны государства. Медиа как «третья сила» – не подчиняются ни власти, ни бизнесу, а служат площадкой для честной дискуссии. Критериями симметричности могут являться отсутствие монополии на информацию, исключающую возможность доминировать государству, доступность каналов коммуникации для всех участников и учет властью реакции общества.

Принцип может применяться, например, при обсуждении законопроектов в соцсетях, где граждане, представители экспертного сообщества и

[376] Habermas J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/author/J.-Habermas/41210391 (дата обращения: 25.04.2025).

государственного управления взаимодействуют напрямую, а СМИ объективно освещают процесс.

Термин «делиберация» в БРЭ трактуется как «коммуникативный процесс между гражданами, в ходе которого происходит обсуждение и решение общих политических проблем»[377]. В понимании феномена делиберации, изложенном Ю. Хабермасом, ключевым является концепция рациональной коммуникации, представляющей собой интерсубъективный процесс взаимодействия, основанный на взаимопонимании и аргументации[378]. Предложенная Ю. Хабермасом модель публичной ценности применима к цифровым медиа ФОИВ, поскольку они должны не только транслировать информацию, но и демонстрировать общественную значимость деятельности органов власти.

Вызовы цифровой эпохи обогащают классическую теорию делиберации. Несмотря на то, что Ю. Хабермас разрабатывал свои идеи еще до цифровизации, их принципы находят отклик в современных условиях. С одной стороны, цифровая среда может привести к фрагментации публичной сферы, возникновению эхо-камер, алгоритмическим искажениям и др. С другой стороны, она предоставляет новые возможности для глобальной инклюзивности и самоорганизации, таким образом создавая формы онлайн-ассамблей, где участники могут участвовать в обсуждениях, делиться мнениями и формировать общественное мнение.

Применительно к теме данного исследования, делиберация в контексте воззрений Ю. Хабермаса представляет собой важный аспект процедурной рациональности, который связывает гражданское общество с институциональными структурами. Суть делиберации заключена не в поиске единодушия, а в легитимации решений через свободный и открытый дискурс, переводящий конфликты в плоскость аргументации.

---

[377]БСЭ. Делиберация [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://bigenc.ru/c/deliberatsiia-a48932?ysclid=m9edn80drt171963468 (дата обращения: 25.04.2025).

[378] Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2021. – Т. 1. – 456 с.

Дж. С. Фишкин предлагает концепцию делиберативной демократии - формы правления, которая сочетает политическое равенство, делиберацию и массовое участие для достижения консенсуса[379]. Делиберация, в понимании Фишкина, - возможность одновременно оценивать достоинства различных конкурирующих аргументов. Для правильного проведения делиберации информация, предлагаемая в аргументах, должна быть точной и релевантной рассматриваемому вопросу.

Объединив применительно принципы делиберации с вызовами цифровой эпохи, в данном исследовании будем использовать такое определение. Цифровая делиберация — коммуникативный процесс в цифровой среде, в ходе которого граждане обсуждают, анализируют и взвешивают общие политические или социально значимые проблемы с целью коллективного принятия решений. Он включает:

– использование цифровых платформ (соцсети, форумы) для обмена информацией и аргументами;

– критическое осмысление разных точек зрения с опорой на доступные данные;

– учёт последствий предлагаемых решений;

– стремление к рациональному консенсусу, несмотря на особенности онлайн-коммуникации (фрагментация дискурса или алгоритмические искажения).

Третьим пунктом цифрового соуправления является подотчетность на основе данных. Использование больших данных и цифровых технологий для контроля за действиями ФОИВ, чтобы решения были не только прозрачными, но и корректировались на основе обратной связи. Этот вопрос активно обсуждается в рамках научных исследований.

Я. Вейерер, анализируя открытые государственные данные (Open Government Data, OGD), определяет их как публикацию государственной информации в машиночитаемом формате для свободного использования гражданами, бизнесом и некоммерческими организациями (НКО). Однако OGD не решает всех проблем подотчетности. Эффективность их использования зависит как от качества

[379] Fishkin J. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. – Yale University Press, 1991. – 147 p.

данных и их актуальности, так и от наличия институтов, способных превращать данные в конкретные действия. К таким институтам относятся средства массовой информации (СМИ), НКО и судебная система. Я. Вейерер подчеркивает, что открытые данные могут стать эффективным инструментом только в сочетании с независимыми медиа и судебной системой[380]. М. С. Гордиенко, исследуя российский опыт внедрения OGD, отмечает, что они открывают новые коммуникативные возможности для государственных органов, включая расширение каналов коммуникации, развитие журналистики данных и использование прогнозной аналитики[381].

М. Аннани фокусируется на этических аспектах алгоритмов и их применении в создании и распространении контента. В своей работе она выделяет три фундаментальных этических принципа для алгоритмических систем: определённость, интерпретируемость и надёжность[382]. Данные принципы могут быть использованы для разработки институциональных мер, направленных на регулирование влияния цифровых масс-медиа. Это включает создание независимых органов по аудиту алгоритмов в государственном секторе и медиа, а также внедрение стандартов прозрачности.

Примеры ресурсов, где в 2025 г. можно найти открытые данные о бюджетах, статистике и отчётах в России включают: официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации информация об исполнении федерального бюджета и сведения о дополнительных нефтегазовых доходах)[383], аналитический портал ФНС России (данные о поступлениях в бюджетную систему РФ и налоговые индикаторы

---

[380] Вейерер Я. Открытые правительственные данные: систематический обзор литературы по эмпирическим исследованиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/363693224_Open_government_data_A_systematic_literature_review_of_empirical_research (дата обращения: 25.04.2025).

[381] Гордиенко М.С. Open Data как инструмент информационной открытости государственных структур РФ // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2017. – №17. – С. 87–96.

[382] Аннани М. На пути к этике алгоритмов // Наука, технологии и человеческие ценности. – 2016. – № 41 (1). – С. 93–117.

[383] Федеральный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/ (дата обращения: 10.04.2025).

экономики)[384], Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (бюджетная отчётность, информация о государственном долге[385]). Таким образом, ключевыми аспектами подотчетности на основе данных являются открытые данные (бюджеты, статистика, отчеты) и автоматизированные системы мониторинга.

Ряд исследователей ассоциирует активное внедрение мониторинговой системы с цифровой зрелостью государственного управления. «Очередной этап зрелости цифрового государственного управления связан с датацентричностью - формированием государственного управления, решения в котором все в большей степени основаны на объективных данных. При этом цифровизация расширяет возможности использования самых различных источников таких данных при планировании, мониторинге и оценке достигаемых результатов, принятии управленческих решений»[386].

Достижение к 2030 г. «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления является одним из показателей национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализация которого началась в 2025 г. В его структуру входит 9 федеральных проектов, в том числе «Цифровое государственное управление», целью которого является обеспечение возможности «принятия управленческих решений на основе данных на базе единой цифровой платформы»[387].

В паспорте национального проекта достижение «цифровой зрелости» государственного и управления предполагает «автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе

---

[384] Аналитический портал ФСН России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

[385] Электронный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://budget.gov.ru/Главная-страница?regionId=45000000 (дата обращения: 10.04.2025).

[386] Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 114 с.

[387] Цифровое государственное управление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz4-czifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie (дата обращения: 10.04.2025).

данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов»[388]. Федеральный проект нацелен на достижение такого показателя национального проекта по обеспечению «развития инфраструктуры предоставления услуг и сервисов в цифровом виде, в том числе в проактивном режиме или при непосредственном обращении заявителя, а также реализация для государственных органов типовых решений, имеющих системы поддержки принятия решений на основе данных на базе единой цифровой платформы»[389].

Вместе с тем, подотчетность данных – логичный показатель цифровой зрелости, а связь цифровых медиа и госуправления усилит прозрачность. Включение этих аспектов в нацпроект повысит его эффективность и доверие общества.

Целесообразно выдвижение предложения по развитию проекта с учетом влияния цифровых масс-медиа и подотчетности данных.

Во-первых, интеграция цифровых масс-медиа в государственное управление посредством:

- создания единой платформы взаимодействия власти, СМИ и граждан;

- развития государственных медиаресурсов на основе ИИ,

- стимулирования медиаграмотности через образовательные программы, чтобы граждане могли критически оценивать информацию и участвовать в цифровом взаимодействии с государством. Это может быть запуск федеральной программы с модулями: 1) основы работы с государственными цифровыми сервисами; 2) критическое восприятие информации (борьба с фейками); 3) инструменты онлайн-участия в управлении (общественные инициативы, электронные консультации).

Во-вторых, внедрение подотчетности данных как показателя цифровой зрелости, поскольку прозрачность данных является ключевым элементом доверия к цифровизации государственных услуг, открытость статистики позволяет обществу и

---

[388] 31. Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Ekonomika%20dannykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

[389] Там же.

СМИ контролировать эффективность управления, а механизмы аудита данных (например, блокчейн-ведомости или публичные дашборды) могут стать индикатором зрелости цифровых систем.

В качестве конкретных метрик подотчетности можно установить:

- процент граждан, регулярно использующих цифровые инструменты взаимодействия с властью;

- уровень удовлетворенности качеством обратной связи;

- доля управленческих решений, принятых с учетом данных цифровых платформ.

В перспективе это может способствовать становлению автоматизированных медиа-аналитических систем для оценки общественного мнения в реальном времени и развитию цифровой демократии с развитыми формами онлайн-голосования и краудсорсингом законопроектов.

Сочетание трех принципов цифрового соуправления — симметричности, цифровой делиберации и подотчетности на основе данных — представляет собой механизм, способствующий улучшению влияния цифровых масс-медиа на функционирование государственного управления.

Симметричность — играет важную роль в установлении баланса между властью и обществом. Этот принцип подразумевает взаимодействие участников процесса принятия решений на равных условиях. Цифровые масс-медиа обеспечивают платформу для обмена мнениями. Благодаря симметричной коммуникации, правительство может получить обратную связь от населения.

Цифровая делиберация выступает следующим важным компонентом, позволяющим вовлечь граждан в процесс принятия решений. Она предполагает использование онлайн-форумов и краудсорсинга для активного участия населения в обсуждении и разработке политик, что способствует укреплению доверия к государственным институтам. Таким образом, цифровая делиберация становится связующим звеном, которое преобразует симметричный диалог в реальные действия.

Третий принцип — подотчетность на данных — гарантирует, что принятые решения объективно исполняются. С помощью инструментов, таких как открытые

данные, блокчейн и аналитика на основе искусственного интеллекта, государственные структуры могут обеспечить прозрачность своих действий и контроль за исполнением решений. Граждане получают возможность следить за тем, как и какие решения были приняты, что позволяет принимать активное участие в общественном контроле.

В идеале эти три принципа должны дополнять друг друга. Вместе они формируют экосистему, обеспечивая совершенствования влияния цифровых медиа на функционирование государственного управления.

На уровне ведомств (мезоуровневая подсистема) процесс совершенствования должен включать унификацию стратегий медиаактивности ФОИВ, развитие стандартизированных критериев оценки эффективности цифровых каналов (охват, читаемость, вовлечённость), а также расширение модели участия целевых аудиторий в содержании цифровых ресурсов ведомств. Особое внимание следует уделять внедрению механизмов симметричной коммуникации (обратная связь по обращениям, открытые опросы, консультации по нормативным актам).

Результаты исследования показали, что совершенствование влияния цифровых медиа на государственное управление требует системного подхода, основанного на трёхуровневой модели. На макроуровне — это формирование государственной медиаполитики, на мезоуровне — институционализация цифровой коммуникации органов власти, на микроуровне — повышение цифровой культуры граждан и активизация механизмов обратной связи. Такой подход позволяет обеспечить переход от управляемой открытости к формату цифрового соуправления, соответствующему задачам цифровой трансформации государственного управления.

Подводя итоги главы, можно отметить, что цифровая среда, оставаясь относительно новым пространством для политической коммуникации, открывает перед государственным управлением уникальные возможности и вызовы. Ограниченная открытость взаимодействия между властью и обществом представляется необходимым этапом в эволюции этого взаимодействия, позволяя избежать потенциальных дисфункций, таких как информационная перегрузка или манипуляции данными. Этот подход способствует постепенной адаптации как институтов, так и

граждан к новым условиям коммуникации, что, в свою очередь, является важным шагом к более сбалансированной системе, где электронная демократия становится основой для эффективного управления и настоящего соучастия граждан. Также стоит подчеркнуть, что развитие концепции электронной демократии демонстрирует гибкость в адаптации её принципов к современным политическим реалиям, включая формирование «гибридных» моделей цифрового участия. Переход от «управляемой открытости» к «цифровому соуправлению» представляет собой путь, в рамках которого граждане, медиа и государство начинают сотрудничать при разработке решений на основе данных. Сочетание трех ключевых принципов цифрового соуправления — симметричности, цифровой делиберации и подотчетности на основе данных — создает экосистему, способствующую совершенствованию влияния цифровых масс-медиа на функционирование государственного управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что влияние цифровых масс-медиа на систему государственного управления России имеет комплексный и противоречивый характер. Оно не сводится к выявлению технических препятствий цифровизации, а затрагивает фундаментальные основы коммуникации власти и общества в условиях цифровой эпохи.

Поставленные в работе задачи — анализ институционализации цифровых медиа, выявление барьеров их влияния и разработка направлений оптимизации — были решены, что позволило достичь цели исследования. В результате цифровые медиа показаны не как внешние каналы, а как структурный элемент системы государственного управления, формирующий новые модели взаимодействия государства и граждан.

Анализ показал, что медиапрактики формируются на нескольких уровнях:

- макроуровне стратегического баланса между открытостью и медиасуверенитетом;

- мезоуровне - в деятельности федеральных органов исполнительной власти, где цифровые каналы становятся инструментами реализации отраслевой политики;

- микроуровне – повседневные онлайн-практики граждан и их цифровая компетентность, определяющие эффективность обратной связи.

Особое внимание уделено опыту Министерства просвещения РФ, продемонстрировавшему, что цифровые каналы способны выполнять не только информирующую, но и сервисно-коммуникационную функцию, интегрированную в процесс реализации государственной политики.

Использование цифровых медиа Министерства просвещения Российской Федерации показывает, что социальные сети и официальные онлайн-каналы ведомства становятся не только инструментом информирования, но и значимым элементом реализации отраслевой государственной политики. Медиаканалы ведомств иллюстрируют переход к цифровому соуправлению. Сравнение медиастратегий

показало, что в системе ФОИВ складываются разные модели цифровой коммуникации — от массово-идеологической (Минобороны) до профессионально-сервисной (Минпросвещения).

Результаты исследования выявили ряд институциональных и социальных барьеров: недостаточный уровень медиаграмотности и бюрократическую инертность. Одновременно показано, что цифровые медиа открывают значительные возможности — повышение прозрачности и подотчетности, вовлечение граждан в процессы управления, формирование механизмов общественного контроля. Параллельно с возможностями, цифровые медиа создают риски распространения дезинформации, дестабилизации и усиления внешнего информационного давления. Поэтому ключевым условием эффективного государственного управления становится способность адаптироваться к цифровой среде, интегрируя новые технологии в систему принятия решений при сохранении суверенитета и стратегической устойчивости.

Перспективы дальнейшего развития взаимодействия цифровых медиа и государственного управления связаны с поиском баланса между инновационностью и контролем, открытостью и безопасностью. В данном контексте технологическая модернизация должна сопровождаться формированием новой управленческой культуры, основанной на гибкости, аналитической работе с большими данными и стратегическом прогнозировании медиавоздействий.

Оптимизация механизмов взаимосвязи цифровых масс-медиа и государственного управления находится в плоскости преодоления цифрового неравенства через инфраструктурные проекты, совершенствования нормативной базы цифрового взаимодействия, развития цифровой культуры госслужащих и граждан. Реализация оптимизационных мер связана с формированием гибридной модели управления, сочетающей технологическую эффективность цифровых платформ, социальную инклюзивность и институциональную гибкость, обеспечивающую механизмы гражданского соучастия.

В исследовании анализируется эволюционный характер изменений изучаемого влияния. А именно, переход от «управляемой открытости» к «цифровому

соуправлению» представляет собой закономерный этап развития цифровой демократии, требующий поэтапной адаптации как институтов власти, так и гражданского общества.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения цифровых масс-медиа не как внешнего инструмента, а как структурного элемента системы государственного управления. Развитие этой темы требует сочетания фундаментального теоретического осмысления с прикладными работами, учитывающими быстро меняющуюся цифровую реальность России.

В качестве направлений совершенствования предложены меры, способные объединить технологическую эффективность и социально-политическую устойчивость.

1) Совершенствование нормативной базы. Для этого необходимо принятие нормативно-правового акта, регулирующего права и обязанности граждан при онлайн-участии в управлении, а также алгоритмы модерации на государственных платформах.

2) Развитие цифровой инфраструктуры и инклюзивности через создание региональных программ ликвидации цифрового неравенства и развития цифрового волонтерства. Интеграция цифрового волонтёрства в национальный проект «Молодёжь и дети», что позволит рассматривать цифровое волонтёрство не как разрозненную инициативу гражданского общества, а как институционализированный инструмент государственной политики,

3) Повешение медиаграмотности и вовлеченности посредством запуска федеральной программы, направленной на развитие работы с государственными цифровыми сервисами, борьбу с дезинформацией и инструментов онлайн-участия в управлении.

4) Повышение эффективности медиастратегий ФОИВ через внедрение единого стандарта ведения официальных каналов, систематический анализ вовлеченности и цитируемости, а также развитие диалоговых практик в соцсетях.

5) Разработки стандартов цифрового взаимодействия для ФОИВ, внедрение AI-аналитики для автоматического выявления массовых запросов/проблем граждан.

6) Корректировка национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» дополнением раздела «Цифровое государственное управление» новыми показателями, а также создание подпрограммы с пилотными проектами онлайн-делиберативных платформ для обсуждения законопроектов и краудсорсинговых инструментов для сбора гражданских инициатив.

Таким образом, цифровые медиа выступают не просто каналом коммуникации, а важнейшим элементом современной системы государственного управления, определяя вектор её развития в XXI веке. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением моделей цифрового соуправления и их применением в различных сферах государственной политики.

Список источников и литературы

Нормативные правовые акты

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.12.2023).

2. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/41d4ba8c720529ed4d5e.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

3. Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти. Режим доступа: https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-metodicheskie-rekomendatsii-ot26122013-h2316884/3/3.6/?ysclid=m8rdgghma468164989 (дата обращения: 15.03.2024).

4. Положение о Министерстве Просвещения РФ. Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=491345 (дата обращения: 20.03.2024).

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2024 года. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411150015?ysclid=m8rqkvbtu0427544433 (дата обращения: 15.12.2024).

6. Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370409/ (дата обращения: 20.03.2024).

7. Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 года №373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг».

Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102147589 (дата обращения: 10.12.2023).

8. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 06.11.2024 № 779. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412050007?ysclid=mhnbaylex19902 87568 (дата обращения: 20.01.2025).

9. Приказ Министерства просвещения РФ от 02.12.2019 г. «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/ (дата обращения: 20.03.2024).

10. Приказ Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2019 г. «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/?ysclid=m43mrla85373292036 (дата обращения: 10.12.2023).

11. Приказ Министерства экономического развития РФ от 07.07.2015 г. № 454 «Об утверждении методики проведения публичных (общественных) консультаций (обсуждений)». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71097360/ (дата обращения: 15.03.2024).

12. Уголовный кодекс РФ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9d8a5b6501a01da9 34c1bbd0ca9b1fd46df76a72/ (дата обращения: 15.03.2024).

13. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/?ysclid=m3yqp6p0o71221682 (дата обращения: 10.12.2023).

14. Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы РФ «ГосТех».

Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406546701/ (дата обращения: 15.03.2024).

15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 10.12.2023).

16. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. №1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102145217 (дата обращения: 10.12.2023).

17. Федеральный закон № 158 от 22 июня 2024. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50772 (дата обращения: 25.06.2024).

18. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 10.12.2023).

19. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 10.12.2023).

20. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122012-n-273-fz-ob/ (дата обращения: 20.03.2024).

21. Федеральный закон от 09.02.2009 №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
(дата обращения: 10.12.2023).

22. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.12.2023).

23. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 10.12.2023).

24. Федеральный закон от 13.01.1995 №7-ФЗ. «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации». Режим доступа: https://base.garant.ru/103529/ (дата обращения: 10.12.2023).

Книги

25. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. – М.: РАГС, 2003. – 266 с.

26. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю. А. Здорового. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.

27. Бет. Н. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. – М.: Альбина Паблишер, 2012. – 292 с.

28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции = Simulacres et simulation / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 238 с.

29. Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2021. – 55 с.

30. Бурдье П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдье; [Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой]. – М.: Прагматика культуры, Ин-т эксперимент. социологии, 2002. – 159 с.

31. Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997. – Т.1. – 556 с.

32. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. II. Общности / М. Вебер; пер. с нем., ред. Л. Г. Ионин. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 430 с.

33. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во МГУ, 2019. – 224 с.

34. Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа (под ред. Дж. Шафритц, А. Хайд; пер. с англ. Т. И. Борисенко и др.). – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 24–43.

35. Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К. и др. Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / Под ред. С.Л. Уразовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 252 с.

36. Гончарова И.В. Чувардин Г.С. Военно-патриотическое воспитание молодежи в СССР накануне Великой Отечественной войны: уроки для информационных войн XX века // Исторический код России: железом и верой. Материалы межрегиональной научной конференции, посвящённой 80-летию Великой Победы. – Орёл, 2025. – С. 19-24.

37. Дженкинс Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа: [16+] / Генри Дженкинс; [пер. с англ. А. Гасилина]. – М., СПб.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019. – 381 с.

38. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 114 с.

39. Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с.

40. Жижек С. Чума фантазий. – 2-е изд., стереотипное / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2017. – 388 с.

41. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; пер.с англ. А. Ширикова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

42. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2023. – 591 с.

43. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

44. Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. – М.: Памятники ист. Мысли, 1994. – 170 с.

45. Киттлер Ф. Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г. / Пер. с нем. О. Никифорова и Б. Скуратова. – М.: Логос; Гнозис, 2009. – 272 с.

46. Косоруков А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. – М.: МАКС Пресс, 2019.

47. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.

48. Луман Н. Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

49. Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.

50. Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. – 160 с.

51. Осборн Д. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик. – М., 2001.

52. Политический портрет Гру Харлем Брундтланд: [Премьер-министр Норвегии]: Науч.-аналит. обзор / [А.-В. Карлсен]. — М.: ИНИОН, 1989. — 39 с.

53. Профессия репортера и журналиста // Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. – М.: Права человека, 1998. – 152 с.

54. Русская войн / Под ред. В.М. Коровина. – М.: Родина, 2023. – 272 с.

55. Соловьев А.И. Принятие государственных решений: учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 286 с.

56. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор. Пер. с англ. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с.

57. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.

58. Уход в Лес / Эрнст Юнгер; пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 144 с.

59. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

60. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2021. – Т. 1. – 456 с.

61. Хейзинга Й. Homo Ludens. «Человек играющий»: Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

62. Шмитт К. Государство и политическое многообразие. – М.: Владимир Даль, 2019. – 416 с.

63. Шмитт К. Диктатура. – М.: Издательство: Высшая школа экономики, 2019. – 296 с.

64. Шмитт К. Легальность и легитимность. – М.: Юридический колледж МГУ, 2008. – 288 с.

65. Шмитт К. Понятие политического / Карл Шмитт; пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Наука, 2016. – 567 с.

66. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; перевод с английского А. Ф. Васильева; под научной редакцией Я. Охонько, А. Смирнова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 781 с.

67. Bruns A. Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. – Peter Lang, 2018. – 394 p.

68. Coleman, S., Blumler, J. G. The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy. – Cambridge University Press, 2009. – 232 p.

69. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. – New York: The Free Press of Glencoe, 1963. – 316 p.

70. Fishkin J. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. – Yale University Press, 1991. – 147 p.

71. Jamieson K. H., Cappella J. N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 320 p.

72. Mergel I. Social Media in the Public Sector: A Guide to Participation, Collaboration and Transparency in the Networked World. – John Wiley & Sons, 2012. – 320 p.

73. Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. – 402 p.

74. Osborne D. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / D. Osborne, T. Gaebler. — Addison-Wesley: Reading, MA, 1992.

75. Patrick Dunleavy, Helen Margetts, Simon Bastow, Jane Tinkler. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. – Oxford University Press, 2006. – 289 p.

76. Robert Argenbright. Moscow Citizens in a Changing Context // Moscow under Construction: City Building, Place-Based Protest, and Civil Society. – Lexington Books, 2016. – P. 149–161.

77. Carey James W. Communication as culture: Essays on media and society / James W. Carey. — Boston etc.: Unwin Hyman, 1989. — XIII, 241 p.

Статьи

78. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с.

79. Аннани М. На пути к этике алгоритмов // Наука, технологии и человеческие ценности. – 2016. – № 41 (1). – С. 93–117.

80. Анселл К., Гэш А. Совместное управление в теории и на практике // Журнал исследования и теории государственного управления. – 2008. – № 18(4). – С. 543–571.

81. Ахиезер А. С. Монологизация и диалогизация управления (Опыт российской истории) // Общественные науки и современность. – 2004. – №2. – С. 24–34.

82. Бобровникова Н.С. Концептуальные подходы к цифровизации современного образования // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. — 2024. — № 09 (98). — С. 45–56.

83. Боровикова В. В. К вопросу об освещении проблем борьбы с коррупцией в средствах массовой информации // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 131–133.

84. Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социология государственного управления: принципы и механизмы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2025. — № 1. — С. 99–114.

85. Васьков М.А. Цифровая трансформация государственного управления: вызовы и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 2. – С. 7–30.

86. Гаджиев Х.А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. — 2021. — Том 27, № 1. — С. 8–20.

87. Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 24–45.

88. Гнедаш А.А., Малышева О.П., Рябченко Н.А., Тимофеева Л.Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37–51.

89. Голубева А.А. Трансформация публичной сферы в цифровую эпоху // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44–53.

90. Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 19–31.

91. Гордиенко М.С. Open Data как инструмент информационной открытости государственных структур РФ // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2017. – №17. – С. 87–96.

92. Гулаков Ю. Г. Эффективность использования информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления // Молодой ученый. – 2022. – № 12 (407). – С. 69–71.

93. Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. – 2021. – Т.23, №1. – С. 28–34.

94. Дмитриев А. А. Масс-медиа как инструмент укрепления престижа государства на международной арене // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 ноября 2019г.: в 2-х ч. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. – Часть I. – С. 79–81.

95. Дмитриева Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 123–146.

96. Добролюбова Е.И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 4. – С. 70–93.

97. Долгих У.О. «Good governance» – альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль. – 2017. – №6. – С. 23–28.

98. Евлоев А.М. Оптимизация взаимодействия цифровых масс-медиа и государственного управления в РФ: социальные, технологические и институциональные аспекты // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15. – №4. – С. 146–154.

99. Евлоев А.М. Цифровые массмедиа и государственное управление: правовое регулирование и вызовы дезинформации // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 8. – С. 71–78.

100. Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 57–78.

101. Знаменский Д.Ю. Тренд цифровизации и государственная политика Российской Федерации в сфере науки и технологий // PolitBook. — 2022. — № 1. — С. 146–157.

102. Зябликов А.В., Максименко А.А., Ахунзянова Ф.Т., Зайцев А.В. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – №13(6). – С. 28–46.

103. Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3 (43). – Политология. – С. 98–101.

104. Качкаева А.Г., Шомова С.А., Душакова И.С. Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2021. – Том 6, №2. – С. 5–32.

105. Ким М. Н. Пользовательский контент: проблемы жанрообразования // Управленческое консультирование. – 2021. – № 3. – С. 70–79.

106. Кирк Э., Набатчи Т., Балог С. Интегральная основа для совместного управления // Журнал исследований и теории государственного управления. – 2012. – № 22 (1). – С. 1–29.

107. Кобзарь-Фролова М.Н. О терминах «Государственное управление» и «Публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Юридическая наука и практика. – 2020. – № 2. – С. 45–52.

108. Козбаненко В.А. Фактор административно-правовой культуры в государственном управлении // Правовая культура. – 2018. – № 2 (33). – С. 24–33.

109. Корконосенко С. Г., Дунас Д. В. Государство и СМИ в цифровой среде: новые формы взаимодействия // Медиаскоп. – 2021. – №3. – С. 1–18.

110. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–113.

111. Кузьмина А.О., Минина А.Н., Зюськин А.А. Внедрение новых технологий для повышения эффективности и прозрачности государственного управления в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2025. – №2. – С. 49–52.

112. Лигай Д.К., Ватолина О.В. Роль цифровых платформ в трансформации госуправления // Наука и бизнес: пути развития. – 2023. – №5(143). – С. 105–108.

113. Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. – 2021. – № 4. – С. 18–26.

114. Лода О.А. Актуальные проблемы цифровой трансформации образовательной среды вуза // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 5.

115. Лодде О.А. Актуальные проблемы цифровой трансформации образовательной среды вуза // Современные проблемы науки и образования. — 2021. — № 5. — С. 112–125.

116. Лолаева А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2025. – Т. 52, № 1. – С. 19–29.

117. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – №1. – С. 111–144.

118. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2019. – № 2. – С. 37–45.

119. Маратова Х.Б. Эволюция развития моделей государственного управления: Public Administration, New Public Management и Good Governance // Государственная служба. – 2022. – №6 (140). – С. 12–19.

120. Митина А.А. Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 14(3). – С. 37–43.

121. Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. – 2020. – Том 8, №2. – С. 108–124.

122. Никитина Т.И., Никитин А.А. Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 3 (60). – С. 38–43.

123. Новиков В.Г., Ковалева С.В. Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «антисоциальной» теории Жана Бодрийяра // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 39–45.

124. Омельченко Н. А., Гимазова Ю. В. Территория власти или власть территории (к вопросу о соотношении автократических и этнократических начал в истории российской государственности) // Вестник Университета (Государственный университет управления). – М.: ГУУ, 2012. – № 4. – С. 44–51.

125. Орлов И.Б. Современные теоретические и методологические доктрины (модели) государственной политики и управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – № 4. – С. 95–103.

126. Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – 11(1). – С. 20–28.

127. Охотский Е.В. Качество целеполагания – базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2020. – №1. – С. 22–42.

128. Пономарёва А.Э. Электронная демократия в условиях развития электронного правительства в РФ // Молодой ученый. — 2021. — № 21 (363). — С. 266–268.

129. Панкратова Л. С. Культура общественно-политической интернет-дискуссии с использованием ботов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 11. – С. 53–58.

130. Поляков М.М. Антикоррупционный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3. – С. 75–79.

131. Попова Е.А., Ночевка А.А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 4.

132. Пушкарева А.С., Санько А.М. Цифровизация образования в России: этапы и препятствия // Человек в информационном обществе: сб. материалов второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. десятилетию науки и технологий в Рос. Федерации (26-28 апр. 2023 г., г. Самара). — Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2023. — С. 748–751.

133. Пигарева Е.А., Дмитриева Е.К. Цифровизация образования в России // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2022. — № 11 (56) Т.4. — С. 76–81

134. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т.9, №4 (40). – С. 63–69.

135. Радченко А.И. Основные направления совершенствования деятельности служащих органов государственного и муниципального управления // Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 45–52.

136. Рослякова М.В. Социальные сети как инструмент вовлечения граждан в управление (на примере официальных страниц местных администраций городов ЦФО) // Социодинамика. – 2023. – № 7.

137. Саймон С. Новая структурная трансформация публичной сферы? С Хабермасом, против Хабермаса и за пределами Хабермаса // Society. – 2023. – №6. – С. 842–867.

138. Симакова С.И. Журналистика данных как современное направление журналистики // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2013. – №1 (11). – С. 52–56.

139. Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от публичного государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 100–121.

140. Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 686–710.

141. Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике: Интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.) // Политическая наука. — 2019. — № 3. — С. 279–284.

142. Соловьев А.И. Власть и управление в структуре государственного регулирования // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – №4. – С. 46–61.

143. Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений // Полис. – 2005. – № 5–6.

144. Стюарт, Э., Хартманн, Д. Новая структурная трансформация публичной сферы // Социологическая теория. – 2020. – №2. – С. 170–191.

145. Тертычный А.А. Антикоррупционные журналистские расследования на региональных сайтах // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2014. – № 6. – С. 45–58.

146. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 74–81.

147. Тюрин Б.А. Видеоконтент социальных сетей как новый инструментарий экранных искусств // Вестник ВГИК. – 2021. – № 134(50). – С. 134–143.

148. Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: диссертация на соискание степени доктора политических наук. – М., 2021. – 564 с.

149. Филатова О.Г. Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11. – С. 180–192.

150. Фомина А.Н. Концептуализация понятия «медиаиндустрия» // Креативная экономика. – 2023. – Т.17, № 1. – С. 71–90.

151. Фролов А. А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. – 2023. – № 2. – С. 46–55.

152. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. – 2010. – Т. 1. – С. 26–36.

153. Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. – 2012. – №1 (85). – С. 157–183.

154. Чечулин А. В., Бабенко В. А., Степанова Е. А., Иванов В. М. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. – 2023. – №4. – С. 81–92.

155. Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 32–40.

156. Чугунов А. В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. – 2021. – №5. – С. 2–6.

157. Шелудяков И.С., Лебедева (Красса) Е.Н. Цифровое неравенство в регионах России: проблемы и пути их преодоления // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 2. – С. 23–43.

158. Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 262–273.

159. Элкингтон Дж. Управление для устойчивого развития // Корпоративное управление: международный обзор. — 2006. — № 14(6). — С. 522–529.

160. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 33–73.

161. Юденко М.Н., Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А. Теоретические подходы к устойчивому развитию как основа государственного управления

устойчивым развитием территорий // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 97–104.

162. Bertot, J. C., Jaeger, P. T., & Hansen, D. The impact of polices on government social media usage: Issues, challenges, and recommendations // Government Information Quarterly. – 2012. – 29(1). – P. 30–40.

163. Hood, C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. – 1991. – 69(1). – P. 3–19.

164. Janssen, M., & Zuiderwijk, A. Open data platforms: A framework for analyzing and comparing open government data initiatives // International Journal of Electronic Government Research. – 2014. – 10(3). – P. 1–18.

165. Kassen, M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project // Government Information Quarterly. – 2013. – 30(4). – P. 508–513.

166. Kooiman, J. Social-Political Governance: Overview, Reflections and Design // Public Management Review. – 1999. – 1(1). – P. 67–92.

167. Lindgren, I., & Jansson, G. Electronic services in the public sector: A conceptual framework // Government Information Quarterly. – 2013. – 30(2). – P. 163–172.

168. Mergel, I. A framework for interpreting social media interactions in the public sector // Government Information Quarterly. – 2013. – 30. – P. 327–334.

169. Mergel, I. Digital Transformation in Public Administration: A Hybrid Governance Approach // Public Administration Review. – 2020. – 80 (5). – P. 789–800.

170. Mergel, I. Open Innovation in the Public Sector: The Role of Hybrid Governance Mechanisms // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2020. – 30(2). – P. 234–248.

171. Mergel, I. The Role of Social Media in Public Sector Innovation: A Hybrid Governance Perspective // Government Information Quarterly. – 2019. – 36(3). – P. 345–356.

172. Peters, B.G., & Pierre, J. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // Journal of Public Administration Research and Theory. – 1998. – 8(2). – P. 223–243.

173. Rhodes, R.A.W. The Hollowing Out of the State: The Changing Nature of the Public Service in Britain // Political Quarterly. – 1994. – 65(2). – P. 138–151.

174. Rhodes R.A.W. The new governance: Governing without government // Political studies. – Blackwell, 1996. – Vol. 44. – P. 652–667.

175. Wirtz, B. W., & Birkmeyer, S. Open Government: Origin, Development, and Conceptual Perspectives // International Journal of Public Administration. – 2015. – 38(5). – P. 381–396.

176. Zheng, L., & Zheng, T. Innovation through social media in the public sector: Information and interactions // Government Information Quarterly. – 2014. – 31(1). – P. 106–117.

177. Znamenski D.Y., Sibiryaev A.S., Tokmurzin T.M. «Big Data» as a Mechanism for Assisting State and Municipal Authorities // Lecture Notes in Networks and Systems. — 2022. — T. 397. — P. 170–178.

Авторефераты и диссертации

178. Колокольцева Е.В. Роль средств массовой информации в формировании имиджа Российской Федерации в системе международных отношений: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2023. – 31 с.

179. Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореферат дис. ... доктора политических наук. – М., 2013. – 40 с.

180. Самородова Э.В. Тенденции развития отечественной медиаполитики в условиях цифровизации: 2010-2021: диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – М., 2022. – 173 с.

181. Тезадова Д.А. Сетевые ресурсы развития социальной политики в современной России: диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. – Краснодар, 2023. – 212 с.

182. Филатова О.Г. Электронное взаимодействие власти и общества: медиаэкосистемный подход: автореферат на соискание ученой степени д.п.н. – М., 2024. – 50 с.

183. Шестакова А.А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. – Краснодар, 2023. – 198 с.

Электронные ресурсы

184. #Сибирь_горит: «Гринпис» потребовал пересмотреть «зоны контроля», в которых власти не обязаны тушить пожары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/stories/sibir-gorit-grinpis/ (дата обращения: 12.04.2024).

185. 34% респондентов для получения информации используют Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/tv-72712.html (дата обращения: 18.03.2025).

186. 57% россиян предпочитают узнавать новости... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/perfluence-statistika-issledovanie-novosti-smi-telegram-kanaly-67196.html (дата обращения: 18.03.2025).

187. Активный гражданин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ag.mos.ru/home (дата обращения: 22.04.2025).

188. Анализ настроений: инструменты, методы и примеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://researchmethod.net/sentiment-analysis/ (дата обращения: 14.02.2024).

189. Аналитический портал ФСН России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

190. Аудитория соцсетей в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/u/2306259-aleksei-begin/1822522-auditoriya-socsetei-v-rossii-telegram-vkontakte-youtube-i-rutube-yanvar-2025 (дата обращения: 18.03.2025).

191. Борьба с коррупцией – Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/sujet/3380 (дата обращения: 15.04.2025).

192. БСЭ. Делиберация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/deliberatsiia-a48932 (дата обращения: 25.04.2025).

193. БСЭ. Публичная сфера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4161662 (дата обращения: 10.12.2023).

194. В Госдуму внесены поправки об обязательном тушении лесных пожаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2019/07/31/v-gosdumu-vneseny-popravki-ob-obiazatelnom-tushenii-lesnyh-pozharov.html (дата обращения: 12.04.2024).

195. В отстающих в цифровизации регионах будут внедрять типовые IT-решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://telecomdaily.ru/news/2024/08/13/v-otstayushchih-v-cifrovizacii-regionah-budut-vnedryat-tipovye-it-resheniya (дата обращения: 10.04.2025).

196. В Петербурге сын советского комментатора... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/society/v-peterburge-syn-sovetskogo-kommentatora-ozerova-zaderzhan-po-delu-o-vzyatke (дата обращения: 15.04.2025).

197. ВКонтакте и Минобрнауки подписали соглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.company/ru/press/releases/10190/ (дата обращения: 25.03.2025).

198. ВЦИОМ. Новости: паблики с приставкой «гос-» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos (дата обращения: 05.04.2025).

199. ВЦИОМ. Новости: рейтинги доверия политикам... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-28032025 (дата обращения: 05.04.2025).

200. Голдсмит С., Эггерс У. Сетевое управление: новая форма государственного сектора [Электронный ресурс]. – Режим

до-
ступа: https://books.google.com.co/books/about/Governing_by_Network.html?id=NXod-qVX9R0C (дата обращения: 15.01.2024).

201. Decidim.Barcelona [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.decidim.barcelona/ (дата обращения: 22.04.2025).

202. Добродел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dobrodel.mosreg.ru/ (дата обращения: 22.04.2025).

203. Документы зам. директора по ВР, УВР + [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-215989433_9611 (дата обращения: 10.04.2025).

204. Журнал «Лекториум» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lektorium.tv/ (дата обращения: 02.04.2025).

205. Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/ (дата обращения: 10.04.2025).

206. Инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minzdrav.gov.ru/photo/infografika (дата обращения: 05.04.2025).

207. Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz1-infrastruktura-dostupa-k-informaczionno-telekommunikaczionnoj-seti-internet (дата обращения: 10.04.2025).

208. Каталог Telegram-каналов и чатов (TGStat) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

209. Лента.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

210. Марк Х. Мур о ценностях для общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.management-issues.com/interviews/4606/mark-h-moore-on-public-value/ (дата обращения: 20.01.2024).

211. Медиапотребление 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-943603253071-mediapotreblenie-2023 (дата обращения: 18.03.2025).

212. Медиапотребление 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/Медиапотребление%202024_НАТ_27.08.2024.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

213. Минздрав России. Telegram-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.telegram.org/a/#-1001512944688 (дата обращения: 05.04.2025).

214. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/search?q=коррупция&group= (дата обращения: 15.04.2025).

215. Министерство Просвещения России. Официальный канал в Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/minprosrf (дата обращения: 25.03.2025).

216. Министерство Просвещения РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

217. Министры РФ в соцмедиа: рейтинги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/ (дата обращения: 18.03.2025).

218. Минпросвещения, Минцифры и VK подписали соглашение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/press/5784/minprosvescheniya-mincifry-i-vk-podpisali-soglashenie-o-razvitii-onlayn-kommunikaciy-v-obrazovanii/ (дата обращения: 25.03.2025).

219. МВД разработало проект цифровой платформы для борьбы с IT-мошенничеством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7563383 (дата обращения: 05.04.2025).

220. Мое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.edu.ru/public/promo (дата обращения: 02.04.2025).

221. Мониторинг соцсетей и СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

222. На едином портале государственных услуг проводят опрос «Будущее образование России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/press/9117/na-edinom-portale-gosudarstvennyh-uslug-provodyat-opros-buduschee-obrazovaniya-rossii (дата обращения: 25.03.2025).

223. На Урале произошло чрезвычайное событие в буквальном смысле космического масштаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2013-02-15/77422-na_urale_proizoshlo_chrezvychaynoe_sobytie_v_bukvalnom_smysle_kosmicheskogo_masshtaba (дата обращения: 14.02.2024).

224. Наш Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gorod.gov.spb.ru/ (дата обращения: 22.04.2025).

225. Национальные приоритеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://национальныеприоритеты.рф/news/podvedeny-itogi-pervogo-mesyatsa-raboty-portala-obyasnyaem-rf/ (дата обращения: 05.04.2025).

226. Новости - Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=67360817 (дата обращения: 15.04.2025).

227. Новый ФГОС - серьезный шаг назад, препятствующий модернизации образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3952372 (дата обращения: 25.03.2025).

228. Объясняем РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://объясняем.рф/ (дата обращения: 05.04.2025).

229. Объясняем РФ. Telegram-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/obyasnayemrf (дата обращения: 05.04.2025).

230. Объясняем РФ в VK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/obyasnyaemrf (дата обращения: 05.04.2025).

231. Официальная группа МВД ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/mvd (дата обращения: 05.04.2025).

232. Официальный канал Министерства просвещения России ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/minprosvet (дата обращения: 25.03.2025).

233. Официальный канал Правительства России в Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/government_rus (дата обращения: 05.04.2025).

234. Официальный канал Правительства России ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/gov (дата обращения: 05.04.2025).

235. Оценка результатов проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/5fcd89a4af0b428e8189314120a9c5c3/ (дата обращения: 02.04.2025).

236. Опубликованы результаты уровня цифровой грамотности россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/russia/news/1427475-rossiyane-cifrovaya-gramotnost (дата обращения: 10.04.2025).

237. Песков назвал Telegram главным источником информации в РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1852050/2025-03-11/peskov-nazval-telegram-glavnym-istochnikom-informatcii-v-rf (дата обращения: 18.03.2025).

238. Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/ (дата обращения: 05.04.2025).

239. Проект «Лига добровольческих отрядов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dobro.ru/project/10028074 (дата обращения: 10.04.2025).

240. Рейтинги федеральных СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/ (дата обращения: 18.03.2025).

241. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

242. Российская газета. Новость от 01.02.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/02/01/22235323.shtml (дата обращения: 18.03.2025).

243. Роскомнадзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 10.12.2023).

244. Роскомнадзор утвердил методику подсчета посетителей... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20140731/1018358606.html (дата обращения: 10.12.2023).

245. RT на русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/ (дата обращения: 18.03.2025).

246. Сведения о деятельности Минюста России и его территориальных органов по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnostii2014/ (дата обращения: 15.04.2025).

247. Сведения об использовании выделяемых бюджетных средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/budget (дата обращения: 15.04.2025).

248. Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sledcom.ru/search?q=коррупция&dates= (дата обращения: 15.04.2025).

249. Совместное использование Интернета и пользовательского контента Web 2.0, вики-проекты и социальные сети [Электронный ресурс]. – Режим

до-
ступа: https://books.google.ru/books?id=HdPVAgAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.02.2024).

250. Соцмедиа помогают изучить мнения граждан при принятии решений Правительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/news/page/socmedia-pomogaut-izucit-mnenia-grazdan-pri-prinatii-resenij-pravitelstvom-27456 (дата обращения: 05.04.2025).

251. Социальные медиа в России: аудитория в феврале-марте 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raec.ru/upload/files/220406-social-media-russia.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

252. Сферум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sferum.ru/?p=start (дата обращения: 02.04.2025).

253. ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

254. TargetHunter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://casecollector.ru/tools/smm_tools/target-hunter-polnyj-algoritm-sbora-cza-v-vkontakte/ (дата обращения: 25.03.2025).

255. Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://telegram.org/ (дата обращения: 18.03.2025).

256. Универсариум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://universarium.org/ (дата обращения: 02.04.2025).

257. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 05.04.2025).

258. Федеральный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/ (дата обращения: 10.04.2025).

259. ФАС России: противодействие коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/pages/vazhnaya-informacziya/anticorruption/ (дата обращения: 15.04.2025).

260. VK/ что такое VK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/about (дата обращения: 18.03.2025).

261. Волонтеры-медики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://волонтеры-медики.рф/ (дата обращения: 10.04.2025).

262. Волонтеры Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://волонтёрыпобеды.рф/ (дата обращения: 10.04.2025).

263. Что думают учителя и родители о новых образовательных стандартах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2021/10/25/chto-dumaiut-uchitelia-i-roditeli-o-novyh-obrazovatelnyh-standartah.html (дата обращения: 25.03.2025).

264. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. [Электронный ресурс] / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

265. Цифровизация государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva (дата обращения: 05.04.2025).

266. Цифровое государственное управление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz4-czifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie (дата обращения: 10.04.2025).

267. Цифровые волонтеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://volonteronline.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

268. ЦОС Моя Школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://myschool.edu.ru/ (дата обращения: 02.04.2025).

269. Электронный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://budget.gov.ru/Главная-страница?regionId=45000000 (дата обращения: 10.04.2025).

270. Habermas J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/author/J.-Habermas/41210391 (дата обращения: 25.04.2025).

271. Nielsen R. The Power of Platforms: Shaping Media and Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/357860906_The_power_of_platforms_shaping_media_and_society (дата обращения: 14.02.2024).

272. Рассел Н.У. Будущее массовой аудитории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/309043/The_Future_of_the_Mass_Audience (дата обращения: 14.02.2024).

273. Чадвик Э. Гибридная медиасистема: политика и власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://figshare.com/articles/journal_contribution/All_political_communication_is_hybrid_A_conversation_with_Andrew_Chadwick_about_his_latest_book_The_Hybrid_Media_System_Politics_and_Power_/9474719?file=17099222 (дата обращения: 15.01.2024).

274. Mergel, I. Agile: A New Way of Governing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/Agile-innovation-management-in-government%3A-A-agenda-Mergel/34794ea6aa1e6635837908f48bcf2ff606014aa3 (дата обращения: 15.01.2024).

275. Хекшер Ч, Донеллон Э. Постбюрократическая организация: новые перспективы организационных изменений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/isbn_9780803957176 (дата обращения: 20.01.2024).

276. Вейерер Я. Открытые правительственные данные: систематический обзор литературы по эмпирическим исследованиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/363693224_Open_government_

data_A_systematic_literature_review_of_empirical_research (дата обращения: 25.04.2025).

277. AmeriCorps Digital Service Fellows [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://utp-philly.org/digital-service-fellows/ (дата обращения: 12.04.2025).

278. БСЭ. Делиберация [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://bigenc.ru/c/deliberatsiia-a48932?ysclid=m9edn80drt171963468 (дата обращения: 25.04.2025).

279. БСЭ. Публичная сфера [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4161662?ysclid=m7cqomkvc1742372725 (дата обращения: 10.12.2023).

280. Видеохостинг RUTUBE [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rutube.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

281. Cyber Volunteers [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cibervoluntarios.org/en/volunteering (дата обращения: 12.04.2025).

282. Decidim, a Technopolitical Network for Participatory Democracy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-031-50784-7.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

283. DigiTandem [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ehrenamt-bochum.de/unsere-projekte/digitandem-inklusiv/ (дата обращения: 12.04.2025).

284. Digital Champions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.digitalchampions.it/ (дата обращения: 12.04.2025).

285. Digital Skills and Jobs Coalition [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eitci.org/digital-skills-and-jobs-coalition (дата обращения: 12.04.2025).

286. Digitalkoot [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nlb.by/content/news/library-news/pervaya-v-evrope-elektronnaya-

programma-po-otsifrovke-arkhivov-na-osnove-kraudsorsinga_3229/?ysclid=m92xjb3wc824562415 (дата обращения: 12.04.2025).

287. Дмитрий Чернышенко обсудил с депутатами Государственной Думы национальный проект «Молодёжь и дети» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://government.ru/news/54531/ (дата обращения: 25.03.2025).

288. Добродел [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dobrodel.mosreg.ru/?ysclid=m9d0aio3iw534804221 (дата обращения: 22.04.2025).

289. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kp.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

290. Медиапотребление 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://6-sense.pro/resource/tproduct/654803056-943603253071-mediapotreblenie-2023?ysclid=m869e7qjr7926960969 (дата обращения: 18.03.2025).

291. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://мвд.рф/search?q=коррупция&group= (дата обращения: 15.04.2025).

292. Министерство Просвещения РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://edu.gov.ru/activity/molodezh-i-deti/ (дата обращения: 25.03.2025).

293. Министерство Просвещения РФ. Официальная группа ВКонтакте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/minprosvet (дата обращения: 25.03.2025).

294. Министерство труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. —Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/8# (дата обращения: 15.04.2025).

295. Министры РФ в соцмедиа: июль 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14101/ (дата обращения: 10.08.2025).

296. Министры РФ в соцмедиа: август 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14149/ (дата обращения: 10.09.2025).

297. Министры РФ в соцмедиа: сентябрь 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/ministers/14196/ (дата обращения: 10.10.2025).

298. Министерство финансов России: противодействие коррупции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/om/anticormk/ (дата обращения: 15.04.2025).

299. Миронов А.А. Государственное управление: основные цели и функции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-osnovnye-tseli-i-funktsii/viewer (дата обращения: 15.03.2024).

300. Обучение первой помощи и сопровождение мероприятий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://old.волонтеры-медики.рф/directions/pomoshh-v-meditsinskom-soprovozhdenii-meropriyatiy-2/ (дата обращения: 10.04.2025).

301. Опрос показал, сколько россиян хорошо оценивают работы Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ria.ru/20250328/opros-2007873706.html?ysclid=m8w19vgl1x20906986 (дата обращения: 05.04.2025).

302. Официально запущен публичный аккаунт… [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://russian.beijing.gov.cn/latest/news/202309/t20230904_3247024.html (дата обращения: 10.04.2025).

303. Открытое образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://openedu.ru/course/ (дата обращения: 02.04.2025).

304. Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_Molodezh__i_deti.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

305. Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sh-mostovskaya-r81.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/70/1168/Pasport_natsional_nogo_proekta_Obrazovanie_utv._prezidiumom_Soveta_pri_Prezidente_RF_po_strategicheskomu_razvitiyu_i_natsional_nym_proektam_protokol_ot_24.12.2018_16_..pdf (дата обращения: 25.03.2025).

306. Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Ekonomika%20dannykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

307. Паспорт проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

308. Паспорт проекта «Цифровая школа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sudogda-obrazovanie.ru/wp-content/uploads/2019/04/29/Паспорт-Федерального-проекта-Цифровая-школа.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

309. Паспорт федерального проекта «Все лучшее детям» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/news/2025/nats-proekty/2-fp-vse-luchshee-detyam.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

310. Паспорт федерального проекта «Педагоги и наставники» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/news/2025/nats-proekty/4-fp-pedagogi-i-nastavniki.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

311. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://krmbou2.gosuslugi.ru/netcat_files/194/3258/Pasport_federal_nogo_proekta_Tsifrovaya_obrazovatel_naya_sreda_.pdf?ysclid=m44jjcryr2525661534 (дата обращения: 25.03.2025).

312. Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002?ysclid=m40muy0pf2643594551 (дата обращения: 20.03.2024).

313. Приказ Минпросвещения России «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912250047?ysclid=m40mtpqcnb192558749 (дата обращения: 20.03.2024).

314. Сведения о деятельности Минюста России и его территориальных органов по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-deyatelnostii2014/ (дата обращения: 15.04.2025).

315. Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sledcom.ru/search?q=коррупция&dates= (дата обращения: 5.04.2025).

316. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 416441-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/416441-8?ysclid=m8rn3iehh657328583 (дата обращения: 15.03.2024).

317. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 465666-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/465666-8?ysclid=m8rpsm4aqm994091646 (дата обращения: 15.03.2024).

318. Система межведомственного электронного документооборота органов власти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eos.ru/eos_products/sistema-medo/?ysclid=m8qcejdmxs676367716 (дата обращения: 15.03.2024).

319. Telegram [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://telegram.org/ (дата обращения: 18.03.2025).

320. TGStat: Каталог Telegram-каналов и чатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

321. Федеральный проект «Профессионалитет» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://firpo.ru/activities/projects/federalnyy-proekt-professionalitet/?ysclid=mgo38itv5847629048 (дата обращения: 25.03.2025).

322. Федеральный проект «Россия в мире» [Электронный ресурс]. — Режим дступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510353/31ce2b068fc41043e962644a8a8ac73eca2bae58/ (дата обращения: 25.03.2025).

323. Фонд Cibervoluntarios [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://euagenda.eu/organisers/fundacion-cibervoluntarios (дата обращения: 12.04.2025).

324. Хабр [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://habr.com/ru/news/764324/ (дата обращения: 15.03.2024).

325. World Education [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://worlded.org/ (дата обращения: 12.04.2025).